

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

МЕЖСЕКЦИОННЫЙ СБОРНИК № 2

ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Материалы
VIII Конвента РАМИ
25–26 апреля 2014 г.
МГИМО–Университет

Издательство
«МГИМО–Университет»
2015

УДК 327

ББК66.4

М43

*РАМИ не несет ответственности за содержание статей.
Мнение авторов не обязательно совпадает с точкой зрения
Исполнительной дирекции и Руководящего совета РАМИ.
Со всеми материалами VIII Конвента можно ознакомиться
на сайте Ассоциации www.risa.ru*

М43 **Межсекционный сборник № 2 «Глобальное управление»** (Материалы VIII Конвента РАМИ, апрель 2014 г.) : научное издание / Под ред. М. М. Лебедевой, М. В. Стрежневой, В. В. Пановой, А. И. Никитина. — Издательство «МГИМО–Университет», 2015. — 228 с.

ISBN 978-5-9228-1368-6

Издание представляет собой сборник статей, подготовленных участниками секций VIII Конвента РАМИ, который состоялся 25–26 апреля 2014 года. Публикация отражает спектр проблем, которые обсуждались в ходе Конвента.

УДК 327

ББК66.4

ISBN 978-5-9228-1368-6

© РАМИ, 2015

Оглавление

ЧАСТЬ I

ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: МЕТАМОРФОЗЫ

ВВЕДЕНИЕ	9
<i>М. М. Лебедева</i>	
ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ	11
<i>М. В. Харкевич</i>	
ГОСУДАРСТВО В ГЛОБАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ	21
<i>Е. В. Стецко</i>	
ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: СИМБИОЗ СИЛЬНЫХ ЛИДЕРОВ И ВРЕМЕННЫХ АЛЬЯНСОВ?	26
<i>Е. В. Саворская</i>	
НЕТВОРКИНГ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ	35
<i>Л. Н. Карлин, А. А. Алимов</i>	
ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ЭПОХУ МАСШТАБНЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ	42
<i>Е. О. Лабецкая</i>	
ТРАНСАРКТИКА: АСПЕКТЫ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ	53
<i>Т. В. Юрьева</i>	
«ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ» В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА	62
<i>Е. В. Фатуева</i>	
КОНЦЕПЦИЯ «ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО ЗАЩИТЕ» КАК МЕХАНИЗМ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ	73
<i>Л. Р. Рустамова</i>	
ФАКТОР «МЯГКОЙ СИЛЫ» В ГЛОБАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНИИ	81
<i>В. М. Новикова</i>	
ТРЕХМЕРНЫЙ ЭФФЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ МАТРИЦЫ ИНТЕГРАЦИИ	91
<i>Е. Г. Довбыш</i>	
ГОРОДА В ГЛОБАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ	95

ЧАСТЬ II**РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ «КЛУБОВ» В ГЛОБАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ***Paul J. Saunders*

CLUBS AND GLOBAL GOVERNANCE 115

*John Kirton*GENERATING GLOBAL HEALTH GOVERNANCE FROM G8
TO BRICS SUMMITRY..... 122*Ekaterina Brancato*TRENDS IN ECONOMIC DEVELOPMENT, COOPERATION,
AND TRADE: BRICS' POSITION 128*Л. М. Григорьев*ХАРАКТЕР РАЗВИТИЯ БРИКС
И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С РАЗВИТЫМ МИРОМ
ОПРЕДЕЛИТ БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА..... 141*Л. Шаумян*

ИНДИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ И ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ 148

*А. Д. Чеков*УСПЕХИ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ
ГЛОБАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО.
ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОГРАММЫ В КОНТЕКСТЕ
ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА «ГРУППЫ ВОСЬМИ»..... 160**ЧАСТЬ III****СОВРЕМЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ***К. М. Барский*ПОДХОДЫ ШОС К ВОПРОСАМ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ
И УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ 171*Ю. К. Богуславская*НАТО ПОСЛЕ КРЫМСКОГО КРИЗИСА:
АЛЬТЕРНАТИВЫ ДЛЯ АЛЬЯНСА..... 183*Ю. Я. Киршин*ИЗМЕНЕНИЕ РОЛИ НАРОДА
ВО ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ 191

<i>В. Ф. Прягин</i> ЭТНИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНФЛИКТОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ. УРОКИ ОШСКИХ ТРАГЕДИЙ	201
<i>С. В. Растольцев</i> «ЗАТЯЖНЫЕ» КОНФЛИКТЫ В ПОВЕСТКЕ ДНЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА УРЕГУЛИРОВАНИЯ (на примере Приднестровья).....	210
<i>М. Чунг</i> СТАНОВЛЕНИЕ КИТАЯ В КАЧЕСТВЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ЛИДЕРА В РЕГИОНЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	216
<i>Zoran M. Aracki¹</i> SECURITY RESEARCH TRANSFORMATIONS INFLUENCED BY CYBERSPACE.....	222
ОБ АВТОРАХ	227

ЧАСТЬ I

**ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ:
МЕТАМОРФОЗЫ**

ВВЕДЕНИЕ

Глобальное управление привлекает сегодня все больше внимания исследователей и практиков. Раньше хаотизация международных отношений и мировой политики в общем преодолевалась поведением крупнейших держав. Конечно, это не было беспроблемным. Две мировые войны, не говоря уже об остальных войнах и конфликтах — тому доказательство. В современном мире все значительно осложнилось: на мировой арене действуют гораздо больше государств, активизировались негосударственные акторы. При это современные технологии позволяют относительно слабым участникам нанести непоправимый ущерб другим. Все это ставит вопрос глобального управления особо остро.

Секция «Глобальное управление: метаморфозы», организованная на VIII Конвенте РАМИ в формате «круглого стола» (что позволило в большей степени использовать дискуссии), рассмотрела проблему глобального управления в различных ракурсах. В представленных текстах обсуждаются вопросы, связанные с особенностью современного этапа политического развития мира и возможных формах глобального управления (М. М. Лебедева), роли государств в современном глобальном управлении (М. В. Харкевич, Е. В. Стецко), взаимодействии государств и негосударственных акторов (Е. В. Саворская, Е. О. Лабецкая).

Необходимость глобального управления, пожалуй, особо сегодня чувствуется в сфере экологии. Экологические проблемы по своей сути транснациональны и не могут быть решены в рамках одного или нескольких государств. Вопросы глобального управления в сфере экологии ставятся в докладе Л. Н. Карлина и А. А. Алимова, а также затрагиваются Е. О. Лабецкой в связи с Арктикой.

Целый ряд докладов секции был посвящен тому, как глобальное управление проявляется в тех или иных случаях: при решении украинского кризиса (Т. В. Юрьева), при внешнем вмешательстве в конфликт (Е. В. Фатуева), реализуется во внешней политике отдельных госу-

дарств и интеграционных образований (Л. Р. Рустамова, В. М. Новикова), а также в деятельности глобальных городов (Е. Г. Довбыш).

Разумеется, авторы не дают ответов на все вопросы, связанные с глобальным управлением. Их задача — скромнее, побудить интерес к данной проблеме и пригласить других исследователей к обсуждению данной проблемы.

М. М. Лебедева
М. В. Стрежнева

ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Проблема глобального управления выходит на первый план в международных исследованиях конца XX — начала XXI вв. В чем причина такого интереса к проблеме?

Термин «глобальное управление» в широкий оборот был введен В. Брандтом и его коллегами по работе в Комиссии ООН по глобальному управлению («Commission on Global Governance»). Комиссия была создана для рассмотрения того, как можно совместными усилиями решить такие проблемы, имеющие отношение к миру в целом, как экология, борьба с бедностью, болезнями и т. п. В конце XX в. проблематика глобального управления значительно расширяется: в нее включаются фактически все политические проблемы, с которыми сталкивается современный мир.

Одним из наиболее традиционных ответов на вопрос о причинах популярности проблематики глобального управления в конце XX в. становится окончание «холодной войны» и распад биполярной системы международных отношений. До сих пор данное объяснение остается наиболее распространенным. Несомненно, распад биполярной системы стимулировал поиски ответа на вопрос, как должно строиться управление современных международных отношений. Конфигурация взаимодействия ведущих держав разрушилась. Более того, не очевидно, что пришло ей на смену.

Но все же окончание «холодной войны» было не единственной причиной, заставившей обратиться к вопросам глобального управления. Мир в конце XX в. оказался более сложным, чем модель взаимодействия наиболее сильных государств. Так, еще одним стимулом интереса к вопросам глобального управления стало развитие различных наук по вопросам управления, включая разработку тех аспектов, которые связаны с поиском алгоритмов действий. Это не могло не повлиять на интерес к вопросам глобального управления. Впрочем, справедливости ради необходимо отметить, что данные этих наук до сих пор не были в полной мере востребованы и использованы в международных исследованиях.

И все же основным мотивом, побудившим исследователей заняться проблемой глобального управления, стали кардинальные изменения, произошедшие в политической системе мира. Это процессы транснационализации связей и отношений; принципиально иные масштабы деятельности негосударственных акторов на международной арене, развитие научно-технической революции, которая сделала слабого сильным с точки зрения возможного нанесения ущерба другим и т. п. Все эти изменения также пришлось на окончание XX столетия и продолжают до сих пор.

Распространение глобализации и противостоящего ей изоляционизма, который реализуется, в том числе, в виде различных анклавов, усилили процессы перестройки политической системы мира.

Все это привело к процессам хаотизации и плохой предсказуемости мировых политических процессов. Знаменитая фраза В. Шекспира: «Неладно что-то в датском королевстве...» — как нельзя лучше подходит к характеристике современного мира. И дело не в том, что сегодня слишком распространенными являются вооруженные конфликты, террористические акты, политические и экономические кризисы, или, что жизнь становится все более беспокойной и «опасной». Конфликтов и опасностей у жителей средневековой Европы, античной Греции, Древнего Египта и т. д. было, наверное, не меньше. Но сегодня мы столкнулись с тем, что, с одной стороны, есть вроде бы общее понимание того, что надо что-то делать в области мировой политики и международных отношений, чтобы обеспечить мирное и поступательное развитие человечества, с другой — наличием не слишком больших успехов предпринимаемых в этом плане шагов. В результате в лучшем случае удается как-то сдерживать «старые угрозы», но сразу же появляются «новые».

Представляется, что политическое развитие мира не является чем-то особенным и, как и любое другое развитие, претерпевает стадии эволюции, когда новые структуры выстраиваются постепенно, и революционные фазы быстрых и качественных смен одних структур на другие. По всей видимости, именно такую революционную смену политической структуры мира мы наблюдаем сегодня. Не случайно некоторые авторы увидели аналогии между развитием мира на рубеже XX—XXI вв. и средневековой Европой и заговорили о новом средневековье¹. И тогда, и сейчас довольно остро ощущались и ощущаются процессы, связанные с хаотизацией, плохо предсказуемостью политического развития.

Соответственно, в стадии эволюционного развития преобладают процессы, связанные с упорядочиванием структур, а в революционной стадии, напротив, — процессы хаотизации, характеризующиеся распадом существующих структур и процессом создания новых.

Именно этап хаотизации переживает современная политическая организация современного мира². А это требует, по крайней мере, минимизации издержек, связанных с плохо прогнозируемым развитием. Отсюда и интерес к глобальному управлению, т. е. к попыткам ответить на вопрос, как сделать развитие политических процессов в мире более управляемым? Не случайно, главной темой Конвента Международной Ассоциации международных исследований (International Studies Association), который прошёл в Монреале в 2011 г. стало: «Глобальное управление: транзит политической власти» (Global Governance: Political Authority in Transition)³.

В практическом плане также ощущается потребность в глобальном управлении. Дискуссии о реформе ООН и других межправительственных организаций — один из индикаторов этой потребности. Существует и множество других вопросов, которые также связаны с проблемой глобального управления. Это и обсуждение архитектуры европейской безопасности, и противодействие терроризму, и недопущение экономических кризисов и т. п. Однако в целом сегодня о глобальном управлении говорить не приходится, скорее, речь идет о подходах к регулированию мировых политических процессов. Тем не менее, термин «глобальное управление» широко используется в научной литературе, поэтому нет оснований отказываться от него.

Попыток дать ответ на вопрос о том, что делать для упорядочивания мирового политического развития много. В конце 1980-х — начале 1990-х годов довольно популярной становится идея глобального правительства, обусловленная волной демократизации и статьей Ф. Фукуямы о «конце истории». При этом глобальное правительство понималось подобно национальному правительству, но во всемирном масштабе⁴. Отголоски этой идеи появляются в российских исследованиях до сих пор, но с прямо противоположным знаком по отношению к исходному тезису, а именно, как «всемирный заговор» крупного капитала против трудящихся.

Тем не менее, большинство исследователей, в том числе и российских, видят проблему глобального управления в развитии международных организаций⁵, а также совершенствовании механизмов и форм дипломатии, особенно многосторонней дипломатии⁶.

Представляется, что развитие этих направлений является очень важными для понимания и формирования глобального управления, но недостаточными. Поскольку современный этап хаотизации обусловлен процессами, происходящими на уровне политической системы мира в целом, то без ее реформы невозможно создание эффективных механизмов глобального управления.

В настоящее время трудно сформулировать даже основные контуры глобального управления, поскольку политическая система мира находится в процессе трансформации. Тем не менее, можно дать основные принципы, на основе которых должно строиться глобальное управление.

Первый принцип, вытекающий из трансформации политической системы мира, заключается в том, что необходим *целостный подход* к проблеме глобального управления. Это означает, что реформы отдельных организаций, включая ООН, безусловно, важны и необходимы. Однако реформирование политической системы мира не есть сумма реформ отдельных организаций, институтов и/или механизмов. Иными словами, не отрицая реформы отдельных организаций, следует продумать общие параметры политической организации мира, которые бы отвечали современным реалиям. Далее, исходя уже из этих параметров, следует заниматься реформами отдельных организаций. Иными словами, представляется, что реформы необходимо проводить, видя целостную картину того, какая политическая система мира выстраивается.

Второй принцип заключается в *развитии многоуровневых механизмов управления*, предполагающих не только участие разных государств в глобальном управлении (что соответствует принципу многостороннего управления), но и различных акторов: государств, межправительственных организаций, бизнеса, международных НПО и т.д., поскольку современная международно-политическая реальность более не сводится к исключительно межгосударственному взаимодействию как было ранее. Встает задача выстраивание новых механизмов глобального управления с учетом этих появившихся новых реалий. Включение негосударственных акторов в процесс глобального управления — довольно сложный процесс, хотя он, по сути, уже идет.

Если во второй половине XX в. в дипломатии развивались такие формы, как многосторонние встречи и встречи на высшем уровне, то в конце XX — начале XXI в. в результате указанных изменений

все большее распространение получают многоуровневая дипломатия. В современном мире все чаще наблюдается совместное участие государств, межправительственных организаций, международных неправительственных организаций в решении политических проблем. Эта деятельность характерна не только под эгидой ООН, но и в рамках других международных организаций, а также различных конференций, форумов и т. п. Одним из примеров подобного рода многоуровневого и многостороннего характера принятия решений может служить Всемирный саммит по вопросам информационного общества, созванного в соответствии с резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН. На втором этапе Саммита, которой прошел в Тунисе в 2005 г. приняло участие более 19 тысяч человек — представители государственных структур, деловых кругов и гражданского общества из 175 стран мира, а также ряд международных организаций. Около 50 делегаций возглавляли главы государств. Результатом работы стало принятие решений по таким дискуссионным вопросам, как управление Интернетом, преодоление цифрового разрыва между «Севером» и «Югом». Правда, в последствие возникли проблемы, обусловленные сложностью согласований. Стали выдвигаться предложения о сведении к минимуму деятельности неправительственных организаций. Тем не менее, наличие подобных вопросов не означает невозможность применения принципов многоуровневости и многосторонности в мировой политике.

При использовании инструмента многоуровневой дипломатии возникает также проблема того, что слишком большое количество участников с разными интересами и принадлежностью к разным структурам вовлекаются в обсуждение вопросов. В этих условиях выйти на согласование оказывается довольно сложно. Для преодоления сложностей можно использовать поэтапный подход, когда сначала к обсуждению приглашаются все заинтересованные стороны, в том числе и негосударственные акторы. На этом этапе выявляются интересы, позиции участников, их подходы к решению. Это своеобразный «мозговой штурм». Далее определяются участники второго этапа переговорного процесса — те, кто реально желают и могут решить проблему. Однако при выработке решения они должны учитывать мнения и позиции других участников, сформулированные на первом этапе⁷.

Следующая проблема применения принципа многоуровневости состоит в том, что современный мир включает в себя многих акторов, которые прибегают к насилию или угрожают насилием, в том числе терро-

ристические, националистические, экстремистские организации и т. п., иными словами — негосударственных акторов, использующие насилие и незаконные действия (violent non-state actors — VNSA). Вовлечение таких акторов в переговорный процесс в целях глобального управления практически невозможно и в определенном смысле бесполезно, но игнорировать их также нельзя. Представляется, что общая линия поведения здесь должна быть направлена на то, чтобы взаимодействовать с теми слоями в этих структурах, которые занимают умеренную позицию, и постепенно сдвигать их в сторону принятия общепринятых норм поведения. Так, Е. М. Примаков показывает, что борьба с терроризмом не может быть основана на противопоставлении ислама другим религиям. Более того, пишет он: «Борьба против международного терроризма неэффективна без участия в ней, причем в первых рядах, мусульманских стран и организаций.... Умеренные исламские режимы, равно как и светские режимы в государствах с мусульманским населением, не находятся по одну сторону баррикады с террористами»⁸. Поэтому возникает возможность сотрудничества и диалога с умеренными представителями ислама, с теми, кто видит возможность развития и эволюции современной политической системы мира, а не замены ее с помощью террористических методов на иную систему, основанную на принципах всемирного халифата.

Следующий принцип — это принцип *диалога*. Следует отметить, что идея *диалога*, хотя близка, но не тождественна переговорному процессу. В исследованиях переговоров хорошо показано, что существует наличие двух стратегий: совместного с партнером анализа проблемы и торга⁹. Торг предполагает ориентацию на собственный максимальный выигрыш, в то время как совместный с партнером анализ проблемы ориентирован на учет интересов противоположной стороны, иными словами на диалог с ним. Поэтому решения, достигнутые в результате совместного с партнером анализа проблемы, дают долгосрочные результаты, хотя с точки зрения краткосрочных выгод торг может оказаться предпочтительнее.

Международный диалог и взаимодействие с другими государствами гораздо более сложная задача, чем стратегия прямых, «лобовых» атак. Диалог требует времени и знаний своей, а также другой культуры. Международный диалог не может быть односторонним, он всегда имеет «двухстороннее движение».

Удивительно, но на этот факт мало кто обращает внимание. Даже те авторы, которые подчеркивают необходимость не только силового

воздействия на мировой арене, исходят из того, что это воздействие является по сути односторонним. Так, Дж. Най, разрабатывая свою концепцию «мягкой силы», полагает принципиально важным наличие способности «побудить других желать того же, чего хочешь сам»¹⁰. Это, согласно Дж. Наю, непрямой метод реализации власти.

Концепция «мягкой силы» была взята на вооружение, хотя и не сразу, а спустя некоторое время при формировании американской внешней политики в отношении мусульманских стран после трагических событий 11 сентября 2001 г. Казалось бы, «мягкая сила» направлена на «завоевание» как раз умеренных представителей мусульманского мира в совместной борьбе с терроризмом. Однако, главным недостатком данной концепции (было высказано много критики в отношении данной концепции, справедливой и не совсем) является как раз то, что противоположная сторона рассматривается как просто воспринимающая предлагаемую информацию. В этой логике основной задачей является как можно лучше преподнести необходимую информацию, сделать ее привлекательной. На самом деле все гораздо сложнее. Другой (человек, государство, тот или иной актор и т. п.) не является неким «плацдармом», за который борются разные силы. Субъект всегда активен, поэтому важно не столько воздействие на него, сколько взаимодействие с ним.

Формы и форматы диалога могут быть совершенно разные: это и переговоры, и различные дискуссионные площадки по типу Давосского форума и т. п.

Своего рода «связующим» принципом между диалогом и многоуровневостью является принцип *интерактивности*. Он предполагает вовлечение в процессы глобального управления широких масс, учет их мнений и интересов. Интерактивность должна использоваться для постоянной настройки и самонастройки системы глобального управления.

Механизмы интерактивности могут быть также различными. Массы все больше включаются в современные политические процессы, используя, в том числе, и современные средства информации и мобилизации, такие как сотовую связь, социальные сети, блоги и другие. Например, фактор влияния социальных сетей на развитие политических процессов невозможно сегодня игнорировать.

В качестве следующего принципа глобального управления может быть предложена идея «*зоны ближайшего развития*». Представления

о «зоне ближайшего развития» были сформулированы в психологии Л. С. Выготским и заключаются в том, что если мы хотим «управлять» развитием, то повлиять можно только на так называемую «зону ближайшего развития», задавая из начальной точки будущую траекторию дальнейшего движения. Другими словами, речь идет о том, чтобы выстраивать траекторию развития постепенно и планомерно, не забегая далеко вперед, поскольку это невозможно.

Применительно к глобальному управлению такая зона ближайшего развития (здесь было бы точнее говорить о «зоне ближайших изменений») состоит в том, что действия актора «подтягивают» структуры в том или ином направлении. В качестве структур могут выступать нормы, правила поведения, а также материальная сфера экономики, уровень вооружений и т.д. Совокупность измененных структур в результате деятельности различных акторов формируют своеобразный «коридор» для новой деятельности и т.д. Накопленные изменения ведут к ломке прежних и формированию принципиально новых структур, которые нередко воспринимаются как «неожиданные» или «внезапные». Теоретическая апробация данной модели была проведена на материале конфликтов и показано, что в периоды эволюционного развития конфликты особо значимыми оказываются структуры (факторы), а в кризисе — деятельность лидеров (акторов)¹.

Наконец, еще один принцип, использование которого представляется перспективным в развитии современного глобального управления. Пока он сформулирован только в общем виде в Концепции внешней политики Российской Федерации 2008 г.¹². Речь идет о *сетевой дипломатии или сетевом взаимодействии*. К сожалению, дальнейшей должной разработки ни на теоретическом, ни на практическом уровнях данная идея пока не получила. По сути же, сетевая дипломатия представляет собой механизм решения международных проблем по сетевому принципу, когда наиболее заинтересованные в решении той или иной проблемы участники выступают своего рода организационными, интеллектуальными, финансовыми и т.п. центрами. Эти центры увязываются, как между собой, поскольку один и тот же актор включен в решение многих проблем (в каких-то случаях — в качестве центра, в каких-то — просто участника), так и с ООН, являющейся главным координатором процессов глобального управления.

Развитие идей и организационных форм сетевой дипломатии могло бы быть важным вкладом России в глобальное управление. Это осо-

бенно важно, если принять во внимание соображение, высказанное С. Стрэндж о том, что будущее определяют не армии или ресурсы, а то, насколько участник международного взаимодействия окажется влиятельным при определении новых «правил игры», т. е. тех норм и принципов, на основе которых будет строиться взаимодействие¹³.

Перечисленные принципы глобального управления — целостный подход; развитие многоуровневых механизмов; ориентация на диалог, имеющий двухстороннюю направленность; выявление «зоны ближайшего развития»; сетевое взаимодействие — разумеется, не являются исчерпывающими. Одна из дальнейших задач исследований в области глобального управления состоит как раз в том, чтобы выявлять и формулировать новые принципы, на основе которых должно формироваться глобальное управление в мире, отвечающее современным реалиям и способам управления.

Особо стоит вопрос о роли России в системе глобального управления. Россия имеет огромные ресурсы. Причем, речь идет не о природных ресурсах, которыми, безусловно, располагает страна, а о российских политических ресурсах¹⁴. Так, Россия включена в систему международных институтов и организаций, занимающих сегодня лидирующее положение в решении мировых политических проблем. Прежде всего, это Совет Безопасности ООН, а также целый ряд других международных организаций и институтов, среди которых все с большей очевидностью проявляются возможности, так называемых «клубных форматов» — «Группы двадцати», БРИКС.

Представляется, что через различные структуры, в которые входит Россия, она могла бы постепенно выстраивать новую политическую систему мира, основываясь на принципах, сформулированных выше. Выстраивание новой политической системы мира в современных условиях необходимо основывать на научной экспертизе. Поэтому важно стимулировать научные разработки в этой сфере.

¹ См., напр., Kaplan Robert D. *The Coming Anarchy* // Mansbach Richard W., Rhodes Edward. *Global Politics in a Changing World. A Reader*. — Boston, New York Houghton Mifflin Company, 2000. — P. 105–115.

² Подробнее см.: *Метаморфозы мировой политики* / М. М. Лебедева (ред.). — М.: МГИМО (У), 2012.

³ Сайт International Studies Association. Режим доступа: <http://www.isanet.org/meetings/past-meetings.html#2011>

- ⁴ См. напр., Finkelstein L. What is Global Governance? // *Global Governance*, 1995. — Vol. 1. — P. 367–372.
- ⁵ См., напр., *Handbook of Transnational Governance. Institutions and Innovations* / Th. Hale, D. Held (Eds.). — Cambridge: Polity Press, 2011; Барабанов О. Н., Голицын В. А., Терешенко В. В. Глобальное управление. — М.: МГИМО (У), 2006.
- ⁶ См., напр., Hamilton K., Langhorne R. *The Practice of Diplomacy*. — L.: Routledge, 1995; Sharp, P. *Diplomatic Theory of International Relations*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- ⁷ Пример возможности такого поэтапного решения на материале выработки Договора о европейской безопасности обсуждается в статье: Лебедева М. М., Юрьева Т. В. Архитектура европейской безопасности: глобальный и региональный аспекты (в печати).
- ⁸ Примаков Е. М. «Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. — М., Российская газета, 2009. — С. 43.
- ⁹ См. Raiffa H. *The Art & Science of Negotiation*. — Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1982; Фишер Р., Юри У. *Путь к согласию, или переговоры без поражения*: Пер. с англ. — М.: Наука, 1990; Лебедева М. М. *Технология ведения переговоров*. — М.: Аспект Пресс, 2010 и др.
- ¹⁰ Nye J. *The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone*. — Oxford: University Press, 2002. — P. 8.
- ¹¹ Лебедева М. М. Межэтнические конфликты на рубеже веков: методологический аспект // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2000. — № 5. — С. 31–39.
- ¹² Концепция внешней политики Российской Федерации, 2008 г. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml>
- ¹³ Strange S. *The Retreat of the State: The Diffusion of Power in the World Economy*. — Cambridge, Eng.: Cambridge University Press, 1996.
- ¹⁴ Подробнее см.: Лебедева М. М. Ресурсы влияния в мировой политике / *Политика*. — 2014. — № 1. — С. 99–108.

ГОСУДАРСТВО В ГЛОБАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ¹

Глобальное управление является на данный момент одним из наиболее динамично развивающихся направлений в исследованиях по мировой политике. При этом терминологическая борьба вокруг данного понятия еще далека от своего завершения.

Можно выделить следующие составляющие глобального управления, вокруг которых в научной литературе сложился определенных консенсус: а) глобальное управление — регулирование процессов глобализации; б) глобальное управление предполагает тесное сотрудничество государств и негосударственных акторов; в) кроме иерархических форм управления широкое распространение получают сетевые и рыночные формы².

В качестве рабочего определения глобального управления предлагается следующее: *усилия государственных и негосударственных акторов, а также совокупность формальных и неформальных институтов и практик, направленных на производство глобальных общественных благ*. Институты в этом определении понимаются в социологическом смысле, т. е. как «относительно устойчивые совокупности связанных между собой конститутивных, регулятивных и процедурных норм и правил, относящихся к международной системе, акторам этой системы (государства и негосударственные акторы) и к их деятельности»³.

Глобальные общественные блага составляют вторую часть данного определения. Общественные блага — это блага, которые обладают признаками неисключения, неконкурентности и неделимости. Особенность глобальных общественных благ в уровне их существования. Их потребителями являются все или большинство живущих на земле. В качестве примеров таких благ можно отметить глобальную безопасность, стабильность международной финансовой системы, чистоту окружающей среды и т. п.

Различные глобальные общественные блага производят различные институты и практики. В глобальном управлении нет системности, институционального и нормативного единства. Отдельные сферы глобального управления не образуют подсистемы единой системы глобального управления.

Глобальное управление возникло вслед за появлением спроса на глобальные общественные блага, спроса на решение глобальных проблем. Хронологически это связано с деятельностью Римского клуба в начале 60-х гг., члены которого впервые заговорили о глобальных проблемах.

Историческими прообразами глобального управления были различные политические структуры по производству локальных, национальных и региональных общественных благ. К ним можно отнести древние империи, Священную римскую империю немецких государств, Ганзейский союз, четыре международных системы государств (Вестфальская, Венская, Версальско-Вашингтонская, Ялтинско-Потсдамская) в рамках Вестфальской политической модели.

В теории глобального управления можно выделить две проблемные точки: вопрос о политике в глобальном управлении и вопрос о трансформации государства.

Содержанием вопроса о политике в глобальном управлении является противоречие между легитимностью и эффективностью: глобальное управление — это политический или административный вопрос? Передача государствами части своей власти негосударственным акторам частично приводит к снижению политической составляющей глобального управления, а также его демократической подотчетности. Сокращение политической составляющей может повышать эффективность управления, но понижает его легитимность.

Содержание проблемы трансформации государства в условиях глобального управления заключается в вопросе: все ли государства готовы к трансформации? Тесное взаимодействие с негосударственными акторами предполагает определенный ценностный профиль государства — готовность к ограничению своего суверенитета, ориентацию на эффективность. При этом большинство государств сегодня продолжают рассматривать суверенитет в качестве наивысшей ценности. Наиболее яркими примерами таких государств являются США и государства БРИКС.

Тем не менее, существуют государства, которые в стремлении к большей эффективности готовы трансформироваться, отказываться от традиционных форм влияния, экспериментировать, видоизменяться. В конце XX в. на Западе государственное управление стало приобретать черты «регулятивного управления» (*regulatory governance*)⁴. На смену кейнсианскому государству пришло регулятивное государство⁵.

Регулятивное государство является катализатором и регулятором производства общественных благ. Оно отвечает за регулирование («рулить»), а производство («грести») перепоручает негосударственным акторам. Кейнсианское государство, напротив, самостоятельно занималось производством благ. Оно было большим институционально (раздутая армия государственных служащих) и функционально (вмешивалось практически во все сферы жизни человека). Регулятивное государство институционально маленькое (аппарат государственных служащих сократился), но в функциональном смысле оно еще больше кейнсианского государства. Использование негосударственных акторов как своих агентов значительно расширило поле влияния государства.

Между кейнсианской и регулятивной фазами трансформации государства был еще неолиберальный период, когда государство стремилось быть маленьким институционально и функционально. Эта фаза известна как новый государственный менеджмент (*new public management*)⁶. Однако резкое сокращение функционального поля государственного управления привело к сужению публичной сферы. Приватизация государства стала угрожать демократическим началам европейской политической системы⁷. Регулятивное государство вернуло управление в общественную сферу.

Регулятивное государство развивает конкуренцию среди производителей общественных благ для обеспечения их высокого качества и низкой цены. Широкое участие негосударственных акторов в государственном управлении повышает преемственность политических курсов между сменяющимися администрациями, повышает прозрачность политической системы в целом.

Модель регулятивного государственного управления постепенно распространяется на глобальный уровень. При этом государства начинают играть в ней довольно интересную роль. В академической литературе она известна как мета управление, т. е. управление управлением⁸.

Цель мета управления заключается в повышении эффективности глобального управления путем повышения его легитимности (демократичности, инклюзивности).

Мета управление предполагает выбор формы управления в зависимости от объекта. Наиболее общими формами управления являются: иерархия, рынок или сеть. При этом необходимо также осуществлять координацию между различными формами управления, обеспечивать их сочетаемость.

Мета управление проявляется также в создании условий для развития процессов самоорганизации в мировой политике. Самоорганизация — основа управления сложными адаптирующимися системами. Ручное управление возможно только в отношении простой системы, для которой можно написать «руководство по применению». Мировая политика проявляет признаки сложной системы: «множественность акторов, множественность взаимодействий, децентрализованное принятие решений, множественность обратных связей, непредсказуемость, способность к самоорганизации, способность к адаптивной активности, за счет которой прирастают полезные и уменьшаются бесполезные способности»⁹.

Мета управление сегодня также активно связывают с развитием механизмов самодисциплины в мировом сообществе (governmentality). Основываясь на работах М. Фуко, исследователи выявляют признаки использования правительствами развитых государств механизмов развития дисциплины через различные режимы безопасности¹⁰.

Основной формой мета управления является межправительственная координация. В качестве примера можно привести открытый метод координации в ЕС — межправительственная форма согласования национальной политики в сферах, которые остались в компетенции национальных государств, основанная на «мягком праве», распространении лучших практик и взаимном мониторинге.

Межправительственная форма открытого метода координации позволяет государствам сохранять свой суверенитет, при этом участвовать в механизмах мета управления. Поэтому государства модерна потенциально могут участвовать в мета управлении, т. к. форма его реализации не противоречит их ценностям. Однако координация на основе «мягкого права» предполагает высокий уровень доверия и широкую общность ценностей участвующих государств. Следовательно, *эффективное мета управление возможно только между государствами одного типа* (государства модерна, постмодерна, премодерна).

Заключение

Отвечая на поставленные выше вопросы, можно утверждать, что все государства могут участвовать в глобальном управлении. Однако межгосударственная координация в рамках мета управления более эффективна между государствами одного типа.

Глобальное управление остается политической практикой главным образом благодаря мета управлению, акторами которого являются

государства. Государство — политический актор по преимуществу. Поэтому этатизация глобального управления через мета управление означает и его политизацию.

Феномен мета управления на глобальном уровне представляется перспективным направлением исследований глобального управления. Во-первых, мета управление непосредственно связано с государствами, которые по-прежнему остаются ключевыми акторами мировой политики. Поведение и направление трансформации государств во многом определяет направление развития всей мировой политики и глобального управления. Во-вторых, мета управление может рассматриваться в качестве политической сферы глобального управления, что придает ему дополнительную ценность как исследовательскому объекту науки о мировой политике.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Президента № МК-3612.2014.6

² Overbeek H. et al. Forum: Global Governance: Decline or Maturation of an Academic Concept? // *International Studies Review*. 2010. Vol. 12. № 4. P. 696–719.

³ Duffield J. What Are International Institutions? // *International Studies Review*. — 2007. — No. 9. — P. 2.

⁴ Levi-Faur D. Regulation and regulatory governance // *Handbook on the Politics of Regulation*. 2011. P. 1–25.

⁵ Majone G. The rise of the regulatory state in Europe // *West European Politics*. 1994. Vol. 17. № 3. P. 77–101.

⁶ Thompson G. et al. New Public Management // *Key Concepts in Governance*. 2008. Vol. 12. P. 141.

⁷ Сморгун Л. В. Сравнительный анализ административных реформ: от нового государственного менеджмента к концепции «governance» // *Полис*. — 2003. — № 4.

⁸ Jessop B. Multi-level governance and multi-level metagovernance // *Multi-level governance*. 2004. P. 49–74.

⁹ Harrison Neil E. Thinking About the World We Make // *Complexity in world politics: concepts and methods of a new paradigm*, ed. by Neil E. Harrison. State University of New York Press, 2006. P. 3.

¹⁰ Sending O.J., Neumann I.B. Governance to governmentality: analyzing NGOs, states, and power // *International studies quarterly*. 2006. Vol. 50. № 3. P. 651–672.

ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: СИМБИОЗ СИЛЬНЫХ ЛИДЕРОВ И ВРЕМЕННЫХ АЛЬЯНСОВ?

Исторически рассматривая глобализацию, может показаться, что изначально этот процесс никем и ничем не управлялся. Мера хаоса нарастала, но была некритичной. И лишь только технологическая и информационная революция второй половины XX вв. ускорила и резко обозначила этот процесс: повысилась плотность и скорость коммуникаций, потребовались иные масштабы и меры в сфере принятия управленческих решений, обнажились проблемы гигантских диспропорций между развитыми и развивающимися странами. На самом деле, конечно, любая тенденция мирового развития на каждом историческом этапе находила свои управленческие решения. И долгое время механизмами такого глобального менеджмента являлись Вестфальские соглашения 1648 г., определившие статус суверенных государств и, в целом, — Вестфальскую систему международных отношений. А также — окончательно кодифицированное в XX в. международное право.

Роль государства и права в системе управления международными отношениями определялась традиционными представлениями о силе («мощи») политического субъекта и связывалась с волей правителя-суверена и подчинённой этому правителю волей подданных. Правитель-суверен — или правительство суверенного государства — олицетворяли совокупную волю народа (многих) и принимали решения путем договора с другими такими же суверенами или же войн с ними. По мере усложнения системы — роста промышленности, торговли, конкуренции, технологических достижений — появились новые средства решения международных проблем — мировые войны и международные организации различной направленности и масштабов. Повысилась политическая роль крупного бизнеса, мировой общественности, отдельных политиков, деятелей культуры и харизматических лидеров. Однако, все эти меры до определенного момента соответствовали принципам Вестфальской системы. То есть традиционные законы и нормы права какое-то время сохраняли запас прочности при нарастающих изме-

нениях. Роль субъектов, принимающих глобальные решения, была распределена между правительствами великих держав и международными (межправительственными) организациями. Можно сказать, что биполярная система с двумя центрами силы в США и Советском Союзе, а также Организация Объединенных Наций были своеобразным «мировым правительством» второй половины XX в. А Устав ООН стал рассматриваться как некий кодекс поведения для государств (хотя, конечно, весьма далекий от прообраза мировой Конституции). Противодействовать хаосу и поддерживать относительную стабильность помогали различные политические, экономические и военные альянсы, а также возможности ООН как демократической трибуны и «коллективного разума». Борьба за союзников и «дружба против кого-то» в рамках сущ ествующего международного права и институтов и составляла суть мировой политики. «Мировое правительство» в этом историческом контексте состояло из государственных элит (развитых государств) и бюрократии крупнейших международных организаций.

Именно на это «мировое правительство» и возлагались большие надежды и после трансформации биполярной системы, информационной революции, появления Интернета и распространения сетевых технологий, качественного и количественного роста гражданского общества, обострения глобальных угроз. Однако, на этот раз стало очевидным, что содержание системы — появившиеся в ней новые структуры и типы коммуникаций — вступили в противоречие с традиционной формой. Она оказывается для новых акторов и типов взаимодействий «прокрустовым ложем», в котором приходится существовать, но трудно развиваться. Энергия противодействия порождает ситуацию неуправляемого хаоса в мирополитических отношениях. В этой связи стали востребованными исследования по синергетике, по процессам управления сложными неравновесными системами. И они нашли свою интерпретацию в политологии и теории международных отношений. Само понятие «мирового (или глобального) правительства» было потеснено многофункциональным «глобальным управлением».

Формирование понятия «глобальное управление»

Стало уже традиционным при определении «глобального управления» приводить исследование Дж. Розенау(5). Он проанализировал английские термины «government» (правительство) и «governance» (управление). Понятие «правительства» включает в себя некие структу-

ры, наделенные властными полномочиями и опирающимися на общественное и международное признание. Властные функции правительства также закреплены в праве, в конституциях государств. Правовые механизмы наделяют правительства не только всей полнотой власти, но и возлагают на него всю меру ответственности. «Управление» понимается, прежде всего, как функция некоего процесса; в нашем случае — процесса глобального развития, глобализации. Само понятие «управления» не подразумевает персонификации власти и создания конституционно закрепленных властных структур. Напротив, такая система «глобального управления» предполагает гибкость, сменяемость и взаимозаменяемость своих структур, быстрое реагирование на изменение процессов и поведение акторов. Однако, мера ответственности в «глобальном управлении» не фиксируется законодательно. Успешность такого управления определяется эффективностью, выгодой, ростом доступных социальных благ или же — отсутствием всего перечисленного. Отсутствие властных функций и ожидание того, что глобальная система управления сама организует себя чревато для мирового сообщества возможностью усугубления социальных диспропорций, конфликтности и хаотизации международных процессов.

Таким образом, идеи «глобального (мирового) правительства» и «глобального управления» должны были бы быть адаптированы к реалиям современного мира. Нужно учитывать, с одной стороны, невозможность построения всемирной империи (или федерации) и наделения мирового правительства конкретными полномочиями и обязательствами, с другой — непреодолимость в обозримом будущем социально-экономических, культурных и прочих диспропорций в глобальном масштабе, которые не позволят управлять миром как совокупностью корпораций.

«Глобальное управление» как противодействие вызовам глобализации

Несмотря на всю противоречивость применения «глобального управления» для регулирования мировых процессов, сама идея весьма удачно подошла для мобилизации усилий по противодействию глобальным проблемам. Можно сказать, что апробирование идеи «глобального управления» в рамках уже имеющейся глобальной структуры ООН для решения конкретных задач стало площадкой для совершенствования данной концепции, с одной стороны, и подготовки общества к ее восприятию и признанию — с другой.

Экологические и футурологические исследования 70–80-х годов прошлого столетия относительно будущего человеческой цивилизации (в частности — Доклады Римского Клуба) приобрели широкий общественный резонанс и внимание ведущих политиков. Желание привлечь внимание к проблемам окружающей среды и выживания человечества перед лицом новых вызовов, а заодно — сплотить мировое сообщество и попытаться обойти традиционные противоречия — побудило начать процесс реформирования ООН.

Изначально идея «глобального управления» прокладывала себе дорогу в кругах ООН благодаря деятельности трех независимых комиссий: Независимой комиссии по проблемам международного развития (Комиссии В. Брандта), Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию (Комиссии Г. Х. Брунтланд) и Независимой комиссии по вопросам разоружения и безопасности (Комиссии У. Пальме). Собственно, Комиссия Брунтланд была создана в 1983 г. на основе выводов комиссий Брандта и Пальме. Именно в рамках работы этих комиссий впервые прозвучала мысль о необходимости совместного (глобального) управления окружающей средой с целью выживания человечества и сохранения ресурсов для будущих поколений. В 1987 г. впервые был введен термин «устойчивое развитие» в докладе комиссии Брунтланд «Наше общее будущее» («Our Common Future»). «Всемирная программа изменений», сформулированная в данном докладе предполагала создание системы принятия решений для управления окружающей средой (2).

А уже в 1992 г. была создана организация, в названии которой было прямое указание на необходимость глобального управления — Комиссия по глобальному управлению и сотрудничеству, которую возглавил бывший на тот момент президент Социнтерна И. Карлссон. (В 2001 г. ей на смену пришла Комиссия по глобализации, но направление деятельности осталось то же.)

В 1995 г. Комиссия по глобальному управлению подготовила доклад «Наше глобальное соседство» («Our global neighborhood») (4). В докладе говорилось о необходимости коренного переустройства ООН, и даже выдвигался соответствующий проект, согласно которому в рамках универсальной организации должен был появиться новый орган — Совет экономической безопасности (СЭБ), который бы осуществлял координацию между глобальными и региональными эконо- миками мира, структурами ООН и региональными организациями.

Именно здесь раскрывалась идея глобального управления как системы, основанной на демократических принципах и правовых нормах, исполнение которых обязательно для всех. Идеологической основой глобального управления также являлась «глобальная гражданская этика», которую предстояло выработать на основе общечеловеческих ценностей с уважением различных культурных, политических и религиозных воззрений.

Впоследствии проект СЭБ не был принят, а функции СЭБ перешли в ЭКОСОС (Экономический и Социальный Совет) ООН. Ранее, с 1992 г., в рамках ЭКОСОС стала функционировать и Комиссия по устойчивому развитию. На эту комиссию и была возложена роль координатора программ всех специализированных учреждений ООН и других международных организаций, в документах и деятельности которых намечались цели и задачи устойчивого развития.

Таким образом, идея глобального управления окружающей средой (и развитием!) стала постепенно осуществляться и координироваться в рамках специализированных организаций системы ООН с привлечением к сотрудничеству существующих региональных организаций, сетей научно-исследовательских институтов, партнерских неправительственных организаций.

Почему это стало возможным именно в рамках программ по защите окружающей среды, выживанию и развитию человечества? Прежде всего, потому, что экологическая тематика не только глобальна, но и наднациональна и надидеологична. В этом смысле объединить усилия и создать соответствующие сетевые структуры более легко, чем если бы аналогичные организации создавались бы для решения проблем национальных и этнических конфликтов, миграции, экономического неравенства и т. п.

Можно сказать, что экологическая проблема и сопутствующие ей диспропорции глобального развития сыграли (и играют) роль внешней угрозы, «общего врага», для отпора которого нужно выступить единым фронтом, с единым командованием и стратегией. Не случайно, на наш взгляд, концепция «глобального управления» и усилия по ее институционализации особенно ярко проявились в середине 90-х гг. прошлого века, когда стало ясно, что биполярная система с меняющимися полюсами «добра» и «зла» была, хотя и архаичной и несовершенной, но все же весьма стабильной. Стабильной даже в своей постоянной политической и военной напряженности.

И это стабильное противостояние могло бы продолжаться сколь угодно долго, если бы не технологическая революция, рост гражданского самосознания и, как следствие — появление новых акторов международных отношений, претендующих на реальное участие в мировой политике.

Перемещение акцентов с борьбы за власть и влияние между новыми и традиционными акторами на борьбу за устойчивое развитие и охрану окружающей среды для выживания нынешних и будущих поколений — это некая «разрядка напряженности». Критика общества потребления и техногенной цивилизации хотя бы немного — в рамках политической моды — способна снизить накал борьбы за все виды ресурсов, и, в конечном итоге — борьбы за господство. А сетевые формы взаимодействия и управления в рамках решения данных глобальных проблем вряд ли помогут их решить радикально, но сформируют навыки сотрудничества с правительствами и лицами, принимающими решения, контроля и быстрого реагирования. Таким образом, гражданское общество, качественно и количественно возросшее за последние десятилетия, участвуя (хотя бы даже в малой степени) в системе глобального управления реализует свою активность и снижает протестные настроения.

Перспективы «глобального управления» и роль международных акторов

Современная ситуация в мировой политике и международных отношениях такова, что мир функционирует сейчас, можно сказать, в двух режимах. Во-первых, в режиме «ручного управления». Особенно это становится актуальным в период экономических и политических кризисов и военных конфликтов, когда лидеры заинтересованных сторон и лидеры по-прежнему существующих «великих держав» в телефонных переговорах и на внеочередных встречах пытаются найти компромиссные решения. Во-вторых, в режиме «стремления к глобальному управлению». Это стремление проявляется в различных видах региональной интеграции, в увеличении количества и усилении роли международных клубов, не имеющих формального статуса субъектов международных отношений (и международного права), и в меняющемся статусе традиционных глобальных и транснациональных акторов (например, ООН и неправительственных организаций). Причем два этих «режима», две этих тенденции существуют одновременно.

Причины такой ситуации во многом объясняются тем, что в современной политической системе мира существуют государства трех типов: 1) государства модерна или вестфальские государства, отстаивающие принципы государственного суверенитета; 2) государства постмодерна — в значительной степени перераспределившие свой суверенитет в рамках наднациональных институтов и 3) государства премодерна — государства традиционной культуры с сильными родоплеменными связями и полуфеодальной системой экономических отношений. (1. с. 94–95)

Безусловно, такая «несинхронность» исторического развития человеческих сообществ и, соответственно, типов государств вызывает необходимость строить отношения и вести диалог исходя из возможного уровня понимания и нахождения общих точек соприкосновения и ценностей. В этом диалоге обязательно определяются оппозиции «сильного и богатого» к «слабому и бедному», «демократа» к «диктатору», «своего» к «чужому». В результате, мировая политическая система не мирно эволюционирует, а имеет тенденцию к постоянным разноуровневым конфликтам, для предотвращения и сглаживания которых и существует режим «ручного управления».

В этой ситуации постоянной нестабильности и, одновременно, в условиях, когда государства постмодерна создали работающую модель довольно комфортного и безопасного проживания, перед остальными акторами международных отношений возникают задачи: 1) создать такие же успешные интеграционные объединения; 2) использовать интеграционную идею как возможность создания временных альянсов для решения конкретных проблем в краткосрочной или среднесрочной перспективе. Решение первой задачи обусловило развитие региональной интеграции на доступных для государств уровнях. Вторая — породила неформальные клубы.

В совокупности с необходимостью «ручного управления» неформальные клубы и временные альянсы представляют собой удачный тандем для поддержания баланса сил в мире и сохранения условий для развития. «Временность» существования этих акторов и «неформальность» их в институциональном смысле делают мирополитическую систему более гибкой и способной к быстрой адаптации в условиях трансформации глобального лидерства. При этом придётся признать, что скорость глобализационных процессов заставляет и будет заставлять государства руководствоваться, скорее, ситуатив-

ной политикой, нежели образовывать стабильные «центры силы» (или примыкать к ним). Конечно, уже созданные «центры силы», такие как, например, Евросоюз, сохранятся, но будут претерпевать постоянные изменения сообразно ускоряющимся вызовам. В результате, вполне возможно, что политический курс государств и различных интеграционных объединений будет радикально меняться в короткие промежутки времени.

Каковы же перспективы тех международных акторов, которые ещё недавно рассматривались, да и продолжают рассматриваться в качестве прообраза системы «глобального управления»? — Каковы возможные трансформации ООН и неправительственных организаций? — В нынешней, видимо надолго затянувшейся ситуации «неуправляемого хаоса», современная ООН и Совет Безопасности утрачивают свои весомые позиции. Однако, на наш взгляд, в ближайшем будущем радикальной реформы не будет. Система временных альянсов «великих держав» и неформальных клубов будет представлять собой постоянно меняющуюся управленческую сеть, необходимую для решения конкретных проблем и поддержания условий для развития.

Что касается неправительственных организаций, то их статус, а соответственно и полномочия, по нашему мнению, как раз подвергнутся изменениям. Независимый статус, а значит, и все признаки неправительственной (международной) организации, зафиксированные в резолюции ООН (1296) от 1968 г [3], сохраняют только «старые» игроки. — Те, которые уже успели к настоящему моменту создать свой политический и финансовый капитал, необходимые для самостоятельной деятельности. Остальные же будут находиться под контролем и в зависимости от государств (как демократических, так и авторитарных), корпораций и прочих доноров. Но и те и другие — независимые и зависимые — будут вынуждены также входить во временные альянсы с государствами, международными организациями и клубами. (Правда, степени свобод в этих альянсах у разных по статусу и возможностям НПО тоже будут разными.)

В заключение необходимо отметить роль субъективного, а точнее, личностного фактора. Крах биполярной системы и невозможность в настоящее время выстроить стабильную многополярную систему возлагает особую ответственность на конкретных лидеров — «великих держав» и обычных государств — в решении конкретных проблем, как в рамках интеграционных структур, так и вне их. Эта ответствен-

ность определяется тем, что мировая нестабильность, «неуправляемый хаос» — это и есть та неизменная ситуация, в которой нет устоявшихся правил игры, и результат конфликтов и противостояний зависит от потенциала и силы лиц, принимающих решения.

Литература:

1. Лебедева М. М. Глобальное управление/ Лебедева М. М., Харкевич М. В., Качаткин П. И. — М., МГИМО–Университет, 2013
2. Павленко В. Б. Устойчивое развитие как инструмент глобализации//Мир и политика — № 4(067) — 2012 — http://mir-politika.ru/356-ustoichivoe_razvitie.html
3. Резолюция ЭКОСОС 1296 (XLIV) от 23 мая 1968 г. — <http://www.un.org/russian/question/eres1296.pdf>
4. Our Global Neighborhood: The Report of the Commission on Global Governance. N. Y.: Oxford University Press, 1995
5. Rosenau J. Governance in a New Global Order // Governing Globalization: Power, Authority and Global Governance / D. Held, A. McGrew (eds.). Polity Press, 2002

НЕТВОРКИНГ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Современный этап развития мировых политических процессов характеризуется усиливающимися процессами глобализации. В политической сфере они начинают сопровождаться тенденциями к формированию надгосударственных механизмов и институтов управления на глобальном и региональном уровнях. Это связано в первую очередь с тем, что многие вызовы, с которыми сталкивается международное сообщество, также носят глобальный характер, а национальное государство не всегда обладает средствами и методами для адекватного и своевременного реагирования. Ярким примером подобной глобальной угрозы являются проблемы экологического характера, такие как изменение климата, загрязнение окружающей среды, проблема управления водными ресурсами, сокращение биологического разнообразия и др.

Экологическая политика в подобных условиях выходит на передний план и занимает все более значимое место в глобальной повестке дня. В то же время принятие политических решений в этой области сопряжено с целым рядом трудностей, поскольку требует наличия специфических экспертных знаний, участия широкого круга стейкхолдеров, часто обладающих полярными интересами в рассматриваемом вопросе, а также способности к выстраиванию долгосрочной стратегии действий, предполагающей сочетание комплексных мер из различных областей политики.

Возникающие новые механизмы глобального регулирования призваны оперировать сразу на нескольких уровнях, однако, учитывая отсутствие единого регулирующего органа, сложность экологической проблематики, а также нехватку сколько-нибудь единых ценностных ориентиров, нет гарантии, что принципы и практики, успешно функционирующие в рамках отдельно взятого государства, с тем же уровнем эффективности будут работать на глобальном уровне. Таким образом, регулирование при помощи международных организаций, уставы которых основаны на ценностных ориентирах государств Вестфальского типа, не всегда оказывается эффективным в новых условиях.

В этом и заключается основное отличие формирующейся системы от классической государственно-центристской модели — во включении в глобальные процессы (помимо национальных государств и международных организаций) большого числа разнообразных неправительственных образований — от НПО и крупных корпораций до международных террористических организаций и наркокартелей. Целый ряд из них обладает достаточным объемом необходимых ресурсов для включения в политический процесс. Многие из этих образований, в особенности НПО, являются более однородными с точки зрения представляемых интересов, что дает им преимущество перед национальными государствами при определении политических целей в отдельных предметных областях¹. Что не менее важно, некоторые из них, например популярные НПО, религиозные объединения и организации, часто обладают большим числом сторонников, чем действующие правительства.

Попытки координировать действия отдельных организаций и программ на глобальном уровне начались еще в 1972 г. с созданием Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП)². Уже к 2004 г. было сформировано более 200 международных организаций по итогам подписания различных межправительственных соглашений в сфере экологической политики³. Однако ЮНЭП, ставшая впоследствии главным органом Организации Объединенных Наций в области окружающей среды и глобального экологического управления, не раз подвергалась критике за малую эффективность проводимой политики и программ, а попытки преобразовать ее в организацию до сих пор не увенчались успехом. Более того, регуляция вопросов сохранения биоразнообразия находится скорее в сфере национального или двустороннего законодательства и вряд ли носит глобальный характер⁴.

В этих условиях на глобальном уровне формируются *политические и проблемные сети*, способные к созданию новых форм сотрудничества при помощи внедрения альтернативных управленческих механизмов. Как и сети, образующиеся на иных уровнях (локальном или региональном), их отличают минимальная иерархия отношений, широкий круг разностатусных участников, взаимодействующих на основе принципов взаимовыгодного ресурсного обмена для достижения общих целей, что позволяет им удовлетворять критериям решения различных комплексных задач — экологической политики в частности⁵.

Исследователи относительно едины в своем понимании ключевых черт сети и делают акцент на целенаправленном взаимодействии акторов, участвующих в процессе выработки и исполнения решений на основе формальных и неформальных норм и правил. Среди прочих характерных особенностей политических и проблемных сетей стоит отметить сложную структуру взаимодействия акторов, которая позволяет поддерживать контакт между государством и гражданским обществом. Кроме того, сетям также присуще наличие взаимной заинтересованности участников, отсутствие иерархии, горизонтальность отношений и активный обмен властными, информационными, экономическими и другими ресурсами, из которого вытекает ресурсная зависимость участников друг от друга. Наиболее общепризнанное в этой области определение политической сети было сформулировано немецким политологом Т. Берцель, которая под политической сетью предлагает понимать «набор относительно стабильных не иерархичных отношений разнообразных взаимозависимых акторов, которые разделяют общий интерес относительно вырабатываемой политики и обмениваются имеющимися ресурсами для достижения поставленных целей, признавая тот факт, что сотрудничество является наиболее подходящим для этого методом»⁶.

Несмотря на высокое разнообразие возможных направлений деятельности сетей на глобальном уровне, основные функции, которые они выполняют, можно свести к следующему⁷:

1. *Определению глобальной повестки дня.* Политические и иные сети способны влиять на глобальную повестку дня при помощи множества способов — от создания информационного фона вокруг имеющейся проблемы путем взаимодействия со СМИ до «закладки идей» (ideas planting) во время разнообразных мероприятий.
2. *Определению стандартов.* Важной функцией данных сетей является возможность определения «мягких правил» и квази-легальных инструментов в условиях ограниченности во времени для последующей формализации или же предоставления временных «правил игры» прежде, чем будет найден компромисс.
3. *Генерированию, сбору и распространению информации.* Очевидно, что государство в значительной степени уступает представителям НПО и частного сектора в части обладания экспертным знанием. Сети располагают логистическим преимуществом, позволяющим им быстро и эффективно собирать и распространять информацию.

Кроме того, существуют сети, специализирующиеся на подобной деятельности, например, Глобальное водное партнерство (Global Water Partnership)⁸.

4. *Укреплению эффективности институтов.* Сети способны повышать уровень эффективности деятельности различных институтов, сокращая организационные издержки, привлекая финансирование, а также обеспечивая общественную, информационную и политическую поддержку по рассматриваемым вопросам.
5. *Предоставлению инновационных механизмов имплементации решений.* Сети могут быть созданы для воплощения в конкретные действия решений, принятых на межгосударственном уровне.

В идеальных условиях для эффективного функционирования сеть должна включать в себя представителей гражданского общества (ресурс легитимности), НПО (координационный ресурс), бизнеса (финансовый ресурс), власти (властный ресурс)⁹, отсутствие одного из элементов с большой долей вероятности может негативным образом сказаться на эффективности сети в целом; в зависимости от ситуации, один из элементов способен предоставить недостающий ресурс, однако это не всегда возможно, кроме того, обеспечение властного ресурса не со стороны государства является исключительно маловероятным.

В то же время эффективность функционирования сети не полностью зависит от доступа к ресурсам, а скорее от качества и эффективности коммуникаций между ее членами, от умения грамотно распоряжаться имеющимися активами. Одновременно наличие более обширного доступа к ресурсам при соблюдении иных критериев эффективности функционирования сети способно самым положительным образом сказаться на результатах ее работы.

Ярким примером подобной проблемной сети, располагающей поддержкой всех ключевых элементов, на глобальном уровне является созданный в 1961 г. Всемирный фонд дикой природы (World Wide Fund for Nature, World Wildlife Fund (в США и Канаде), WWF), осуществляющий свою деятельность в более чем в 100 государствах мира.

Штаб-квартира международного секретариата WWF находится в г. Гланд, Швейцария. Основная задача международного секретариата заключается в координации работы сети национальных офисов WWF, международных проектов, а также в разработке политики и приоритетных направлений и содействии сотрудничеству на международном уровне.

Национальные офисы Всемирного фонда дикой природы можно условно разделить на два типа. Первый тип — это офисы, которые работают автономно, самостоятельно собирают средства на осуществление собственных программ. Второй тип — офисы, функционирующие при содействии одного из офисов первого типа.

Вне зависимости от типа, национальные офисы WWF проводят работу, нацеленную на сохранение биоразнообразия, путем реализации полевых проектов и проведения научных исследований, при помощи консультирования местных властей и национальных правительств по вопросам экологической политики. Кроме того, особое внимание уделяется такому аспекту работы с населением, как развитие экологического образования и повышение осведомленности граждан о проблемах окружающей среды. Офисы первого типа отчисляют часть своих средств на Глобальную программу защиты окружающей среды ((Global conservation programme) 3,5% — для развивающихся стран; 8,5% — для развитых стран¹⁰), и первый и второй тип офисов помогают обогащать знания и делаться собственным опытом относительно природоохранной деятельности. Кроме того, Всемирный фонд дикой природы располагает двумя специализированными офисами в Брюсселе и Вашингтоне, которые занимаются продвижением интересов организации в Европейском Союзе и в крупных международных экономических институтах (например, во Всемирном Банке) соответственно¹¹.

Традиционно WWF является популярным донором для проектов по защите биоразнообразия в силу того, что данный вопрос редко оказывается среди первоочередных для национальных правительств. Как показывает практика, национальные правительства охотно сотрудничают со Всемирным фондом дикой природы, поскольку данная организация при решении спорных вопросов всегда стремится в первую очередь рассмотреть все возможные варианты с соответствующими государственными органами или компаниями прежде, чем привлекать общественность и организовывать акции. Более того, национальные офисы WWF не являются представителями иностранной неправительственной организации, а, напротив, зарегистрированы как национальные организации, что добавляет им определенную привлекательность в глазах государства. В целом WWF является одним из наиболее известных и позитивно воспринимаемых организаций в мире, что позволяет этой сети организаций добиваться реализации большого числа программ по защите дикой природы по всему миру.

Например, в партнерстве с The Coca-Cola Company за 2012 г. было собрано 1,8 миллиона долларов на программу по сохранению популяции белых медведей¹². В 2013 г. при поддержке Всемирного фонда дикой природы на территории Российской Федерации были созданы три новые федеральные особо охраняемые природные территории: в Архангельской области, Чукотском АО и Хабаровском крае. Уже в 2014 г. WWF Action Network, собрав более 750000 подписей по всему миру, добилась от нефтегазовой компании SOCO International отказа от бурения не только в Национальном парке Вирунга (Демократическая Республика Конго), но и на всех других природных объектах Всемирного наследия ЮНЕСКО¹³.

Таким образом, природоохранная деятельность WWF и сетевые взаимодействия в сфере экологической политики на различных уровнях в настоящий момент содействуют первым шагам на пути к институционализации механизмов глобального управления в этой проблемной области, «выигрывая время» для проведения необходимых реформ в иерархических структурах.

¹ Keohane R.O. Global Governance and Democratic Accountability // *Taming Globalization: Frontiers of Governance* / D. Held, M. Koenig-Archibugi (eds.). Polity Press, 2003. P. 130–160.

² Biermann F. Reforming Global Environmental Governance: The Case for a United Nations Environment Organisation // *Stakeholder Forum Think Piece Series for the 2012 UN Conference on Sustainable Development*. 2011. P. 9.

³ Biermann F. Global Environmental Governance. Conceptualization and Examples. Global Governance Working Paper No 12. Amsterdam, Berlin, Oldenburg, Potsdam: The Global Governance Project. 2004. P. 10.

⁴ Dingwerth K. From International Politics to Global Governance? The Case of Nature Conservation // *Institute for Intercultural and International Studies, Universitaet Bremen, GARNET Working Paper*. 2008. No 46/08.

⁵ Подробнее о сетевом подходе в контексте глобального управления см.: Саворская Е. Политические сети как объект теоретического анализа проблем глобального управления // *Вестник Московского университета*. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2013. № 3. С. 27–48.

⁶ Börzel T.A. Organizing Babylon — On the different conceptions of policy networks // *Public Administration*. 1998. Vol. 76. No. 2. P. 253–273.

⁷ Streck C. Global Public Policy Networks as Coalitions of Change [Electronic resource] // *Global Environmental Governance, Options and Opportunities*. New Haven:

Yale School of Forestry and Environmental Studies, 2002. URL: <http://environment.research.yale.edu/documents/downloads/o-u/streck.pdf>. P. 5–7.

⁸ Global Water Partnership [Official website]. URL: <http://www.gwp.org/en/About-GWP/The-network/>.

⁹ Streck C. *Op. cit.* P. 4.

¹⁰ WWF в России [Official website]. URL: <http://www.wwf.ru/resources/news/article/10118>.

¹¹ WWF International [Official website]. URL: http://wwf.panda.org/who_we_are/organization/.

¹² WWF International Annual Review 2012. P. 30.

¹³ WWF USA. [Official website]. URL: <http://www.worldwildlife.org/stories/victory-for-virunga>

Л. Н. Карлин, А. А. Алимов

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ЭПОХУ МАСШТАБНЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

В современных геополитических условиях происходят значительные перемены — от образования новых (признанных и непризнанных государств) до решения вопроса объединения мирополитического сотрудничества в решении глобальных проблем, проявившихся в середине прошлого, XX в. Поэтому не случайно возник вопрос о глобальном управлении и первые, связанные с этой проблемой работы, появились в середине 1990-х гг. Но, тем не менее, как отмечено в монографии «Глобальное управление», в широкий оборот вопрос такого управления был внесен Комиссией ООН под руководством В. Брандта еще во второй половине 1980-х гг. [1,6–7]. Среди причин, вызвавших необходимость рассмотреть истоки и причины современного дискурса по проблеме глобального управления, специалистами выделяются следующие:

- Современный мир проходит этап серьезных преобразований, среди которых, в первую очередь, следует отметить, что многие процессы и тренды выходят за рамки традиционных международных отношений и мирового политического развития в целом;
- Современные мирополитические процессы развиваются в условиях повышения динамики глобализации, в результате чего возникает потребность перехода от двусторонних и даже многосторонних отношений к взаимодействиям глобального плана;
- Изменения в мире, наступившие после окончания «Холодной войны», которые значительно расширили процесс глобализации на фоне смены системы взаимоотношений между странами [1,7].

Можно добавить к указанным выше причинам появление глобальных проблем, которые возникли в результате многовекового развития мирового сообщества. По сути дела глобальные проблемы были достаточно хорошо охарактеризованы уже в 1970-х — 1980-х гг. Так в коллективной монографии «Глобальные проблемы современности» были даны их определения, раскрыты причины происхождения и предложены возможные пути решения.

«Под ними — (глобальными проблемами. — А. А. Алимов, Л. Н. Карлин) мы подразумеваем ряд наиболее актуальных проблем, связанных с общественными процессами и явлениями, — проблем, которые затрагивают жизненно важные интересы всех народов, всего человечества и которые вместе с тем требуют для своего решения коллективных усилий различных государств, всего мирового сообщества», — считали авторы названного нами научного труда [2,4].

В этой же монографии приводится и другое, но тесно связанное с первым, определение глобальных проблем — «в качестве основных глобальных проблем, вставших перед человечеством в последней трети XX века, ... выделяются те из них, которые отражают взаимоотношения человека и общества с природой, а также самих общественных взаимоотношений в их самом широком понятии, которые:

- носят поистине планетарный, общемировой характер, затрагивают жизненно важные интересы всех народов, всех государств и групп государств;
- угрожают всему человечеству, в случае если не будет найдено их решение, или гибелью цивилизации как таковой, или серьезным регрессом в условиях самой жизни, в дальнейшем развитии производительных сил;
- нуждаются в неотложных решениях;
- требуют для своего решения коллективных усилий всех государств, совместных действий всех народов, всего мирового сообщества. [2,16]

Отдельно в этой работе было дано развернутое определение и глобальной экологической проблемы. Приведем мнение авторов монографии по ее характеристике, которое выражается в следующем:

- резкое и не всегда оправданное увеличение расходование природных ресурсов, в том числе невозобновляемых и становящихся дефицитными, и, как следствие этого, беспрецедентное давление на естественный потенциал планеты;
- отрицательное антропогенное воздействие на природную среду, выражающееся в значительных масштабах загрязнения, нарушении равновесия биосферы, ухудшение экологических условий жизни;
- быстрый демографический рост, которые не сопровождается соответствующим увеличением продовольственной базы в мире и обеспечением необходимых социальных условий существования

- для значительной массы людей, прежде всего в развивающихся странах;
- усилением неравномерности в уровнях хозяйственного развития между капиталистическими государствами (напомним, что книга появилась в 1981 г. в период идеологического противостояния двух социально-экономических и политических систем — А.А. Алимов, Л.Н. Карлин), обладающими большим научно-техническим и промышленным потенциалом, в первую очередь наиболее отсталыми и бедными, только еще становящимися на путь индустриализации;
 - несоответствие между ростом общего уровня материальной и духовной культуры человечества и ухудшением ряда биологических и социальных условий существования отдельного человека, личности, связанным с негативными последствиями урбанизации, увеличением нервно-психических нагрузок;
 - переворот в военном деле, создание оружия массового уничтожения в количествах, угрожающих существованию человеческой цивилизации. [2,32].

Столь объемное цитирование определяется тем, что авторы посчитали необходимым показать как оценивались с самого начала появления глобальные проблемы, включая экологическую.

Подчеркнем, что с того времени (конец 1970-х — начало 1980-х годов) в мире произошли серьезные изменения и в определенной степени улучшилась ситуация с демографическими показателями, но одновременно значительной мере повысился уровень загрязнения биосферы в том числе и за счет заметных шагов стран развивающегося мира в осуществлении индустриализации.

Вместе с тем появились новые данные по вопросу использования ядерного потенциала в возможном/невозможном военном конфликте. Так в работе Н.Н. Моисеева, В.В. Александрова и А.М. Тарко приведены данные, характеризующие экологические последствия такого случая. В разделе «О климатических последствиях ядерной войны», они пишут: «Ядерная война является ярким примером акции, последствия которой, если она произойдет, приведут к созданию глобального щита: выброшенные в атмосферу пыль и сажа создадут плотную завесу, отгораживающую поверхность Земли от солнечного излучения» [3,121].

Отсюда авторы выводят такие сценарии как «ядерная зима» и «ядерная ночь» — в рамках которых практически полностью изме-

няется экологическая ситуация в глобальных масштабах. Примерно к такому же выводу пришел и американский исследователь — П. Саган. Работа же Моисеева Н. Н. и его соавторов была построена на основе соответствующих докладов на международных семинарах в Финляндии, Италии и США, посвященных проблемам коэволюции человека и биосферы и возможным последствиям ядерного конфликта. Подчеркнем, что выводы, сделанные Н. Н. Моисеевым нигде и никем до настоящего времени не опровергнуты. Но можно предположить, что столь опасная перспектива оказала соответствующее воздействие на политиков по вопросу невозможности и недопустимости ядерного конфликта.

Поскольку очевидность экологической проблемы не ставилась под сомнения, то появились различные подходы к ее решению¹.

Первым из них, несомненно, явился доклад Римскому клубу (создан в 1968 г.) «Пределы роста». Эта работа получила параллельное название «первого экологического колокола». Можно в основном свести ее содержание к следующим положениям: перенаселенность планеты, истощение природных ресурсов и загрязнение биосферы [4]. Авторы этой работы предлагали пересмотреть основные ориентиры в процессе социально-экономического развития государств того времени. Этот доклад получил достаточно серьезную критику (во-первых, потому, что это был первый опыт глобального прогнозирования). К сожалению, в нашей стране перевод этой работы был опубликован лишь в 1991 г., а до этого книга на английском языке была только в отделах спецхранения крупнейших библиотек Советского Союза. Мы называем подход, предложенные авторами этого доклада ресурсно-демографическим. Он действительно очень интересен и поэтому не случайно его авторы представили еще два доклада — «За пределами роста» и «Пределы роста 30 лет спустя». Главным недостатком принципа, положенного в основу этих докладов, было то, что рассматривались три фактора — демографического развития, использования природных ресурсов и загрязнения биосферы. Однако эти показатели постоянно меняются, и рассчитать их даже на среднесрочную перспективу предельно сложно.

Несколько позже английским ученым Дж. Лавлоком была предложена теория «Гея», согласно которой наша планета представляет собой глобально скореллированный организм, в котором деятельность живых организмов направлена на повышение устойчивости биосфе-

ры в целом, обеспечивая тем самым ее длительное существование [5]. Дж. Лавлок сотрудничал с NASA и разработал специальный детектор, который открыл новые направления в изучении окружающей природной среды. Но, тем не менее, дальнейшие исследования проблемы состояния биосферы, как планетарной системы Дж. Лавлоком не были продолжены.

Однако процесс исследования биосферы и ее качественных изменений на этом не остановился. Для понимания сути этого направления развития научных знаний, приведем пример еще двух концептуально важных подхода. Во-первых, это теория, предложенная российским ученым В. Г. Горшковым, получившая название теории биотической регуляции. Ее значение оценивалась в ученом мире достаточно высоко. Так, Н. Ф. Глазовский писал, что по сравнению с идеей В. Г. Горшкова «достаточно полной теории до последнего времени предложено не было ... его теория принимается как безусловно правильная» [6, 15–17]. Считается, что с теорией В. Г. Горшкова в целом можно согласиться, потому что, будучи биофизиком, ее автор приходит к своим выводам через точные расчеты, чего не хватает в названном выше ресурсно-демографическом подходе. Н. Ф. Глазовский выделяет центральное положение теории регуляции биосферы, отмечая, что главная опасность возможных сильных биосферных изменений заключается в том, что вторжение человека в биоту (все живое) опасно нарушением ее естественной структуры, что практически уже происходит по мере преобразования природы и несет опасность в десять тысяч раз большую, чем уничтожение биоты, т. е. полное опустынивание земель [6, 16].

Более того, к настоящему времени «действие принципа Ле Шателье в биоте континентов оказалось нарушенным, так как доля потребления продукции на континентах превысила 1 процент, а, следовательно, в нашем (т. е. в XXI столетии — А. А. Алимов, Л. Н. Карлин) искаженная биота потеряла способность компенсировать антропогенные возмущения, поскольку сейчас антропогенная доля потребления биоресурсов составляет 10 процентов. [6, 16]. Подчеркнем, что это на порядок больше допустимой величины.

И наконец, назовем концепцию отечественного ученого, экономиста, П. Г. Олдака — она получила название «равновесного природопользования» [7]. Практически можно сказать, что им была предложена идея устойчивого развития, поскольку он в одном ряду ставил проблемы экономического, социального и экологического развития.

Известно, что впервые документально концепция устойчивого развития была зафиксирована в Докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию, получившем название «Наше общее будущее» [8, 50–69]. В Советском Союзе, а затем и в России эта концепция получила некоторую критику главным образом в силу неправильного перевода «sustainable development» — это «поддерживаемое развитие», а поддерживать при этом нужно не только социально-экономическое развитие, но и экологическое — т. е. необходимо поддерживать устойчивость биосферы как громадной открытой экосистемы.

Но, тем не менее, понятие «устойчивое развитие» уже является данностью, а в России имеются два важных и хорошо известных Указа Президента Б. Н. Ельцина по этому поводу.

Очертив в общем виде теоретические подходы к расширению международного сотрудничества в экологической сфере, перейдем к анализу предпринятых до настоящего времени практических шагов.

О необходимости применения практически действий впервые заговорили на первой Конференции ООН по окружающей среде в Стокгольме, летом 1972 года². Принятые на ней документы, включая декларацию, состоявшую из 27 статей назвать «дорожной картой» невозможно именно потому, что заявлено было много, а практические результаты были несравненно меньше того, что хотели бы видеть участники этого экологического Форума в будущем³.

Вторым важным шагом в деле осуществления совместного сотрудничества в решении глобальной экологической проблемы была Конференция ООН по окружающей среде и развитию (название было несколько изменено по сравнению с названием Конференции, проведенной в Стокгольме). Но в этом изменении заложена важная мысль — без сохранения окружающей среды развитие будет невозможным, равно как и сохранение биосферы в приемлемом для человека и ее самой состоянии невозможно без развития, в том числе и научно-технического. На этой конференции было принято пять документов: Рамочная конвенция по климатическим изменениям (ее продолжение получила Конференция в Киото (Япония), где и был принят известный Киотский протокол); Рамочная конвенция по лесам; Рамочная конвенция по биоразнообразию, Декларация Рио–92, а также план действий, получивший название «Повестка Дня на XXI век». Именно на этой конференции и было закреплено понятия Концепции Устойчивого Развития (КУР).

Уже через пять лет на очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН вопрос о международном сотрудничестве в области окружающей среды и развития получил широкое обсуждение, а вместе с тем и признание того, что значительных успехов в этом плане достигнуто не было.

В связи с этим было принято решение о проведении 3-й Конференции ООН, которая состоялась в Йоханнесбурге в конце лета 2002 года. На этом важном форуме особое внимание было уделено тому, что в целом ряде стран развивающегося мира имели место значительные проблем социо-экологического содержания. В первую очередь — кризисное состояние с ресурсами пресной воды, массовое недоедание во многих странах Африки и Азии и т. д.

В 2012 году состоялось две конференции — одна получила название «Стокгольм+40» и проходила на «родине» ооновских конференций по экологической проблематике. В работе «Стокгольма+40» принимали участие многие ученые и специалисты, представлявшие свои страны в далеком 1972 г. Россия, как и в прошлый раз, была представлена только номинально.

Практически параллельно с этим событием состоялся на сегодняшний день пока последний экологический форум «Рио+20». Высокий уровень участников этой конференции ООН определил активное обсуждение наболевших вопросов в области глобального сотрудничества в решении экологической проблемы. В основном документе, принятом на «Рио+20» говорилось опять лишь о планах в этой сфере объединения всех возможных усилий современных государств. Поэтому и сама декларация получила название «Будущее, которое мы хотим».

Иными словами можно сказать, что с глобальным управлением в социально-экологической сфере дело обстоит достаточно сложно. По этому поводу можно привести мнение видного российского географа Г. В. Сдасюк, которая отметила, что «современная модель глобализации усиливает глобальную неустойчивость» [9,38]. Следовательно, можно считать, что глобализационные процессы нашего времени вовсе не способствуют столь необходимому решению проблемы «устойчивого развития», которое Н. Ф. Глазовский в своих последних работах охарактеризовал следующим образом — «... Устойчивое развитие предполагает наличие трех компонентов: экологической безопасности, экономического роста и социального развития, при этом автор приведенных слов подчеркнул, что «В большинстве работ, посвященных устойчивому развитию, каждый из компонентов рассматривается

отдельно. Вместе с тем при анализе проблем, связанных с устойчивым развитием, необходим комплексный подход [Цит. по 9, 23]. Это определение Н. Ф. Глазовского следует не только поддержать, но и расширить, ибо в рамках решения глобальной социально-экологической проблемы необходима глубокая интеграция не только наук и знаний, но также нужна и совместная реализация предложенных теоретических разработок, стоящая на пути межнаучного (не много научного!) их практического применения.

Здесь и можно перейти к рассмотрению попыток выстраивания глобального управления в экологической сфере⁴. Конечно, все проведенные конференции ООН по экологической проблематике, а также создание ими таких специальных программ, как ЮНЕП и новых структурных институтов в рамках ООН не прошли без пользы. Но с точки зрения объединения усилий в решении рассматриваемого нами вопроса есть немало реальных и объективных препятствий. Первым следует назвать громадный разрыв в уровне социально-экономического состояния промышленно развитых стран и развивающихся государств. Известно, что если в 1960-х, когда появились первые работы по изучению состояния окружающей природной среды этот разрыв составлял 1:30, то к началу нынешнего века он уже был в соотношении 1:74 [9,41].

Не будет ошибкой сказать, что международное экологическое право на данный момент, являясь «мягким», не может стать юридической (правовой) основой сотрудничества, ибо никаких санкций к государствам за нарушение принятых на всех четырех конференциях ООН применять попросту невозможно. Но можно показать, что есть примеры успешного регионального сотрудничества в области окружающей среды и развития. Первым таким примером и, пожалуй, в настоящее время единственным является Европейский Союз. За счет соблюдения принципа субсидиарности очень хорошо разработана система европейской экологической политики. Правда, не все страны сразу согласились поделить часть своего суверенитета при проведении совместных действий в области окружающей среды и развития. Особенно долго «упрямилась» Франция, но сегодня и она является активным участником разработки и реализации экологической политики ЕС. Именно ЕС, в который сегодня входят 28 смог провести уже пять успешных экологических программ и сейчас реализуется шестая. Экологическая политика стран-участниц ЕС строится не на притии одинакового закона для всех, а в ней используют

ся директивы и конвенции, которые определяют общее направление в решении какого-либо задачи. А при «переносе» принятых директив и конвенций на практику соответствующих государств, учитывается их эколого-географические условия.

Нужны серьезные подвижки, как на уровне государств, так и регионов в развитии экологического международного права. На начало нынешнего столетия подавляющая часть стран уже имели соответствующие разделы в своих национальных конституциях [10,145–151]. Другим важным вопросом является необходимость формирования и разработки экологической дипломатии. По этому поводу научных работ на настоящее время крайне мало. Одной из них является наше представление нового направления в дипломатии (можно в определенной степени сравнить с энергетической дипломатией). Мы считаем, что первые шаги в этом направлении уже предприняты, хотя они действительно представляют собой весьма скромные попытки. Здесь нужно более активно разрабатывать понятийный аппарат экологической дипломатии, определить ее цель, объект и предмет исследования. [11,101–109].

Были предложены интересные идеи по созданию международных экологических параинститутов. Так, в работе Кондратьева К. Я. и Донченко В. К. «Экодинамика и геополитика» говорится о возможности создания «экологической восьмерки». В их число, по мнению авторов, следует включить такие страны как США, Россию, Японию, Китай, Германию, Индию, Индонезию и Бразилию. Согласно расчетам, проведенным Кондратьевы К. Я., именно на эти восемь стран приходится 56% населения планеты, 59% доли мирового валового продукта, 58% выбросов двуокиси углерода (один из парниковых газов), 53% лесопокрытых территорий и 36% видов растительности (степень биоразнообразия) [12,9]. Насколько нам известно, это предложение не получило поддержки и, следовательно, не было, к сожалению, реализовано. Это демонстрирует непонимание, во-первых, политиков, и, во-вторых, целого ряда специалистов, стоящих на позициях признания возможности решения экологической глобальной проблемы только за счет разработки и использования новых, эколого-ориентированных технологий и развития «зеленой экономики». К сожалению, только этих усилий будет явно недостаточно и нужны более широкие меры, такие как экологическое образование и экологическое просвещение, формирование широкой экологической культуры и экологического сознания

значительной части населения современного мира. Пока же обстановка в «экологическом секторе» мирополитических процессов остается, как и ранее, без больших изменений к лучшему [13].

Такое положение вызывает необходимость не только пересмотра принципов объединения усилий в совместной деятельности современных государств, но понимание неизбежности перехода развития мирового сообщества с экономической парадигмы на экологическую [14].

¹ Нужно отметить, что первым из ученых XX века, кто предложил теории биосферного/ноосферного развития был В. И. Вернадский. На их основе строится и современная методология разработки глобальных экологических процессов.

² Но первая Международная Конференция по охране природы проходила в Берне (Швейцария) в 1913 г. В ее работе приняли участие российские ученые — И. Бородин и Г. Кожевников.

³ СССР принимал участие в подготовке Конференции, но не присутствовал на ней по политическим соображениям того времени — приглашения на Конференцию не получила Германская Демократическая Республика

⁴ Авторы считают необходимым подчеркнуть, что в последнее время абсолютно неправильно используется термин-понятие «экология». Экология — это наука, являющаяся одним из продолжений биологических знаний. Термин «экология» был введен немецким ученым Э. Геккелем, который, будучи отцом-основателем этой науки, утверждал, что объектом исследования ее является процесс взаимодействия организма и окружающей его среды. Кроме того, Э. Геккель называл экологию «экономикой природы». О неправильности использования термина-понятия «экология» неоднократно писал и говорил академик Н. Н. Моисеев и считал абсолютно неприемлемым такое словосочетание как «плохая экология», «хорошая экология» или «нам нужно обратить внимание на то, что у нас с экологией дела обстоят плохо».

Литература

1. Лебедева М. М., Харкевич М. В., Касаткин П. И. Глобальное управление. М., 2013.
2. Глобальные проблемы современности М., 1981.
3. Моисеев Н. Н., Александров В. В., Тарко А. М. Человек и биосфера М., 1985 г.
4. D. Medows and other authors — The Limits to Growth, Massachus. Univ. 1972].
5. James Lovelock. The Ages of Gaia. A Biography of our Living Earth. Oxford Univ. Press., 1988.
6. Н. Ф. Глазовский Состояние и перспективы развития образования в области устойчивого развития // Устойчивое развитие и экологический менеджмент.

- Материалы Международной научно-практической конференции, 17–18 ноября 2005 г., Санкт-Петербург.
7. Олдак П. Г. Равновесное природопользование: взгляд экономиста. Новосибирск, 1983.
 8. Наше общее будущее. Доклад международной комиссии по окружающей среде и развитию М., 1989.
 9. Сдасюк Г. В. Природопользование и концепция устойчивого развития: традиционные и новые подходы // Природопользование и устойчивое развитие. Мировые экосистемы и проблемы России. М. 2006.
 10. Алимов А. А., Ермолина М. А. Концепция устойчивого развития в экологических положениях конституций стран мира // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке, выпуск 6, СПб, 2013 г.
 11. А. А. Алимов Экологическая политика и экологическая дипломатия (понятийный аппарат и отдельные проблемы) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6, выпуск 3, СС. 101–109].
 12. Кондратьев К. Я., Донченко В. К. Экодинамика и геополитика, СПб, 1999.
 13. Алимов А. А. Глобализация. Устойчивое развитие. Экологическая безопасность // «Экологический PR как инструмент устойчивого развития. Материалы международной научно-практической конференции 13–15 мая 2014 г. Санкт-Петербург, РГГМУ., сс. 24–30.
 14. Алимов А. А. Экологическая безопасность и проблемы международного сотрудничества в области охраны окружающей среды // Вестник Санкт-Петербургского университета, Серия 6, выпуск 3. сс. 105–104.

ТРАНСАРКТИКА: АСПЕКТЫ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Хотя термин «глобальное управление» (ГУ) прочно вошел не только в научный оборот, но и в современный политический лексикон, общепринятой дефиниции этому термину так и не выработано. В целом сходясь в понимании, что ГУ — процесс международного и транснационального регулирования наиболее важных для Человечества вопросов, каждый исследователь/политик связывает с этим понятием тот алгоритм решений глобальных проблем, который, на его взгляд, максимально отвечает общечеловеческим интересам в той или иной сфере. В этом контексте вполне универсальна формулировка М. В. Стрежневой: «Глобальное управление представляет собой политический процесс, в ходе которого, в отсутствие верховной мировой власти, устанавливаются ясно выраженные цели для человечества в целом, а также происходит наднациональное вмешательство в общественную практику ради достижения этих целей»¹.

В условиях хаотичности мирополитических процессов, представляется оптимальной синергическая модель глобального управления. Вариантом таковой могло бы стать **сопряжение транснациональных политических пространств (ТНП) в целях решения общечеловеческих проблем**. Иными словами речь идет об организации политического процесса, в котором каждое ТНП реализует элементы ГУ в той мере, в какой ему приходится противостоять общим вызовам и угрозам. В этом контексте известный тезис Р. Кеохейна, что «анализировать мировую политику 1990-х годов значит обсуждать международные институты»², представляется возможным перефразировать: исследуя транснациональные политические пространства, мы неизбежно затрагиваем проблемы глобального управления.

С этих позиций взглянем на аспекты глобального управления в **ТРАНСАРКТИКЕ (ТА)** — виртуальном транснациональном политическом пространстве мирового Заполярья с его многоуровневой системой акторов. «Пространство» в данном случае рассматривается как «часть организационной „надстройки“ над данной территорией, в которой данные пространственные формы и отношения не просто

присутствуют время от времени, но утвердились на повседневной основе»³. Процессы в ТА рассмотрим в широком понимании ГУ, как совместного руководства разноуровневых акторов данного ТНП решением насущных задач с ярко выраженным глобальным значением, то есть затрагивающих интересы всего человечества⁴.

* * *

Проекцией ГУ в ТА стал комплекс алгоритмов принятия решения на разных уровнях (глобальном, различных региональных, национальных и субнациональных) многополярной системы ТА по общим для всего человечества проблемам. Формирование элементов глобального управления в ТА обусловлено как региональным интересом каждой из ее ведущих групп акторов — элитарной «приарктической пятерки» (А5), «арктической восьмерки» (А8) и «тяжеловесов»—внерегionalов⁵, так и их коллективной заинтересованностью в «разумной организации жизни» в Арктике, имея в виду совокупность всех аспектов безопасности (от спасения в чрезвычайных ситуациях до экономической и экологической), создание универсальных норм и правил, единых подходов к решению общих проблем.

ТА реализуется через определение и регламентацию экономической, экологической и других аспектов жизни этого международного макрорегиона, через обеспечение его безопасности, организацию поиска и спасения в арктической зоне. Круг акторов ТА широк — от вышеназванных привилегированных арктических государств с их межправительственными структурами, международных организаций (включая подразделения ООН) до НПО, ТНК и ограниченных в своих возможностях в силу принадлежности к иным ТНП государств—«внерегionalов». Объекты управления ТА в основном группируются в четыре сферы: логистическую; безопасности (в широком смысле); ресурсов океана и приарктических районов; устойчивого развития циркумполярных территорий. Наиболее адаптированными к ГУ сферами закономерно стали борьба за экологию (охрану окружающей среды) и обеспечение устойчивого развития.

Системообразующим элементом ГУ в ТА является Арктический совет (АС) — межправительственная организация мирового Заполярья, учрежденная в 1996 г. странами А8 первоначально для решения экологических проблем и обеспечения устойчивого развития региона. Развитие АС (создание в норвежском городке Тромсё Постоянного секретариата,

расширение числа наблюдателей—«внерегионалов», объектов регулирования, а также придание решениям Совета обязательного характера) указывает на тенденцию превращения его в некое «арктическое правительство». Первым транснациональным актом АС можно считать подписанное А8 в 2011 г. юридически обязывающее Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике. Оно закрепило за неформально главенствующей А5 индивидуальные зоны спасательно-поисковой ответственности в границах их исторических «секторальных» юрисдикций. В 2013 г. АС пополнил юридическую базу ТА Соглашением по реагированию на разливы нефти.

В ТА прослеживается тенденция ролевой трансформации системы управления на основе единства и борьбы противоположностей. Имеет место сплетение и конкуренция субъектов управления — национальных и международных, региональных и глобальных. Не вдаваясь в подробности из-за ограниченности объема статьи, отметим принципиальный момент — тщательность проработки в АС статуса **постоянных участников** и различных категорий присутствующих в нем **наблюдателей** отражает серьезную озабоченность А8 удержанием контроля над Арктикой. Расширение в АС института наблюдателей из числа «внерегионалов» свидетельствует не просто об увеличении числа субъектов, стремящихся стать причастными к транснациональному режиму управления, но и отражает реальный драйв ТА в сторону глобального управления.

Примечательна роль малых коренных народов Арктики (коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, инуиты, алеуты, саамы, атабасканы, гвичины). Их вовлечение в управление ТА в полной мере отражает тенденцию глобализации, подмеченную еще П. Норрисом, — превращение жителей в многонациональных граждан⁶. Организациям коренных народов предоставлен в АС статус **постоянных участников** с правом принятия решений наряду с правительствами стран-учредителей. Самоорганизовавшись в межпарламентские, международные НПО, признанные и тесно сотрудничающие со структурами ООН, они превратились в еще один «центр принятия решений в новой многовластной системе принятия национальных и международных решений»⁷. Государства учитывают их интересы при формировании своих международных стратегий в глобализирующемся мире, обеспечивая тем самым необходимую легитимность принятым ими решениям. Это принципиально важный аспект управления.

Другой принципиально важный момент ГУ в ТА связан с расширением числа наблюдателей в АС. Этот статус предоставляется на четыре года с возможностью последующего продления/отзыва государствам—«внерегionalам», межправительственным и межпарламентским организациям, а также организациям универсального и регионального характера, включая НПО. Им вменяется в обязанность признание суверенитета и суверенных прав А5, а также ограничение финансовой вовлеченности «внерегionalов» в дела АС. Дабы не превышать объемы финансирования, выделяемые учредителями А8.

Важным событием сопряжения транснациональных политических пространств в Арктике стало предоставление в 2013 г. статуса наблюдателя АС азиатским государствам — Китаю, Южной Корее, Японии, Сингапуру и Индии — и отсрочка до следующей сессии решения о представлении такового Евросоюзу (под предлогом разногласий относительно важного для коренного населения Арктики промысла морского котика).

Международные установления циркумполярного мира, составляющие в своей совокупности ТА, не ограничены упомянутыми акторами. Рамки статьи не позволяют детально рассмотреть все управленческие элементы в системе ТА. Но уже сами названия — Совет Баренцева/Евроарктического региона, Совет государств Балтийского моря, Совмин северных стран, Программа «Северного измерения» (платформа равноправного и многоуровневого взаимодействия отдельных регионов РФ, ЕС и стран Севера), Программы ООН, а также национальные ведомства, ориентированные на Арктику — говорят о весомости их участия в делах ТА. Ключевые элементы массива международных установлений ТА — основополагающие международные Конвенции в области морского права, Программа «Глобального партнерства» G8 (в части утилизации АПЛ российского Северного флота и охраны окружающей среды), российско-американо-норвежская программа «Арктическое военно-экологическое сотрудничество» (АМЕС). И, конечно, всеобъемлющий российский документ — «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г.» (утверждена 20 февраля 2013 г.).

* * *

Как справедливо подчеркнул посол КНР г-н Чжао, выступая на конференции в Норвегии в 2013 г.: «Несмотря на свою региональную природу, вопросы Арктики включают и трансрегиональные, к примеру,

изменение климата, мореходство и другие, для решения которых необходимо объединение усилий международного сообщества»⁸.

В контексте варьирующейся в ТА степени интереса каждой категории акторов к ГУ важны два момента. Во-первых, ТА, как и ТНП в целом, «отличает известная самодостаточность, независимость в своем функционировании», а также «стремление к расширению и так называемой экстернализации, а иногда и тенденция к определенной закрытости»⁹. В случае ТА это связано с подмеченной И. Л. Прохоренко особенностью некоторых пространств «обозначать не только явление, но и процесс, в том числе регионализации и транснациональной социализации — формирования новой макрорегиональной идентичности»¹⁰. Во-вторых, дихотомия «глобальное/локальное», являющаяся базовой категорией концепции глобализации¹¹, в арктической интерпретации предстает единым целым взаимообусловленного и взаимодополняемого в ТА «глобального/регионального».

Причем у каждой категории акторов ТА представление об оптимальности соотношения этих двух составляющих единого целого существенно разнятся. Для А5 и в меньшей мере для А8 характерно стремление локализовать ГУ («глобальное») вне границ своих суверенных интересов («региональное»). В свою очередь «внерегionales», в том числе ТНК, приветствовали бы расширение в ТА ареала ГУ, сулящего им существенные дивиденды. Странниками максимально широкого поля ГУ в ТА являются НПО и движения, озабоченные глобальными экологическими проблемами. Закономерно, что в этой ситуации принципиальное значение для ТА приобретает разграничение полномочий, иерархия регуляторов ГУ.

В контексте ТА элементы «глобального» просматриваются через коллективные усилия акторов по решению, а значит предварительному обсуждению и согласованию, злободневных проблем, не поддающихся решению в одиночку¹². Но «коллективизм» ограничен конкретными договоренностями по четко очерченному кругу вопросов и на сегодня мотивирует к взаимодействию в сфере учета последствий глобального изменения климата, а также в отношении новых путей сообщения (логистических цепочек), не только сокращающих сроки транспортировки, но и обеспечивающих энергобезопасность, прежде всего акторам из Азии. Экономические возможности для ТНК в значительной мере увязаны с решением проблем экологии, охраны окружающей среды, борьбой с трансграничными выбросами.

По большому счету, в основе всех дискуссий вокруг правового режима Арктики, места Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (*UNCLOS*) в управлении Северным Ледовитым океаном (СЛО), а также относительно привилегированного статуса А5 лежит все тот же вопрос соотношения «глобального» и «регионального»¹³.

* * *

В отношении формирования и использования в ТА элементов ГУ России нужна выверенная политика, базирующаяся на четких национальных приоритетах. Обеспечивая РФ привилегии, достойные крупнейшей приарктической и евразийской державы, она должна способствовать ее диалогу с «внерегionalами», особенно с вовлеченными в систему ГУ странами БРИКС. В условиях, когда G8 «пал» жертвой «украинского кризиса», России стоит задуматься об инициации новой глобальной структуры. Это позволило бы ей нейтрализовать изоляцию от процессов ГУ, которая «заведомо проигрышна для любой страны». К тому же это предоставило бы РФ «важное средство международной конкуренции», коим является «инициатива в формировании международных институтов и норм, а также лидерство в разработке принципов их функционирования»¹⁴. Вашингтон явно опасается такого сценария. Не случайно Госдеп США устами Мари Харф, касаясь заинтересованности РФ в глобальных форматах, поспешил предсказать: «Заменить G8 нельзя, хотя и можно поискать (альтернативы)»¹⁵.

Новый формат мог бы быть создан в ТА на базе АС. США, конечно, попытаются это заблокировать, хотя бы на ближайшие три года. Ибо в 2015 г. председательство в АС от Канады перейдет на два года к США. В рамках своей «санкционной» политики Вашингтон уже «атаковал» РФ в ТА по трем азимутам:

- продал отказ Канады от участия в заседании рабочей группы АС в Москве в апреле 2014 г.;
- спровоцировал резкое охлаждение и понижение уровня межрегиональных гуманитарных связей Норвегии с Мурманской областью;
- под предлогом «российского экспансионизма»¹⁶ инициировал ажиотаж вокруг необходимости усиления арктического присутствия НАТО и полного вовлечения в альянс Финляндии и Швеции.

Впрочем, для партнеров США такие шаги в ТА конъюнктурны и далеки от их собственных национальных интересов. К примеру, подход Канады к Северо-Западному проходу, как своим «внутрен-

ним водам», солидарен с позицией РФ по Северному морскому пути, но входит в противоречие с требованием Вашингтона придать СЗП статус международного пролива. Оттава, как и Москва, противостоит арктическим амбициям НАТО, хотя и является ее членом. Кстати, именно Канада инициировала отказ Евросоюзу в статусе наблюдателя в АС.

Ассиметричным ответом РФ на прессинг США мог бы стать поворот к упрочению своего сотрудничества в ТА, прежде всего в рамках АС, с «внерегionalами». Сегодня АС гарантирует интересы А8/А5, с чем в условиях глобализации «внерегionalы» вряд ли долго будут мириться. Действуя на опережение, Россия могла бы предложить такую модель реформирования АС, которая сбалансировала бы национальные интересы РФ и ее стратегических партнеров из «внерегionalов» (БРИКС, РИК). Рассуждая в категориях политического пространства, представляется, что в интересах России допустить в ТА максимальное число своих стратегических партнёров. В то же время контекст современного украинского кризиса свидетельствует, что предоставление Евросоюзу статуса наблюдателя в АС чревато для России негативом. Ибо ей следует обезопасить себя от малейшей возможности совместного наложения санкций США и «евробюрократией».

В этом контексте стоит предусмотреть возможность соответствующей адаптации арктической стратегии РФ, тем более что действующий документ рассчитан до 2020 г. К этому времени должен разрешиться и вопрос с границами российского континентального шельфа в СЛО. Все это дает России шанс конвертировать свои естественные арктические преимущества в привилегированное место в системе управления ТА. Речь идет об обеспечении России ключевой роли в сопряжении Трансатлантического и Транстихоокеанского пространств через логистическую цепочку Северо-Западный проход — Севморпуть — система рек Восточной Сибири — ТРАНССИБ, а также о разработке модели стратегического партнёрства с акторами-«внерегionalами», прежде всего с Индией и Китаем. Новый геополитический и геоэкономический расклад, видимо, потребует в ТА обновления правового режима, определения статуса А5 и степени ее влияния в АС. В этом контексте решающее значение приобретает превентивная проработка концепции глобального управления моделью, которая придёт на смену Поствестфальской. В частности в плане моделирования в ТА предпосылок для вхождения России в разряд новых балансиров.

Большим подспорьем в укреплении российских позиций в ТА стало бы развитие контактов с элементами «глобального гражданского общества» в лице активных трансграничных структур коренных народов циркумполярного мира. Позитивному имиджу РФ способствовало бы укрепление и углубление российского участия в представленных в ТА международных НПО, а также наращивание сотрудничества с ТНК, способными противостоять санкционному прессингу.

¹ Стрежнева М. Интеграция и вовлечение как инструменты глобального управления / М. Стрежнева [Электронный ресурс] // Международные процессы. — М.: 2007. — № 1(13). — Т. 5. — С. 42. — Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/seventh/002.htm>

² Keohane R.O. International Institutions: Can Interdependence Work? / R.O. Keohane // Foreign Policy. — 1998. — 110. — Pp. 82–96.

³ Косолапов Н.А. Глобализация: территориально-пространственный аспект / Н.А. Косолапов. // Мировая экономика и международные отношения. — 2005. — № 6. — С. 8.

⁴ Ботон Д. М. Глобальное управление: новые участники, новые правила. Почему модель XX века нуждается в модернизации / Д. М. Ботон, К. И. Брэдфорд, мл. [Электронный ресурс] // Финансы & развитие. — 2007. — Декабрь. — Сс. 10–14. Режим доступа: http://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/rus/2007/12/pdf/boughton_RUS.pdf

⁵ A5 включает Гренландию/Данию, Норвегию, Канаду, РФ, США; A8 = A5 + 3 (Исландия, Швеция, Финляндия); «тяжеловесы–внерегионалы» — это серьезные акторы из АТР: КНР, Индия, Южная Корея, Япония.

⁶ Norris P. Global Governance and Cosmopolitan Citizens / P. Norris // Governance in Globalizing Word; ed. by Ney J. S.(Jr.) and Donahue J. D. — Washington D. C. : Brookings Institution Press, 2001. — pp. 155–177

⁷ Ehrenzeller B. Thürer D. Federalism and Foreign Policy / B. Ehrenzeller, R. Hrbek, G. Malinverni // Politorbis. — 2003. — No.1(32). — p. 31.

⁸ Solli P.E Coming into the cold: Asia's Arctic interests / P.E. Solli, E.W. Rowe, W.Y. Lindgren // Polar Geography. — 2013. — Vol. 36. — No. 4. — P. 260. Mode of access: <http://dx.doi.org/10.1080/1088937X.2013.825345>

⁹ Прохоренко И.Л. О методологических проблемах анализа современных политических пространств / И.Л. Прохоренко // Полис. — 2012. — № 6. — С. 78

¹⁰ Там же, с. 79

¹¹ Кирьянова Л.Г. Дихотомия «глобальное/локальное»: к вопросу постановки проблемы / Л.Г. Кирьянова [Электронный ресурс] // Известия Томского Политех-

нического университета. — 2007. — Т. 310. — № 2. — Сс. 225–230. — Режим доступа: http://www.lib.tpu.ru/fulltext/v/Bulletin_TPU/2007/v310/i2/50.pdf

¹² Weiss Th. The UN and Global Governance: An Idea and its Prospects. / Th. Weiss, R. Thakur // University of Indiana Press, 2003.

¹³ Подробнее см. работы: Гудев П. А. Будет ли пересмотрена действующая Конвенция ООН по морскому праву? [Электронный ресурс] / П. А. Гудев // ИА Regnum. — 2013. — 03 декабря. Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1740464.html> ; Гудев П. Перспективы формирования международного режима в Арктике / П. Гудев // Международная жизнь. — 2014. — Февраль, № 2. — Сс. 88–101.

¹⁴ Войтоловский Ф. Г. Интересы России в области формирования принципов и механизмов «глобального управления» / Ф. Г. Войтоловский // Внешнеполитические ресурсы модернизации России: отв. ред. Барановский В. Г. — М.: ИМЭМО РАН, 2013. — с. 79. — Режим доступа: <http://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2013/13044.pdf>

¹⁵ Урдинец Никита. США: присутствие Москвы в G8 важнее для России, чем для ее коллег [Электронный ресурс] // Новости Украины и Мира. — 2014. — 24 Марта. — Режим доступа: <http://zhkhtv.ru/ssha-prisutstvie-moskvy-v-g8-vazhnee-dlya-rossii-chem-dlya-ee-kolleg>

¹⁶ Staalesen Atle. Hillary warns against Russia in Arctic [Electronic resource] // Barents Observer. — 2014. — April 03. — Mode of access: <http://barentsobserver.com/en/arctic/2014/04/hillary-warns-against-russia-arctic-03-04>

Т. В. Юрѳева

«ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ» В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

Постановка проблемы

Этот доклад является продолжением исследования автора в рамках коллективной научной работы кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России по проблематике «глобального управления»¹.

Исходная посылка автора заключается в том, что «глобальное управление» — общее собирательное понятие, включающее в себя объекты, субъекты и механизмы управления мировыми процессами и/или их регулирования. Пространственные уровни «глобального управления» простираются от глобального через региональные до национальных включительно. При такой трактовке ждать появления какого бы то ни было единого принципа формирования «глобального управления» в обозримой перспективе не приходится. Речь, скорее, может идти о рождении некоей глобальной системы многоуровневого управления², в которой управляемость политическими процессами будет колебаться в диапазоне «хаотизация — упорядочивание» мира — в зависимости от конкретной сферы мировой политики.

Вопрос об акторности «глобального управления» — о его субъектах — однозначного ответа не имеет. Здесь, опять-таки, все зависит от конкретной сферы мировой политики и от пространственного уровня управления.

С одной стороны, опыт глобального регулирования усилий по выходу из мирового финансово-экономического кризиса 2008—2009 гг. свидетельствует о росте регулирующей роли развитых в экономическом отношении государств. Отсюда — появление новой неформальной межгосударственной регулирующей структуры — «Группы двадцати», которая в настоящее время постепенно вытесняет «Группу семи», созданную для регулирования экономического кризиса 1974—1975 гг.³

С другой стороны, в политической сфере и, в частности, в сфере регулирования международно-политических конфликтов, все большее распространение получают различные конфигурации сетевого управ-

ления с участием не только государств и их межправительственных организаций, но также и неправительственных организаций и других негосударственных акторов.

Объекты «глобального управления» столь же многообразны, как и сферы жизнедеятельности человечества. Применительно к теме этого доклада — регулирование международно-политических конфликтов — центральным является вопрос о своего рода «политическом расстоянии» между субъектами и объектами управления. Иными словами — вопрос о выборе наиболее оптимального уровня для регулирования того или иного конфликта.

За четверть века постбиполярной истории накопилось немало свидетельств в пользу эффективности управления мировыми политическими процессами на основе принципа субсидиарности, родившегося в Европейском союзе (ЕС). Изначальная суть принципа — в установлении оптимального баланса между разными уровнями власти и управления в ЕС для принятия и последующей имплементации того или иного решения. Представляется, что за пределами Европейского союза субсидиарность означает точечное использование наиболее эффективного уровня управления применительно к конкретной проблеме⁴. Однако здесь и возникает вопрос: на каком именно функциональном уровне управление обещает быть наиболее эффективным?

Для ответа на этот вопрос применительно к управлению международно-политическими конфликтами уместно вспомнить эпоху биполярной Ялтинско-Потсдамской системы. В те времена любой региональный конфликт потенциально, а чаще всего и реально, становился объектом противоборства двух сверхдержав как по сути, так и по методам его регулирования. Поэтому «политическое расстояние» между объектом и субъектами регулирования имело глобальный масштаб.

Вместе с тем, ближе к окончанию холодной войны появились прецеденты сокращения этого расстояния до регионального уровня. Так, в 1980-х гг. попытку участия в урегулировании кампучийской проблемы предприняла Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), пусть и без видимого успеха. В это же время в другой части света — в Латинской Америке — возник противоположный прецедент. Здесь решающую роль в локализации и прекращении Центрально-Американского кризиса (ЦАК) сыграли именно региональные акторы — несколько государств Латинской Америки, объединившихся в 1983 г. в так называемую «Контадорскую группу»⁵.

После распада биполярной системы международных отношений в области регулирования международно-политических конфликтов кардинальных изменений, как это ни парадоксально, не произошло. Уже во время Косовского кризиса 1998–1999 гг. наметилась тенденция нового разлома в «глобальном регулировании» конфликтов и опять, по сути, — биполярного. С одной стороны — внеправовой подход Запада в лице США и ЕС, создавших в косовской ситуации прецедент военного вмешательства во внутригосударственный конфликт без санкции Совета Безопасности ООН (СБ ООН) в формате «гуманитарной интервенции». С другой стороны — правовой подход России и Китая, плюс — большего или меньшего числа других государств — в зависимости от конкретного конфликта.

В результате обычной стала ситуация «конфликта в квадрате», когда на первичный конфликт накладывался еще и вторичный конфликт между миротворцами по существу и по методам урегулирования первичного конфликта. После Косово так случалось во время Иракского кризиса 2003 г., Кавказского кризиса 2008 г., Ливийского кризиса 2011 г. Аналогичная ситуация сложилась вокруг продолжающихся в настоящее время Сирийского и Украинского кризисов.

В регулировании Сирийского кризиса внерегиональным акторам в конце 2013 г. удалось достичь пусть и не всеобъемлющего, но очень важного компромисса — договоренности о вывозе и уничтожении сирийского химического оружия, что предотвратило военное вмешательство Запада в гражданскую войну в Сирии, казавшееся неминуемым. Иными словами, налицо деэскалация напряженности во вторичном конфликте — между внерегиональными акторами — при сохранении напряженности внутри первичного конфликта.

Украинский кризис по состоянию на середину июня 2014 г. представляет собой вдвойне пессимистическую картину. Во-первых, не просматривается близких перспектив урегулирования первичного конфликта — противостояния киевских властей и граждан Юго-Востока страны, которое с марта 2014 г. фактически превратилось в гражданскую войну. Во-вторых, не менее туманны и перспективы урегулирования вторичного конфликта — расхождение подходов внерегиональных акторов ко всему спектру Украинского кризиса. Никогда еще после окончания холодной войны отношения между Россией, с одной стороны, и «коллективным Западом» в лице не только США и ЕС, но и поддержавших их в той или иной мере других развитых стран, не достигало такой остроты.

Анализ Украинского кризиса как «конфликта в квадрате» предполагает выделение объекта и субъекта «глобального управления» на трех уровнях:

1. Внутригосударственный уровень Украины.
2. Региональный европейский уровень.
3. Глобальный уровень.

Украинский кризис: уровни «глобального управления»

Внутригосударственный уровень украинского кризиса

Политическое противостояние на Украине началось в конце ноября 2013 г. Толчком к резкому нарастанию напряженности стало решение президента страны В. Януковича об отсрочке подписания Соглашения об ассоциации с ЕС, принятое в преддверие саммита Восточного партнерства в Вильнюсе 28–29 ноября 2013 г., где и планировалось подписать этот документ.

На первых порах украинское общество разделилось на сторонников и противников евроинтеграции. Однако очень скоро камнем преткновения стали системные проблемы украинской государственности, накопившиеся с момента провозглашения независимости страны в 1991 г.

Главная системная проблема украинской государственности — незавершенность процесса национальной самоидентификации страны. Никогда прежде Украина не существовала в границах, которые она получила в результате объявления независимости в 1991 года⁶.

После 1991 г. внутри нового независимого государства оказались разные по этническому составу, вероисповеданию и исторической традиции территории. Западная Украина развивалась в западноевропейской, преимущественно католической традиции как часть сначала Речи Посполитой, потом Австро-Венгрии, и в 1920–1939 гг. — Польши. В состав СССР западно-украинские области были включены лишь в 1939 г. в соответствии с секретными положениями Пакта Молотова–Риббентропа, что уже тогда способствовало формированию резко отрицательного отношения жителей этих областей к «москалям». Восточные и Юго-Восточные области — Донецкая, Харьковская, — исторически развивались как составная часть Новороссии, и здесь до сих пор преобладает русское население. Крым как часть Украины — это, по сути, историческое недоразумение, возникшее в 1954 г. в результате решения тогдашнего советского лидера Н. С. Хрущева передать

полуостров из состава РСФСР в состав УССР⁷. По данным официальной украинской статистики, в 2001 г. этническом составе Крыма 67% населения составляли русские. Всего же, по тем же данным, в 2001 г. на Украине проживало 48,4 млн человек, из которых 37,5 млн — украинцы (77,8% всего населения). Остальные 22% населения составляли другие этносы — русские, белорусы, молдаване, болгары, поляки, венгры, крымские татары, имевшие статус национальных меньшинств. Самое крупное национальное меньшинство — русские: 8,3 млн человек (17,8% населения)⁸. После воссоединения Крыма с Россией в марте 2014 г. русских на Украине остается, следовательно, примерно около 7 млн человек.

Государственным языком на Украине после 1991 г. был объявлен украинский. Идею придать статус второго государственного языка русскому любая украинская власть неизменно отвергала. Остроту вопроса о статусе русского языка удалось приглушить после того как он, наряду с языками других национальных меньшинств, получил статус регионального. Однако после государственного переворота, произошедшего в Киеве в феврале 2014 г., новые украинские власти объявили о намерении упразднить этот статус. Позже киевские власти предпринимали попытки подправить формулировку, однако было уже поздно: русские на Востоке и Юго-Востоке страны воспротивились и выдвинули требование федерализации Украины.

После того как в апреле 2014 г. новые киевские власти начали так называемую Антитеррористическую операцию (АТО) в Донецкой и Луганской областях, страна фактически оказалась в состоянии гражданской войны, так как на деле киевские власти санкционировали карательную операцию против мирного гражданского населения. К середине июня 2014 г., по некоторым российским данным, в охваченных боевыми действиями регионах сложилась ситуация гуманитарной катастрофы: около 100 тыс. человек к этому времени бежали из подвергавшихся бомбардировкам и обстрелам регионов в Россию⁹.

Таким образом, на внутриукраинском уровне конфликта объектом управления является комплекс нерешенных проблем государственного устройства страны. Субъектами управления теоретически являются все граждане Украинского государства. Практически же киевские власти, включая избранного в мае 2014 г. Президентом Украины П. Порошенко, по состоянию на середину июня 2014 г., претендовали на монополию принятия решений и не воспринимали граждан Востока и Юго-

Востока страны как равноправных участников переговорного процесса. По этой же логике киевские власти не признали итогов волеизъявления граждан Крыма в марте 2014 г., высказавшихся за воссоединение с Россией.

Опять-таки теоретически — в случае эскалации гражданской войны — возникшую тупиковую ситуацию могли бы разрешить внешние посредники, как это произошло в 1995 г. в Боснии и Герцеговине. Однако вероятность боснийского сценария государственного строительства на Украине близка к нулю. И, главное, итоги развития Боснии и Герцеговины с 1995 г. по настоящее время свидетельствуют в пользу вывода о низкой эффективности самого принципа конструирования государственного устройства внешними акторами при опоре на иностранное военное присутствие, пусть и санкционированное СБ ООН.

Региональный европейский уровень Украинского кризиса

Изначально европейский уровень Украинского кризиса сформировался в области сугубо экономической. Перспектива присоединения Украины к Восточному партнерству ЕС поставила в практическую плоскость проблему взаимного наложения двух моделей региональной экономической интеграции — в ЕС и в СНГ. Первоочередной вопрос, требовавший оперативного решения, — это параметры совместимости двух зон свободной торговли (ЗСТ): Украина — Россия (уже существующей в СНГ) и Украина — ЕС (предполагаемой вследствие подписания Украиной Соглашение об Ассоциации с ЕС).

Поэтому изначально на европейском региональном уровне объектом управления должна была стать региональная экономическая интеграция, а субъектами управления — Украина, Россия и ЕС в формате их трехстороннего взаимодействия для устранения взаимных озабоченностей. Однако в декабре 2013 г. Европейский союз, после некоторых колебаний, идею трехсторонних консультаций в таком формате, отверг.

Подобное решение ЕС было вполне ожидаемым. Позиционируя себя как сторонника мягкой силы, Европейский союз, тем не менее, очень жестко отстаивает свои собственные каноны интеграции и весьма склонен воспринимать третьи страны исключительно в качестве объектов своей политики. Право на субъектность России приходится отстаивать на всем протяжении истории ее отношений с Европейским союзом.

Отказ ЕС от трехсторонних переговоров о совместимости двух зон свободной торговли фактически замораживает конфликтную ситуацию не только вокруг последствий ассоциации Украины с ЕС. С учетом перспективы создания к 1 января 2015 г. Евразийского экономического союза (ЕАЭС) неизбежно возникает вопрос о взаимоотношениях этих двух интеграционных группировок. Фигура умолчания со стороны Европейского союза в связи с прогрессом интеграции на постсоветском пространстве объективно будет способствовать сохранению политической напряженности на всем Евразийском континенте.

Вместе с тем, весной 2014 г. ЕС не смог самоустраниться от трехсторонних консультаций в формате ЕС — Россия — Украина по газовому спору между Украиной и Россией. Сам факт переговоров отраден, однако, по состоянию на середину июня 2014 г., договоренностей достичь не удалось. Причина — в неконструктивной позиции, занятой на этих переговорах украинской стороной.

Политический аспект европейского измерения Украинского кризиса становился все более очевидным по мере нарастания насилия в ходе проведения киевскими властями военной операции против Юго-Востока страны. Объектом управления стало вооруженное противостояние между украинской властью и украинскими гражданами. В качестве субъектов управления еще 21 февраля 2014 г. выступили тогдашний президент Украины В. Янукович, представители киевской оппозиции с Майдана, а также — министры иностранных дел Германии, Польши и Франции. Однако на другой день после подписания Соглашения об урегулировании кризиса, 22 февраля 2014 г., на Украине произошел государственный переворот. Новые киевские власти о Соглашении не вспоминали, поскольку фактически отдали предпочтение военному, а не политическому методу урегулирования конфликта. Иными словами, Киев отдал предпочтение эскалации, а не деэскалации обстановки.

С тех пор была предпринята еще одна европейская попытка деэскалации Украинского кризиса. В мае 2014 г. было объявлено о начале реализации «дорожной карты» по урегулированию внутриукраинского кризиса, разработанной по инициативе Действующего председателя ОБСЕ Президента Швейцарии Д. Буркхальтера. Как подчеркнуто в комментарии российского МИДа, ключевым в этом документе является «положение о прекращении насилия, что требует немедленной отмены проводимых Киевом карательных акций на Юго-Востоке страны»¹⁰. Однако и эта посредническая попытка оказалась безуспешной.

В целом Украинский кризис, как и предшествовавшие ему Балканские кризисы 1990-х гг., а также — Кавказский кризис 2008 г., свидетельствует о крайне низкой эффективности региональных европейских механизмов управления кризисными ситуациями. Преобладающей по-прежнему является тенденция к фрагментации пространства безопасности в Европе «от Ванкувера до Владивостока» после окончания холодной войны. Вторая, вытекающая из первой, тенденция — формирование зигзагообразного развития отношений по линии ЕС/НАТО — Россия/СНГ/ОДКБ, когда периоды ограниченного сотрудничества сменяются периодами острейшего противостояния в худших традициях эпохи холодной войны. Вместо объединения посреднических усилий с Россией в ходе Украинского кризиса ЕС и НАТО двинулись в прямо противоположном направлении: заморозили использование существующих механизмов взаимодействия с Россией и ввели против нее санкции.

Таким образом, общая системная проблема управления процессами в сфере европейской/евроатлантической безопасности заключается в отсутствии горизонтальных региональных механизмов «управления несогласием». Эта проблема, в свою очередь, является отражением нежелания государств-членов ЕС и НАТО воспринимать Россию в качестве субъекта, а не объекта мировой политики.

Глобальный уровень Украинского кризиса

На глобальном уровне Украинский кризис иллюстрирует основные нерешенные проблемы управления в сфере современного миротворчества: отсутствие глобального консенсуса в разрешении дилеммы права наций на самоопределение *versus* территориальная целостность государства, а также — в вопросе о юридической основе осуществления права наций на самоопределение. Итоги голосования на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 27 марта 2014 г. по резолюции в поддержку территориальной целостности Украины (и, следовательно, — против референдума по самоопределению Крыма) свидетельствуют о дифференциации мнений государств-членов по вопросам самоопределения наций. За резолюцию проголосовали 100 стран — членов ООН, против — 11, воздержались — 58¹¹. Общий счет выглядит как 100 в пользу территориальной целостности и 69 — в той или иной форме — в пользу самоопределения.

Далее, на глобальном уровне, как и на региональном европейском, Украинский кризис стал своего рода тестом на возможность изоляции России в мировой политике.

Тон в глобальной антироссийской кампании задали США. Американская администрация, правда, не преуспела в своих попытках создать против России единый евро-атлантический «санкционный фронт» в экономической области, поскольку объем товарооборота между Европейским союзом и Россией несопоставимо больше американско-российского. Не спешат европейцы поддаваться и на американские посулы заменить поставки российского газа в Европу сжиженным газом из США. Тем не менее в политической области глобальную санкцию согласовать удалось: Россию фактически исключили из «Группы восьми». Впрочем, в российском МИД этот демарш расценили как минус, скорее, для оставшейся «семерки», а не для России. По мнению посла по особым поручениям МИД России В. Б. Лукова «ряд проблем, которые мы планировали обсудить в „восьмерке“, могут быть сейчас акцентированы в „двадцатке“». ¹²

И все-таки от политического сотрудничества с Россией в полном объеме Запад в ходе Украинского кризиса не отказался. Даже после введения антироссийских санкций, в апреле 2014 г., в Женеве состоялась встреча министров иностранных дел России и Украины, государственного секретаря США и Высокого представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности для консультаций по Украинскому кризису. На встрече было принято совместное Заявление с перечнем неотложных мер по деэскалации обстановки на Украине и по обеспечению безопасности для всех граждан этой страны ¹³. Российский министр иностранных дел С. В. Лавров определил это Заявление как во многом компромиссное и особо подчеркнул, что для российской стороны «самое главное — признание участниками переговоров непреложного факта, что этот кризис, в том, что касается немедленного прекращения конфликта, связанного с задержанием протестующих, занятием различных зданий и площадей и в долгосрочном плане с началом подлинной конституционной реформы, **должны урегулировать сами украинцы** (выделено мною. — *Т. Ю.*)» ¹⁴.

Женевское Заявление, как и последовавшая за ним и упомянутая выше «дорожная карта» ОБСЕ, не привели к немедленной деэскалации Украинского кризиса. Тем не менее, эти документы обозначили политические рамки для начала диалога между сторонами конфликта. Таким образом, на глобальном уровне в настоящее время получилось не управление, а попытки внешнего регулирования внутриукраинского процесса.

* * *

Украинский кризис свидетельствует о насущной потребности создания региональных и глобальных механизмов «управления несогласием». Для решения этой задачи необходимо фундаментальное переосмысление категорий объектности и субъектности в мировой политике. За рамками анализа в этом докладе осталась роль многочисленных негосударственных акторов, в той или иной форме влияющих на управление Украинским кризисом. Однако это — сюжет для отдельного исследования.

¹ См. коллективные публикации кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России по проблематике «глобального управления»: *Метаморфозы мировой политики* / М. М. Лебедева (ред.) — М.: Издательство «МГИМО—Университет», 2012 (с участием автора этой статьи — см. раздел 1.2. Безопасность в Евро-Атлантическом регионе — Юрьева Т. В. С. 47–67); М. М. Лебедева. *Глобальное управление* / М. М. Лебедева, М. В. Харкевич, П. И. Касаткин. — М.: Издательство «МГИМО—Университет», 2013.

² О формировании теории многоуровневого управления см., в частности: М. М. Лебедева. *Глобальное управление* / М. М. Лебедева, М. В. Харкевич, П. И. Касаткин. — М.: Издательство «МГИМО—Университет», 2013. С. 26–27.

³ С 1998 по апрель 2014 «Группа семи» называлась «Группой восьми» так как в ее работе, помимо семи изначальных государств, принимала участие Российская Федерация. В апреле 2014 г. — в рамках западных санкций против России в связи с Украинским кризисом — участие России в этой структуре было остановлено.

⁴ О возрастании роли принципа субсидиарности в «глобальном управлении» в контексте мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. см. выступление Т. В. Юрьевой на семинаре кафедры мировых политических процессов в мае 2009 г.: *Круглый стол. Кризис экономический или кризис мирополитический?* // Вестник МГИМО-Университета. — 2009. — № 5 (8). — С. 162–163.

⁵ Оба приведенных примера уже стали хрестоматийными и вошли в учебники по истории холодной войны. См.: *История международных отношений*. В трех томах. Том III. *Ялтинско-Потсдамская система* / Под редакцией академика РАН А. В. Торкунова, профессора М. М. Наринского. — М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 2012. С. 280–288, 367–370, 504–507.

⁶ Краткие очерки истории изменения границ Украины см. в: *Украина краткая история*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru-world.net/ukraina-istoriya/>.

⁷ Юридически это решение было оформлено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1954 г.

- ⁸ Все статистические данные по составу населения Украины приведены по: Население Украины. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru-world.net/ukraina-naselenie>. Там же.
- ⁹ См. заявление о ситуации на российско-украинской границе руководителя Администрации президента РФ С. Иванова от 19.06.2014: <http://itar-tass.com/politika/1267274> (дата посещения сайта — 21.06.2014).
- ¹⁰ Комментарий Департамента информации и печати МИД России относительно «дорожной карты» ОБСЕ по урегулированию внутриукраинского кризиса. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/BCF89D511335079C44257CD700477F6C (дата посещения сайта — 16.05.14).
- ¹¹ Генассамблея ООН приняла резолюцию в поддержку территориальной целостности Украины. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/1079720> (дата посещения сайта — 28.03.14).
- ¹² Интервью Посла по особым поручениям МИД России В. Б. Лукова «РИА Новости», 14 апреля 2014 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/33A1D346558B4C3944257CBD0032BFDD (дата посещения сайта — 17.04.14).
- ¹³ См.: Geneva Statement of April 17, 2014 agreed by the Ministers of Foreign Affairs of Russia, USA, Ukraine and the EU High Representative for Foreign Affairs and Security Policy. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/e78a48070f128a7b43256999005bcbb3/b3b3396b891fb8df44257cbd00600264!OpenDocument (дата посещения сайта — 22.04.14).
- ¹⁴ Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова по итогам встречи представителей ЕС, России, США и Украины, Женева, 17 апреля 2014 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/89B80174FD1F1E0A44257CBD006D741E дата посещения сайта — 22.04.14).

КОНЦЕПЦИЯ «ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО ЗАЩИТЕ» КАК МЕХАНИЗМ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ¹

На IV Конвенте РАМИ, прошедшем в 2006 г., Н. С. Швейкина обратила внимание на отсутствие в России теоретической базы в исследованиях по глобальному управлению² (ГУ). Сегодня, спустя восемь лет, есть основания утверждать, что такая база начинает зарождаться, дополняя и обогащая мировую науку о глобальном управлении.

Основы теоретических исследований по ГУ были заложены Дж. Розенау³. Весомый вклад в концептуализацию глобального управления внесли Р. Кохейн⁴, Т. Хейл, Д. Хелд⁵, А.-М. Слотер⁶ и др.

Среди российских исследований по глобальному управлению обращают на себя внимание следующие наработки: рассмотрение интеграции и «вовлечения»⁷ в качестве инструментов ГУ М. В. Стрежневой⁸, анализ ряда аспектов формирующейся концепции глобального управления О. Н. Барабановым⁹, применение синергетического подхода для анализа ГУ Д. М. Темниковым¹⁰, рассмотрение механизмов глобального управления С. А. Афонцевым¹¹, анализ проблем идеологии глобального управления Ф. Г. Войтоловским¹², прогноз развития ГУ в издании под ред. А. А. Дынкина¹³, рассмотрение глобального управления через понимание развития мировой политической системы, предложение принципов, на которых может выстраиваться ГУ, представление Болонского процесса в качестве сферы приложения концепции глобального управления М. М. Лебедевой, М. В. Харкевичем и П. И. Касаткиным¹⁴. Помимо этого, с 2006 г. издается журнал «Вестник международных организаций», в котором рассматриваются, в том числе, проблемы глобального управления¹⁵.

Также предлагаются направления для дальнейших исследований ГУ. Среди них — разработка научного определения глобального управления, анализ возможных вариантов развития ГУ, обоснование практической значимости изучения глобального управления (Н. С. Швейкина), разработка новых принципов ГУ (М. М. Лебедева, М. В. Харкевич, П. И. Касаткин), применение семиотических подходов к анализу глобального управления (О. Н. Барабанов)¹⁶.

Данная статья представляет собой предложение еще одного направления для исследования ГУ — рассмотрение концепции «ответственность по защите» в качестве формирующегося механизма глобального управления.

На заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН в 1999 и 2000 гг. Генеральный секретарь ООН К. Аннан призывал международное сообщество найти — в условиях неприемлемости «гуманитарной интервенции» — способ защиты мирного населения от насилия.

В ответ на этот призыв под эгидой правительства Канады была создана Международная комиссия по вопросам вмешательства и государственного суверенитета. Комиссия, в составе которой был, в том числе, представитель от России, в декабре 2001 г. опубликовала доклад «Ответственность по защите»¹⁷ (responsibility to protect).

Целью Доклада стал поиск решения для достижения «глобального политического консенсуса» в отношении международного вмешательства во внутренние дела государства с целью защиты его населения от насилия.

Пытаясь снять противоречие между принципом государственного суверенитета и *правом* на международное вмешательство, Комиссия сделала смысловой акцент на *ответственности* по защите.

В соответствии с Докладом, основную ответственность по защите своего населения несут сами государства. В случае невыполнения каким-либо государством его обязательств, в силу вступает принцип ответственности по защите, то есть ответственность по защите населения данного государства переходит к международному сообществу. Последнее, для реализации принятых на себя обязательств, должно использовать, прежде всего, все мирные средства; применение силы ограничивается необходимостью решения Совета Безопасности ООН.

В Докладе выделяются три компонента «ответственности по защите». Первый и основной из них — ответственность предотвращать (responsibility to prevent), второй — ответственность реагировать (responsibility to react), третий — ответственность восстанавливать (responsibility to rebuild).

Помимо этого, в Докладе приводятся критерии для военного вмешательства. Также привлекается внимание к проблемам легитимности, полномочий, эффективности и политической воли, которые еще предстоит решить.

В 2004 г. концепция «ответственность по защите» была одобрена в документе ООН — докладе «Более безопасный мир: наша общая ответственность»¹⁸ Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам: «Мы поддерживаем формирующуюся норму, предусматривающую, что существует коллективная международная ответственность за защиту, реализуемая Советом Безопасности, санкционирующим военное вмешательство в качестве крайнего средства в случае, когда речь идет о геноциде и других массовых убийствах, этнической чистке или серьезных нарушениях международного гуманитарного права, которые суверенные правительства не смогли или не пожелали предотвратить»¹⁹ (п. 203).

В 2005 г. идеи Концепции нашли отражение в декларации ООН — Итоговом документе Всемирного саммита 2005 года²⁰ в двух пунктах (138 и 139), содержание которых сводится к следующему:

- основную ответственность по защите своего населения несут сами государства;
- международное сообщество обязано оказывать им в этом поддержку, действуя через ООН и используя мирные средства;
- в случае невыполнения государством его обязательств по защите населения, вступает в действие концепция ответственности по защите, когда международное сообщество может предпринять коллективные действия через Совет Безопасности ООН, в случае необходимости — в сотрудничестве с соответствующими региональными организациями;
- Концепция может быть задействована в случае «геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности».

Концепция «ответственность по защите» вновь стала предметом широких обсуждений в связи с недавними событиями на Ближнем Востоке. В 2011 г. Бразилия представила свою концепцию «*ответственность при защите*»²¹, которую позиционирует как дополнение к «ответственности по защите». В своем проекте Бразилия настаивает на том, что:

- международное сообщество должно, прежде всего, исчерпать все мирные средства;
- применение силы должно осуществляться с санкции Совета Безопасности ООН;
- масштаб военных действий должен соответствовать мандату Совета Безопасности ООН;

- применение силы не должно наносить большего вреда, чем предполагается предотвратить;
- необходимо различать коллективную ответственность, которую можно полностью реализовать без принудительных мер, и коллективную безопасность, когда насилие или угроза насилия могут рассматриваться как угроза миру и безопасности.
- необходимо создать усиленные процедуры контроля СБ ООН над толкованием и исполнением резолюций;
- необходимо обеспечить подотчетность исполнителей.

Китай, рассматривая концепцию «ответственность по защите» как прикрытие для вмешательства во внутренние дела государств, предложил собственную версию «ответственная защита»²². КНР видит в этой инициативе возможность для своей страны принять участие в построении справедливого мирового порядка в XXI веке. Внимание предлагается сосредоточить на строгом определении:

- объекта. Им должны быть невинные люди, а не политические партии или вооруженные силы;
- легитимности исполнителей положений Концепции;
- способов защиты;
- целей защиты. Она должна смягчать гуманитарную катастрофу;
- условий применения Концепции.

Подчеркивается необходимость наделить ответственностью международное сообщество за последствия применения силы.

Позиция России традиционно основывается на строгом соблюдении положений международного права. Российская Федерация подчеркивает, что военное вмешательство должно носить исключительный характер, оно возможно только в случае, когда были исчерпаны все невоенные средства, и только по решению Совета Безопасности ООН.

Обращает на себя внимание соответствие принципов глобального управления²³ положениям концепции «ответственность по защите».

1. Представительность

Представительность подразумевает участие в глобальном управлении не только признанных стран-лидеров, но также и «динамично развивающихся» государств²⁴. В состав Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета, которая разработала концепцию «ответственность по защите», вошли как развитые, так и развивающиеся страны.

Принимая во внимание рост влияния гражданского общества (ГО) в современном мире, глобальное управление предполагает учет его интересов²⁵. В Докладе Международной Комиссии, помимо точек зрения правительств и межправительственных организаций, были также учтены и интересы представителей гражданского общества.

Помимо этого, в Докладе обращается внимание на необходимость максимального сотрудничества с гуманитарными организациями во время реализации Концепции, что также подтверждает соответствие концепции «ответственность по защите» принципу представительности.

2. *Легитимность* — одна из ключевых проблем глобального управления²⁶. Легитимность концепции «ответственность по защите» связана с ООН. Учитывая одобрение Концепции на Всемирном саммите ООН в 2005 г. всеми членами Организации, Концепция претендует на легитимность, и тем самым содержит в себе потенциал для разрешения одной из важнейших проблем глобального управления.

Одним из базовых принципов Концепции «ответственность по защите» является следование ст. 24 Устава ООН, в которой за Советом Безопасности ООН закреплена главная «ответственность за поддержание международного мира и безопасности»²⁷. Это означает, что на уровне реализации Концепции полномочиями принимать решение о применении военной силы в — каждом конкретном случае — обладает СБ ООН, что также делает Концепцию легитимной.

3. *Подотчетность*

Среди основных вопросов подотчетности в глобальном управлении кто кому подотчетен, и каким образом подотчетность должна осуществляться. В своем проекте, представленном в развитие Концепции «ответственность по защите», Бразилия настаивает на обеспечении подотчетности исполнителей положений Концепции. Китай, в своей версии Концепции, обращает внимание на обязанность международного сообщества нести ответственность за последствия применения силы, что также подразумевает подотчетность. Вопрос подотчетности еще предстоит проработать. Исходя из положений Концепции, логичным представляется наделить полномочиями проверять правильность исполнения положений Концепции Совет Безопасности ООН.

4. *Общественное благо*

Результатам глобального управления является появление глобального общественного блага²⁸. Концепция «ответственность по защите» в качестве механизма ГУ обеспечит достижение мира и безопасности.

5. Убеждение

Как утверждает Р. Кохейн, чтобы управление в «частично глобализованном мире», в котором мы живем, было приемлемым, оно должно основываться на убеждении, а «не на принуждении, манипулировании или материальных санкциях»²⁹. Одобрение Концепции всеми членами ООН и гражданским обществом свидетельствует об убежденности международного сообщества в необходимости такой Концепции.

Учитывая соответствие принципов глобального управления положениям концепции «ответственность по защите», имеются основания утверждать, что данная Концепция, находящаяся в процессе становления, может рассматриваться в качестве формирующегося механизма глобального управления³⁰ и стать одним из направлений исследований по глобальному управлению.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Президента № МК-3612.2014.6

² Швейкина Н. С. Глобальное управление как предмет политологического исследования: концептуальные характеристики / Н. С. Швейкина / Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ. В 10 т. / под ред. А. Ю. Мельвиля; РАМИ. — М.: МГИМО (У), 2007. — Т. 9: Перспективы надгосударственного управления в глобальном и региональном масштабе / под ред. О. Н. Барабанова. — С. 24–29.

³ Rosenau J. Governance in the Twenty-First Century / J. Rosenau // Global Governance. — 1995. — No 1. P. 13–43; Rosenau J. The Governance of Fragementation: Neither a World Republic nor a Global Interstate System A paper prepared for presentation at the congress of the International Political Science Association. Quebec City. — 2000. — Aug. 1–5.

⁴ Keohane R. Governance in a Partially Globalized World / R. Keohane APSA. — 2001. — Vol. 95 — No. 1.

⁵ Hale T. The Handbook of Transnational Governance: Institutions and Innovations / T. Hale, D. Held. Polity Press. — 2011.

⁶ Slaughter A.-M. A New World Order / A.-M. Slaughter / Princeton University Press — 2004. 368 p.

⁷ Под вовлечением автор понимает расширение круга субъектов и объектов транснационального управления.

⁸ Стрежнева М. В. Интеграция и вовлечение как инструменты глобального управления / М. В. Стрежнева // Международные процессы. — 2005. — Т. 3. № 1(7). Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/seventh/002.htm>.

⁹ Барабанов О. Н. Глобальное управление / О. Н. Барабанов, В. А. Голицын, В. В. Терещенко. МГИМО. — 2006. С. 16–82.

- ¹⁰ Темников Д. М. *Лидерство и самоорганизация в мировой системе* / Д. М. Темников. — М.: Аспект Пресс, 2011. — 173 с.
- ¹¹ Афонцев С. А. Будущее глобального управления [Электронный ресурс] // РСМД. — 13.10.2013. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2517.
- ¹² Войтоловский Ф. Г. Идеология «глобального управления»: от утопий к практике / Ф. Г. Войтоловский // *Международная жизнь*. — 2011. — № 9. — С. 70–94.
- ¹³ Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / под ред. акад. А. А. Дынкина / ИМЭМО РАН. — М.: Магистр, 2011. — С. 71–96.
- ¹⁴ Лебедева М. М. *Глобальное управление* / М. Лебедева, М. Харкевич, П. Касаткин. — МГИМО (У), 2013. — 220 с.
- ¹⁵ Журнал издается Институтом международных организаций и международного сотрудничества НИУ ВШЭ. Режим доступа: <http://ioj.hse.ru>.
- ¹⁶ Барабанов О. Н. Семиотика в исследованиях глобального управления О. Н. Барабанов // *Международные процессы*. — 2013. — Т. 11 № 1 (32).
- ¹⁷ Responsibility to Protect Report. — 2001. Mode of access : <http://responsibilitytoprotect.org/ICISS%20Report.pdf>.
- ¹⁸ Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам «Более безопасный мир: наша общая ответственность». — 2004. Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/59/565>.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Итоговый документ Всемирного саммита. — 2005 г. Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/60/1>.
- ²¹ Letter from the Permanent Representative of Brazil to the United Nations addressed to the Secretary-General “Responsibility while protecting: elements for the development and promotion of a concept”. Mode of access: www.un.int/brazil/speech/Concept-Paper-%20RwP.pdf.
- ²² Zongze R. Responsible Protection: Building a Safer World. Mode of access: www.ciis.org.cn/english/2012-06/15/content_5090912.htm.
- ²³ См., напр., Keohane R. Governance in a Partially Globalized World. Presidential Address, APSA, 2000/ R. Keohane // *American Political Science Review*. — 2001. — Vol.95, No. 1; Hale T. *The Handbook of Transnational Governance: Institutions and Innovations* / T.Hale, D.Held. Polity Press. — 2011.
- ²⁴ См., напр., Hale T. *The Handbook of Transnational Governance: Institutions and Innovations* / T.Hale, D.Held. Polity Press. — 2011. P. 25–26.
- ²⁵ См., напр., Woodward B. K. / *Global Civil Society in International Lawmaking and Global Governance: Theory and Practice*. Martinus Nijhoff Publishers. — 2010.
- ²⁶ Лебедева М. М. *Глобальное управление* / М. Лебедева, М. Харкевич, П. Касаткин. — МГИМО, 2013. — С. 67–68.

²⁷ Устав ООН.

²⁸ См., напр., Афонцев С.А. Будущее глобального управления [Электронный ресурс] // РСМД. — 13.10.2013. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2517; Лебедева М.М. Глобальное управление / М. Лебедева, М. Харкевич, П. Касаткин. — МГИМО, 2013. — С. 16.

²⁹ Keohane R. Governance in a Partially Globalized World. Presidential Address, APSA, 2000/ R. Keohane // American Political Science Review. — 2001. — Vol.95, No. 1. — P. 2.

³⁰ Данный механизм мог бы дополнить существующие механизмы глобального управления в сфере безопасности.

Л. Р. Рустамова

ФАКТОР «МЯГКОЙ СИЛЫ» В ГЛОБАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНИИ

Процессы глобализации и информатизации повысили взаимозависимость стран и необходимость сотрудничества как единственного средства решения глобальных проблем человечества. Одновременно глобализация и информатизация фактически стерли национальные границы государств, поскольку сделали возможным распространение и доведение информации до граждан практически всех слоев общества во всех уголках мира. В этих условиях, на первый план в глобальном управлении вышла политика проведения так называемой «мягкой силы», опирающейся исключительно на ресурсы несилового воздействия как на граждан других государств, так и своих собственных.

«Мягкая сила» предполагает через формирование культурной, экономической, институциональной привлекательности воздействовать на других акторов так, чтобы они воспринимали государство «мягкой силы» как эталон, следовали ее примеру, стремились к сотрудничеству, и, таким образом, принимали те действия, которые выгодны государству, применяющему инструменты «мягкого» воздействия.

Сегодня государством с самым положительным образом считается ФРГ. По результатам многих социологических опросов, оказалось, что Германию воспринимают в мире как мирное, развитое, высокотехнологичное, культурное государство, к мнению которого стоит прислушиваться. Между тем, не так много времени прошло с тех пор, как Германия проиграла во Второй мировой войне и в Уставе ООН за ней был закреплён статус вражеского государства.

Германия, успешно используя инструменты «мягкой силы» сделала так, что в настоящий момент об этом пункте Устава мало, кто станет вспоминать. Напротив, Германия сегодня играет одну из ведущих ролей в Европейском союзе, является одним из важнейших партнеров США в Североатлантическом альянсе, ее голос имеет вес в крупнейших международных межправительственных организациях, и она

приводит веские доводы для того, чтобы получить место постоянного члена Совета Безопасности ООН. Первоочередной задачей внешнеполитической стратегии ФРГ становится участие в глобальном управлении не просто наравне с остальными участниками мировой политики, а наравне с самыми сильными игроками. Участие в глобальном управлении предполагает участие в мировых политических процессах, происходящих практически во всех регионах мира. ФРГ, стремясь взять на себя большую ответственность в международных делах, распространяет свое влияние, используя инструменты «мягкой силы», прежде всего, в соседнем постсоветском регионе, как области особых для нее интересов. Во время разворачивания текущего конфликта на Украине, Ангела Меркель взяла на себя роль посредника в переговорах между Москвой и Западными странами. Почему именно регион постсоветского пространства можно считать для Германии приоритетным направлением усиления своего влияния и какие инструменты она для этого использует?

Основным государством на постсоветском пространстве, на которое Германия стремится распространить свое «мягкое» влияние, является, без сомнения, Россия. Помимо бесперебойных поставок газа и продолжения экономического сотрудничества, ФРГ важно изменить сознание ее граждан и политической элиты в сторону принятия демократических ценностей Европы, культуры самой Германии и ее политики для того чтобы наконец произошел отход от памяти времен Второй мировой войны и восприятия самой Германии как страны, ставшей причиной многих бед для населения России, находящихся свое отражение и на современном этапе ее развития. Именно Россия как страна наиболее пострадавшая от Второй мировой войны служит источником напоминания негативного прошлого Германии.

Вследствие этапа близкого взаимодействия двух народов, ставшего возможным благодаря периоду послевоенной советской оккупации части Германии и возникновения ГДР, у Германии накопилось множество рычагов, через которые сегодня Германия может осуществлять мягкую силу в России. Распространение языка как универсального средства формирования особого мировоззрения, один из самых важных элементов политики «мягкой силы», имеет для Германии огромный потенциал использования. Немецкий язык преподавался в советское время практически во всех образовательных учреждениях всех ступеней по всей территории Союза. Ключевая организация, занимающаяся сейчас

продвижением немецкого языка и культуры за рубежом — Институт имени Гете. Он был открыт в Москве одним из первых, сейчас филиалы Института им. Гёте работают еще в двух крупных российских городах: Санкт-Петербурге и Новосибирске. Россия — единственная страна мира, в которой Культурный центр имени Гете представлен столь широко¹. В 2009 году Ангела Меркель посетила главный офис Института им. Гете в Мюнхене, отметила его вклад в развитие межкультурной коммуникации народов и сделала ряд заявлений, свидетельствовавших о том, что в зарубежную культурно-образовательную политику вкладывается значительно больший смысл, нежели просто стремление к расширению межкультурного диалога. По ее словам, «посредством культуры Германия может продвигать в мире свои ценностные представления о демократии, гражданском обществе и правах человека».

Образование как ресурс «мягкой силы» играет большую роль в формировании положительного образа страны на международной арене, поскольку позволяет влиять на формирование мировоззренческих ценностей и взглядов у молодых людей, приезжающих учиться из-за рубежа. Изучая язык и приобщаясь к новой культуре, они часто затем становятся проводниками этой культуры и сторонниками политического курса страны, где они получили образование. Германская служба академических обменов — структура, через которую ежегодно тысячи российских студентов получают стипендии на обучение в Германии по европейским стандартам.

В области предоставления различных грантов на обучение и проведение научных исследований наиболее интересна деятельность зарубежных фондов ФРГ в России. Фонды пришли сразу после начала процесса развала Советского Союза и их основной целью, прописанной в уставах, можно считать экспорт немецкой политической культуры. Через различные мероприятия, направленные на развитие политического диалога, проходящие в форме конгрессов, конференций, семинаров, круглых столов, дискуссионных раундов, фонды призваны «предоставлять гражданам возможности развить свои знания и деловые качества, дабы ориентировать их на поиск альтернатив общественного развития»². Фонды активно участвуют в формировании научной повестки дня и разработке политических концепций, имеющих определенную идеологическую подоплеку. Например, именно немецкие фонды в России ввели в политический дискурс понятие «Южный Кавказ», как обособленный географический регион, в котором интересы

России имеют ограничения. То же самое можно сказать и в отношении концепций развития российского Калининграда. Попытка введения концепции о большей близости Калининграда Европе, а не России, концепции польско-российско-германского сотрудничества в рамках «Калининградского треугольника» как несущей конструкции Средней Европы, свидетельствуют о стремлении пересмотреть восприятие Калининграда как зоны исключительно российской ответственности.

Тем не менее, Российская Федерация продолжает проводить внешнюю политику, отличающуюся самостоятельностью, независимостью и приверженностью собственным национальным интересам, результаты которой не соответствуют ожиданиям Германии и остальных членов ЕС, вызывает некую долю разочарования в малой эффективности воздействия своей «привлекательностью» на изменение политической ситуации в России. Тем не менее, не смотря на то, что возможность изменения российского общества посредством «мягкой силы» ставится теперь под вопрос, и в отношениях лидеров Германии и России наступил этап «охлаждения», деятельность немецких неправительственных организаций не прекращается, однако их вектор перенаправлен и на усиление неправительственных контактов с остальными странами постсоветского пространства, с помощью которых можно было бы затем оказать давление и на Россию.

В советское время установить отношения с советскими республиками один на один было практически невозможно. Теперь государства обладали полным суверенитетом, но проблема их связи с Москвой осталась. Одной из стран, отличающейся открытой «пророссийской» политикой, остается Белоруссия. После обретения суверенитета, Германия организовала свое присутствие в этой стране. Однако в ходе президентских выборов 2004 года к власти пришел Александр Лукашенко, наметивший курс на политическую и экономическую интеграцию с Россией. С тех пор как им были инициированы поправки в конституцию в результате референдума ограничения на количество президентских сроков, А. Лукашенко стал несменяемым лидером Белоруссии, и возможности влияния на политический и экономический курсы страны резко уменьшились. Германия и ЕС стали критиковать Белоруссию за несоблюдения принципов правового государства, демократической формы правления и нарушения прав человека. В то время как Совет Европейского Союза ограничил политические отношения с Беларусью, Германия усилила свое присутствие в Белоруссии

по неправительственным каналам. Немецкие образовательные, культурные и политические фонды продолжили диалог с белорусским обществом, предоставляя, так же как и в России, широкие возможности для обучения в ЕС в соответствии с европейскими образовательными стандартами.

Летом 2010 г. вследствие критики режима Лукашенко российскими властями последовал период охлаждения отношений между двумя странами. В это время Германия совместно с Польшей попытались наладить отношения с Беларусью. В ноябре 2010 г. состоялся визит Федерального министра иностранных дел Вестервелле (совместно с его польским коллегой Сикорским) в Минск, который ни к чему впоследствии не привел, поскольку в ходе выборов президента были допущены серьезные нарушения, и жесткие действия полиции в отношении демонстрантов.

Ввиду того, что Германия заметила серьезное усиление независимой политики России, а также отсутствием прогресса в развитии демократического общества в Белоруссии, Германия попыталась активизировать отношения с Молдовой и Украиной.

В отношении Молдовы Германия не ограничивается своими традиционными инструментами мягкой политики: образовательными программами, культурами и политическими фондами, поскольку первоочередной задачей в этой стране является решение внутренних противоречий. На территории Молдовы до сих пор остается замороженным конфликт интересов центральных властей, стремящихся к интеграции с Западом и ее части — Приднестровья, стремящейся войти в состав России. Миротворческий контингент России, расположенный на территории Молдовы, является гарантом безопасности и предотвращения столкновений между противоборствующими сторонами. «Восточная политика» ФРГ в Молдавии исходит на сегодняшний день из понимания, что Россия — не является ключом к решению конфликтов на постсоветском пространстве. После провала попытки Германии предложить России урегулирование конфликта в рамках Мезебергского меморандума³ в июне 2010, предусматривающего сотрудничество ЕС и России в урегулировании замороженных конфликтов, поскольку стороны так и не выполнили декларируемые обязательства, основной задачей «восточной политики» ФРГ в Молдавии является убрать миротворческие силы России с территории Молдовы и включить ее в экономические связи с ЕС даже без Приднестровья.

Молдове было предложено подписать соглашения об ассоциации и зоне свободной торговли с ЕС, Россия как предупреждение ввела в отношении Молдовы экономические санкции о запрете на покупку молдавских вин перед саммитом ЕС в Вильнюсе. Не смотря ни на что, Республика Молдова парафировала Соглашение об ассоциации с ЕС. В свою очередь европейские чиновники назвали Молдавию «историей успеха Восточного партнерства»⁴. Тем не менее, вопросы торговли не являются для Германии первоочередными ни в выстраивании отношений с Молдовой, ни во внешнеполитической стратегии этой страны в целом. Более важным моментом является исключение потенциала конфликтов на территориях, близких ФРГ, поскольку нестабильные экономические и политические условия в них угрожают порядку и безопасности внутри Европы.

Однако Германия не учитывает тот факт, что отказ от учета интересов всех заинтересованных сторон и приведет к развязыванию конфликтов внутри Европы, что самым непосредственным образом может навредить ее интересам. Текущий конфликт на Украине является тому доказательством.

После прихода к власти В. Ющенко Украина сама заявила о желании сблизиться с Европой в надежде на использование всех благ ЕС в сфере свободного перемещения населения, товаров и услуг, высокого уровня зарплат и условий жизни. Германии, привлекательной для украинцев уровнем благосостояния ее граждан и политического развития, не нужно было затрачивать много усилий на то, чтобы сделать политику «восточного партнерства» привлекательной на Украине. Украине, так же как и Молдове, было предложено подписать соглашение об ассоциации с ЕС на саммите в Вильнюсе, но президент В. Янукович не решился подписать заведомо невыгодное для Украины соглашение, поскольку договор предполагает существенные ограничения для вывоза украинской продукции, что впоследствии привело к разделению страны. Дело в том, что Украина, как и все остальные бывшие республики ЕС, за исключением прибалтийских стран, не считается частью Европы и недостаточно развита для них в экономическом и политическом плане, чтобы быть принятой на равных условиях. Кроме того, ее появление в Сообществе повлекло бы за собой дальнейшее размывание первоначального исторического ядра ЕС.

Стремление оппозиции к принятию соглашения об ассоциации привело сначала к свержению действующей власти, а затем разделению

украинского общества на два противоборствующих лагеря, поскольку ни Германия, ни остальные страны-члены ЕС не посчитали необходимым учет интересов России в этом регионе при подписании соглашений. В настоящий момент Украина может стать еще одним очагом неразрешимого сложного межэтнического конфликта на европейском континенте.

Германия, представившая себя в роли посредника между Россией и Западными странами в решении Украинского кризиса, не выглядит нейтральной стороной, ее активные контакты с самопровозглашенным правительством Украины свидетельствовали об одностороннем подходе к разрешению кризиса. Более того, зазвучавшие во время активного разворачивания конфликта на Украине предложения ряда немецких политологов и политических деятелей о том, что для немецкой армии настало время взять на себя большую ответственность, а именно: предложение о введении всеобщей воинской повинности⁵ и строительстве европейской армии, в которой немецкий бунесвер, вероятно, должен занять одну из лидирующих позиций⁶, позволяет предположить, что в Германии существует идея в долгосрочном будущем перейти от использования помимо «мягких», и «жесткие» ресурсы воздействия, для того чтобы занять качественно новое положение в глобальном управлении. На данном этапе, Германия пытается поддержать диалог с Россией в рамках налаженных площадок обмена мнениями из арсенала своей «мягкой силы», но они не могут разрешить принципиальных противоречий в интересах России, Запада и Украины. Одним из возможных последствий этих противоречий для самой Германии может стать недостаток энергетических источников для своей промышленности.

Энергетическая зависимость ФРГ и остальных европейских стран от России — вызывает беспокойство, и стремление диверсифицировать поставки газа стало одной из внешнеполитических задач. Тем не менее, другие возможные поставщики энергоресурсов также в той или иной степени связаны сотрудничеством с Россией. Одним из регионов, с которым ФРГ стремится сейчас наладить активный диалог, стал регион Центральной Азии. Среди стран этого региона одной из самых интересных в стратегическом плане является Казахстан, занимающий 5-е место по объемам поставок нефти в Германию.

Германская сторона приложила усилия по налаживанию интенсивного политического диалога с Казахстаном еще до распада Союза и объявления о независимости Казахстана. В октябре 1991 г. Казахстан

посетил Федеральный министр иностранных дел Г.Д. Геншер. После объявления независимости Казахстана в феврале 1992 г. правительственная делегация ФРГ во главе с Федеральным министром экономики Ю. Меллеманом приехала в Казахстан с официальным визитом, результатом которого стало подписание договоренности о создании Казахстанско-германского кооперационного совета. Казахстан выделялся среди других стран региона в первую очередь тем, что там также есть для Германии определённый ресурс влияния, за который можно закрепиться. В 1989 году в Казахстане проживало около миллиона немцев, что составляло почти 6% населения страны. Именно через казахских немцев Германия стала расширять свое участие в Казахстане, открывая множество немецких неправительственных организаций, финансируемых непосредственно правительством ФРГ и работающих в тесной координации с МИД Германии.

Германские организации занимают в Казахстане первое место среди всех иностранных неправительственных организаций по участию в развитии культуры и образования, и Германия стремится удерживать свои позиции, выступая в роли организатора взаимоотношений Казахстана с Европейским Союзом, и становится, таким образом, ответственной за проведение общей внешней политики ЕС в регионе. Именно Германия является автором ключевых региональных инициатив. В мае 2001 г. МИД ФРГ представил т. н. Меморандум Шмиллена, ставшей первой попыткой выработки концепции общей внешней политики ЕС в Центральной Азии. В 2007 г. по инициативе Германии Европейским Союзом была принята «Стратегия Европейского Союза в Центральной Азии»⁷, призванная содействовать дальнейшему развитию всего комплекса взаимоотношений между двумя регионами. Германия подключилась и к реализации Государственной программы Казахстана «Путь в Европу» на 2009–2011 гг., целью которой был обозначен выход Республики Казахстан на уровень стратегического партнерства с ведущими европейскими странами⁸. Все указанные документы в лучших традициях мягкого воздействия декларируют в качестве основных целей ЕС в Казахстане и в ЦА регионе в целом сотрудничество на основе общепринятых принципов и ценностей, таких как демократия, верховенство закона и права человека. Тем не менее, следует признать, что ФРГ не добилась существенных практических результатов в Центральной Азии, используя инструменты «мягкой силы», поскольку пока не удается использовать Казахстан

в диверсификации энергоресурсов, нет существенного прорыва и в других областях взаимодействия двух стран и ЕС в целом. Гораздо сильнее в регионе Центральной Азии осуществляется присутствие других крупных игроков мировой политики: Китая, России и США. Если Россия и США могут считаться достаточно привычными заинтересованными в регионе лицами, то Китай стал стремиться к установлению более близкой кооперации со странами региона относительно недавно, однако цели Китая сходны целям Германии: доступ природным и сырьевым ресурсам.

Таким образом, возможности Германии возглавить процессы глобального управления в мировой политической системе существенно ограничены, главным образом, потому что в них уже присутствует или расширяется влияние других государств, с которыми она соревноваться не в состоянии. Так, в Латинской Америке проявляется достаточно сильное присутствие США, Азия находится под сильным влиянием Китая, а Африка еще остается регионом с неразвитой инфраструктурой и обществом. Даже регион постсоветского пространства, с которой у Германии существует давняя история взаимоотношений, имеет свои ограничения использования инструментов «мягкой силы» и распространения своего влияния. Не смотря на все положительные моменты применения «мягкой силы» и ее эффективности в формировании своего положительного образа и утверждения своего мнения на международной арене, она не может в краткосрочной перспективе дать инструменты управления. Необходимы практические шаги, делающие сотрудничество взаимовыгодным (в чем, собственно, и кроется сама причина его установления), простая декларация своих намерений и осуществление идеологического воздействия пока не может убедить страны поступаться своими собственными стратегическими интересами.

¹ Институт имени Гёте получил поддержку Ангелы Меркель [Электронный ресурс]// Сайт DeutscheWelle. — Режим доступа: <http://dw.de/p/FEZm>

² Wittich E. Politische Bildung der Rosa-Luxemburg-Stiftung [Elektronische Ressource] // Die Seite von der Rosa-Luxemburg-Stiftung. — Zugriffsmodus: <http://www.rosaluxemburgstiftung.de/schwerpunkte/polbildung.htm>

³ Memorandum (Meeting of Chancellor Angela Merkel and President Dmitry Medvedev on 4–5 June in Meseberg). — Mode of access: www.russianmission.eu/sites/default/files/user/files/2010-06-05-meseberg-memorandum.pdf

- ⁴ Молдавия вышла на путь к ЕС, с которого не свернуть [Электронный ресурс]// Сайт ИноСМИ. — Режимдоступа:<http://www.inosmi.ru/sngbaltia/20131129/215236420.html>
- ⁵ Wolffsohn M. Russlands Vorgehen zeigt zurück zur Wehrpflicht![Elektronische Ressource] // Die Welt. — Zugriffsmodus: <http://www.welt.de/debatte/kommentare/article125852641/Russlands-Vorgehen-zeigt-zurueck-zur-Wehrpflicht.html>
- ⁶ Eder F., Schilz C. Juncker fordert Aufbau einer europäischen Armee [Elektronische Ressource] // Die Welt. — Zugriffsmodus: <http://www.welt.de/politik/ausland/article126079008/Juncker-fordert-Aufbau-einer-europaeischen-Armee.html>
- ⁷ The EU and Central Asia: Strategy for a New Partnership. — Brussels: PRC, 2007. — 20 p.
- ⁸ Государственная программа «Путь в Европу» на 2009–2011 годы [Электронный ресурс] // Сайт МИД Казахстана. — Режим доступа: http://mfa.gov.kz/ru/#!/informatsiya_o_kazahstane/gosudarstvennaya_programma_put_v_evropu_na_2009-2011_godyi/

ТРЕХМЕРНЫЙ ЭФФЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ МАТРИЦЫ ИНТЕГРАЦИИ

Преобладание политико-экономических мотивов в зарубежно-европейской интеграции предопределило фокус теоретических наработок, который в целом сохраняется даже после выхода интеграционных исследований за пределы европейского опыта и признания за процессами преференциального сближения в других регионах интеграционного статуса при наличии в них исторически, культурно и социально-политически обусловленной региональной специфики¹. Сложившаяся ситуация характеризуется некой односторонностью, так как в тени теоретико-методологического фокуса остаются такие важные для понимания всей комплексности и многомерности интеграции процессы, как взаимодействия в социально-гуманитарной области.

Если рассматривать ставшие уже классическими труды по теории интеграции, то еще в 1943 г. в книге «Действующая система мира» Д. Митрани затрагивал данный аспект, отмечая, что социальная взаимозависимость приобрела всепроникающий и всеохватывающий характер. Поэтому элементы функциональной системы могут действовать вне контекста общей политической власти, тогда как сущность последней выхолащивается без активных социальных функций. Как общество развивается в условиях деятельности индивидов, его составляющих, так и политические соглашения постепенно теряют жизнеспособность при экономической конкуренции, в то время как экономическое объединение закладывает прочные основы для политических соглашений. Тем не менее, Митрани констатирует, что социальная деятельность жестко ограничена государством, а ее распространение за пределы границ происходит только в сковывающих рамках политических связей, чему следует положить конец, поскольку национальные проблемы будут решены только тогда, когда они будут рассматриваться как локальные составляющие общих проблем².

Более подробно социальная тематика была исследована в работе профессора Парижского университета Андре Маршала «Территориальная интеграция» (1965) и «Солидарная Европа». Автор исходит из концепции «солидарности», представляя интегрированное сообщество

как «солидарное пространство, солидарность которого ощущается и осознается всеми элементами этого целого». Данное пространство подразумевает наличие трех неразрывно связанных форм интеграции — экономическую, политическую и социальную — которые способствуют становлению солидарности. Становление экономической интеграции происходит благодаря развитию разнообразных и комплексных связей между экономическими субъектами государств-членов интегрированного сообщества: предпринимателей, производителей, банков, трейдеров, покупателей³. При этом подчеркивается, что экономическая интеграция с некоторыми оговорками может носить частный характер, то есть, не стимулироваться посредством координации национальных экономических политик или проведения общей политики⁴.

Социальная интеграция в отличие от экономической всегда требует вмешательства национальных государств и наднациональных органов, так как она имеет наиболее комплексный и сложный характер и на практике почти недостижима в полной мере⁵. То есть, социальная интеграция, скорее, представляет собой некий идеал, или трансцендентную цель, выражаясь языком И. Канта, так как даже отдельные государства не являются полностью социально интегрированными образованиями.

Фактически, социально-гуманитарная сфера является не менее значимой по сравнению с политико-экономической и даже военной областями, так как она образует плотную сеть отношений на микро-уровне, которая, постепенно переходя через национальный уровень на уровень международного общения, обеспечивает поддержку других сфер взаимодействия.

Для более детального понимания этого процесса автором данногоклада была разработана модель трехмерного эффекта социальной матрицы интеграции. В этом контексте, под термином социальная матрица интеграции подразумевается концептуальное допущение о том, что консолидация социально-гуманитарных отношений предполагает образование некоей страховочной сетки или даже базовой основы для развития интеграционных взаимодействий. Это связано с тем, что социально-гуманитарная сфера (в первую очередь, к ней относятся социальное обеспечение, образование⁶, здравоохранение и наука) затрагивает каждого гражданина в отдельности, и успешность имплементации интеграционных соглашений в ней стимулирует поддержку регионального сближения на микро-уровне. В качестве примера подобных интеграционных соглашений можно привести программы студенче-

ских обменов⁷, оказания бесплатной медицинской помощи в странах-партнерах, совместные научные и технические проекты. Установление межличностных контактов и формирование благоприятного имиджа государства-контрагента способствуют укреплению поддержки интеграционных инициатив на национальном уровне. Таким образом, в обществе формируется определенный запрос на развитие интеграционного сотрудничества, что подталкивает государства не только к заключению новых международных договоров в социально-гуманитарной сфере, но и к расширению сотрудничества на другие области. Иными словами, благоприятный формат взаимодействий в социальной сфере в значительной степени способствуют интеграции в сфере экономики, политики и, возможно, безопасности.

В таком контексте трехмерный эффект выражается в формировании процесса передачи интеграционного импульса по цепочке из трех взаимосвязанных звеньев: индивидуальный — национальный — международный уровни. При этом данный процесс носит не линейный, а, скорее, флуктуационный характер, так как имеют место как ускорение и замедление скорости его развития, так и периодические «откаты назад», связанные с трансформацией воздействия на него эндогенных и экзогенных переменных. Описываемый процесс является одновременно горизонтально и вертикально направленным, так как он эволюционирует не только по указанной схеме, но и вбирает в свою орбиту всё большее число функциональных сфер, образуя некие пересекающиеся плоскости интеграционных взаимодействий. То есть, на базе социальной поддержки интеграционного сближения складывается определенная матрица сотрудничества, характеризующаяся многомерностью и разносторонностью форматов и связей.

Предлагаемая геометрическая системная модель анализа интеграционных схем позволяет оттенить роль уровня отдельных индивидов и детально изучить её влияние на вектор дальнейшего развития преференциальных отношений между интегрирующимися государствами. При этом важно учитывать кибернетический и синергетический подходы в рамках информационной и энергетической парадигм, соответственно. С точки зрения первого, формируемый на микро-уровне импульс, воспринимаемый структурами и лицами, принимающими решения, в силу действия механизма обратной связи, трансформирует в ту или иную сторону восприятие обществом идущих процессов. Это подразумевает возможности корректировки интеграционных направлений или же их постепенное

затухание из-за снижения общественной поддержки в результате невыполнения первоначальных требований и несоответствия ожиданиям. Синергетический же подход предусматривает учет потенциала данной модели к самоорганизации, поскольку она априори является открытой, неравновесной и подверженной различного рода флуктуациям.

Таким образом, фокусирование внимания на подробном анализе социально-гуманитарной стороны интеграционного сотрудничества позволяет построить концептуальную модель трехмерного эффекта социальной матрицы интеграции. Её теоретическая и практическая ценность заключается в возможности мониторинга механизмов формирования и развития интеграционных импульсов, корреляционных отношений между ними и трансформации субъектно-объектных релятивных конструкций по мере эволюции интеграционного вектора от индивидуального до международного уровня. Можно предположить, что такой подход поможет более полно учитывать социальные требования и ожидания и в соответствии с ними подвергать корректировке текущий политический курс.

¹ Байков А. А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии / А. А. Байков ; отв. ред. А. Д. Богатуров. — М.: Аспект Пресс, 2012. — 256 с.

² Mitrany D. A Working Peace System [Electronic resource// El Instituto de Estudios de la Integración Europea. — Mode of access: [http://ieie.itam.mx/Alumnos2008/A%20Working%20Peace%20System%20\(Mitrany\).pdf](http://ieie.itam.mx/Alumnos2008/A%20Working%20Peace%20System%20(Mitrany).pdf).

³ Olteanu A., Radoi M. A. Connections Between Monetary Policies and Globalization [Electronic resource// Nicolae Titulescu University. — Mode of access: http://lexetscientia.univnt.ro/download/204_lesij_es_XV_2_2008_art_5.pdf

⁴ Современные буржуазные теории международных отношений. Критический анализ / Ин-т мировой экономики и междунар. отношений АН СССР. — М.: Наука, 1976. — 486 с.

⁵ Olteanu A., Radoi M. A. Connections Between Monetary Policies and Globalization [Electronic resource// Nicolae Titulescu University. — Mode of access: http://lexetscientia.univnt.ro/download/204_lesij_es_XV_2_2008_art_5.pdf — p. 83.

⁶ Stromquist N. P., Monkman K. Globalization and education: integration and contestation across cultures/ N. P. Stromquist. — U. S.: Rowman & Littlefield Publishers, Inc. — 2000. — 359 p.

⁷ Lebedeva M. M. Political Consequences of the Bologna Process / The Bologna Process on the Ground / Ed. by J. Laine a.o./ Ed. by J. Laine a.o. — Lund: Lunds Universitet, 2007. — P. 70–74.

ГОРОДА В ГЛОБАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ¹

В свете трансформаций глобального мира, города приобретают статус важных акторов мировой политики (МП) и глобального управления. Хотя государства и остаются ведущими акторами в политической системе мира, рост влияния отдельных городов актуализирует вопрос о том, какие формы носит их участие в глобальных политических взаимодействиях.

Современное возвышение городов, увеличение их значимости для мировой политики, во многом обязано урбанизации, которая стала одним из главных глобальных мегатрендов последних десятилетий. Сегодня урбанизации происходит в масштабах всей планеты: каждые пять дней в развивающихся странах один миллион человек переселяется в города². Массовое передвижение населения привело к тому, что уже с 2007 г. половина населения мира проживает в городах, чего прежде никогда не было.

Роль городов в современном мире

Столь значимые преобразования в глобальной урбосфере не могут не сказаться на глобальной политике. Можно предположить, что вслед за урбанизацией в глобальном масштабе произойдёт трансформации глобальной политики, экономики и культуры, которые будут схожи по своей природе с теми, что наблюдается в ходе урбанизации в отдельно взятых странах, где происходила секуляризация, ломка традиционного общества, появление новых социально-политических институтов.

Урбанизация мира приводит к тому, что огромные ресурсы концентрируются на небольшой территории городов, тем самым сжимая пространство и повышая интенсивность социальных и политических взаимодействий. Сверхконцентрация рабочей силы, интеллектуального и культурного капитала, финансов и информации на небольшой территории приводит к синергетическому эффекту, которому города обязаны взрывным увеличением своего экономического и политического потенциала.

Города, выполняющие функции командных точек глобальной экономики и мировой политики принято называть глобальными³. Со-

гласно исследованию McKinsey Institute, почти вся мировая экономика сосредоточена на территории 400 городов⁴. Связанность мира в единое целое обеспечивают города-аэрохабы. Чикаго, Лондон, Цюрих и Сингапур являются крупнейшими логистическими центрами, которые способствуют включению в глобальное взаимодействие регионов и стран, в которых они располагаются⁵.

Города обладают долгой историей участия в мировой политике: они являются одной из древнейших и наиболее устойчивых форм поселения людей, а значит и весьма старыми акторами мировой политики. В Древнем мире и средневековой Европе города и союзы городов являлись активными групповыми социальными субъектами и были вовлечены в решение важнейших вопросов мировой политики — вопросов объявления войны и заключения мира. Даже после подписания Вестфальского договора 1648 г., дипломатия ещё долго оставалась делом самых разных акторов, в том числе городов. И лишь после Венской мирной конференции 1815 г. основным субъектом дипломатии было признано государство. С точки зрения городов, государства-нации доминируют в мировой политике и дипломатии менее 200 лет.

Говорить о том, что города — это новые акторы МП, не совсем правомерно. Новыми они являются с точки зрения государствоцентрической (Вестфальской) системы МО, которая сегодня подвергается все нарастающему давлению и все больше размывается вследствие активизации транснациональных негосударственных акторов, о чем писали 40 лет назад Р. Кохэн и Дж. Най⁶.

Вместе с тем, городская проблематика стала включаться в исследование мировой политики лишь относительно недавно, в конце XX в. Почему? Это напрямую связано с трансформациями мира, с ослаблением форм централизованной социальной организации, которые были характерными признаками обществ модерна, а именно: государства-нации и национальных рынков. Сегодня национальный рынок и национальная идентичность, которые сплачивали государства, заменяются глобальной экономикой и космополитизмом, сочетающимися с расцветом локальной идентичности. Принцип государственного суверенитета все чаще подрывается самими государствами и негосударственными акторами, а на смену Реальной политике (Realpolitik), доминировавшей в эпоху Вестфальской системы, приходит мягкая сила — нематериальные аспекты власти и влияния, а именно: идентичность, убеждения, легитимность.

Усложнение социально-политической жизни, сочетающиеся с появлением новых глобальных вызовов и угроз приводит к тому, что к решению глобальных проблем подключаются все более широкий круг акторов и участников, взаимодействующих друг с другом в рамках *global governance* (глобальное управление, регулирование). Международные вопросы, с которыми сталкивается современное человечество на мировой арене и которые требуют решения на многоуровневой основе. В выработке их решений участвуют не только традиционные акторы мировой политики — государства, — но также институты глобального гражданского общества, коммерческие структуры и субнациональные единицы, в их числе и города.

Цель данной статьи подойти к проблеме участия городов в мировой политике через понимание их роли в глобальном управлении. Для этого необходимо понять, могут ли города быть самостоятельными акторами международных, мирполитических взаимодействий. Если могут, то каким образом они способны включаться в мирполитическое пространство взаимодействий, и какие из их свойств позволяют им это делать? Но прежде этого необходимо разобраться с природой города и его сущностными чертами и точнее определить характеристики города как актора глобальной политики.

Концептуализация «акторности» города

Задача концептуализации феномена акторности в МП и описания сущностных черт актора ставилась на методологической базе французской школы социологии действия, для которой характерно внимание к деятельности и активности человека, и понимание общества как результата деятельности людей. Подходы этой школы, изначально разработанные для микро- и мезоуровней, были перенастроены для анализа глобального уровня такими французскими учеными-международниками как М. Крозье, Т. Монбреаль, А. Турен⁷.

С точки зрения социологии действия, актер — это любой, кто способен играть роль внутри данной социальной системы. А. Турен считает отличительной чертой любого актора способность действовать и вносить изменения в среду. Кроме того, социальный актер может сказать о себе «я» и признаваем в качестве актора другими субъектами.

Социальным актором (а равно, и актором МП) можно считать некое социальное образование, которое своими действиями преобразовывает среду. Актер действует исходя из своих интересов, которые

осознаются им в ходе взаимодействия с другими акторами и по мере контактов со средой. Для реализации своих интересов он использует разнообразные методы, выстроенные в определенной последовательности — он действует, сообразуясь со стратегией⁸. Кроме того, важным качеством актора является его организационная целостность, которая в случае с социальными образованиями формируется и сохраняется благодаря идентичности индивидов, составляющих это социальное образование. Важнейшее условие деятельности — наличие ресурсов, которые бы позволяли актору быть автономными и самостоятельными в принятии решений

Приведенные признаки и характеристики не оставляют сомнения в том, что города могут являться акторами МП. Они стремятся изменить свою среду, в качестве которой для них высыпают не только регион и страна, но и глобальная политическая арена. Для этого города объединяются с другими городами, а особенно крупные и богатые, обладающие уникальным расположением, пытаются оказывать влияние на МП самостоятельно. Города признаются другими участниками МП, с которыми активно взаимодействуют в рамках глобального управления. Особенно заметна деятельность городов в сфере защиты природы, экономического развития, безопасности и культуры.

С одной стороны, любой город — это физическая территория. Как территория, местоположенность и локальность, он может быть изменен и использован другими субъектами политики. С другой стороны, город — это сообщество, проживающее на относительно небольшой территории, это пространство политических взаимодействий и борьбы за власть. Выступая в этой роли, город способен вступать в интеракции с другими социальными субъектами по поводу значимых для него вопросов. Город выступает как организатор социального пространства всего общества, который не только задает характеристики функционирования социальных институтов, но и оказывает влияние на поведение индивидов⁹. Другими словами, дуальная природа города позволяет ему быть и объектом, и субъектом по отношению к другим субъектам политики — в зависимости от обстоятельств.

Если за макроуровень считать пространство глобальных политических взаимодействий, а за микроуровень — взаимодействия между малыми социальными образованиями (малые группы), а также процессы, происходящие внутри них, то города в этой системе координат располагаются на мезоуровне политики. На этом же уровне располагаются

другие разнообразные коллективные субъекты политики: парламенты, группы интересов, корпорации, регионы и многие другие. Мезоуровень наиболее близко расположен к субъектам, действующим на микроуровне политики, но одновременно они достаточно велики, чтобы быть значимым элементом анализа не только в масштабах национального государства, но и мировой политики. Благодаря мезоуровню происходит подключение микроуровня к анализу глобальных процессов и наоборот. Эта особенность городов, а также тот факт, что городов много, и они разнообразны, делает их настоящим подарком для исследователей.

Когда речь идет о городе как об акторе политических взаимодействий, подразумевается его вторая ипостась — городского сообщества и социально-политической целостности. Единству города способствует городская идентичность, которая является важным ресурсом развития территории. Она способствует не только большей включенности жителей в решение местных проблем, но и объединению локальных политических акторов, складыванию консенсуса по поводу городской политической повестки дня, а также осознанию наличия объединяющих разные группы общегородских интересов и необходимости их отстаивания путем взаимодействия с другими политическими субъектами.

Характеристики города как актора мировой политики во многом зависят от качества политических взаимодействий внутри него, его внутренней политической среды, которая, как показывают исследования, в каждом городе уникальна¹⁰. Политическое пространство города часто менее идеологизированно и более конкретно — на уровне города происходит борьба не между политическими концепциями и идеологиями, а между различными группами интересов, отстаивающих тот или иной план действий по решению конкретных проблем. В городах основными действующими лицами являются городская администрация, бизнес и общество, которые могут создавать городские политические режимы и тем самым формировать политическое пространство города.

Для того чтобы город, объединяющий в своем пространстве множество акторов различной природы, в свою очередь обрел способность быть единым и проводить согласованную внешнюю (по отношению к среде, окружающей город) политику, необходима предварительная работа. Большую роль в превращении города в целостность играют го-

родские политические элиты, они часто выступают в роли консолидаторов разрозненного городского политического пространства и становятся общегородскими спикерами, представляющими интересы всего города во внешнем мире¹¹.

Возвышение городов и их претензия на активное включение в политические взаимодействия ставит вопрос о том, кого именно они представляют, чей интерес отстаивают и насколько правомочно их участие в мировой политике. Несомненно, города являются одними из тех акторов, которые «приватизируют» мировую политику¹²: они представляют интересы не столь широкого круга людей, как, например, государства. Однако по сравнению с такими участниками как ТНК, они выглядят более легитимными и демократичными, так как содержание «международной» повестки дня города определяется расстановкой сил в городской коалиции и является результатом интеракций между различными группами интересов, действующими на уровне города. Благодаря участию городов в мировой политике смягчается дефицит демократии на глобальном уровне, а государства получают ещё один канал для продвижения своих интересов.

Цель городов в глобальном управлении и МП могут быть весьма разными, однако, объединяет их то, что они носят непостоянный характер. Города обосновывают свое стремление участвовать в глобальном управлении необходимостью решения конкретных проблем и вопросов. Их участие носит черты проектов, а «внешняя политика» города состоит из активности в рамках нескольких направлений-проектов, например, в сфере экологии и культуры, в сфере экономики и безопасности.

Решающую роль в вопросе обретения городами определенной степени самостоятельности от других субъектов играет факт обладания ими ресурсами влияния на мировую политику. Большой частью своих ресурсов, города обязаны дисбалансу в пространственно-территориальной организации глобального мира: значительные производственные, образовательные, научные, финансовые структуры и ресурсы концентрируются на территории городов, расположенные в пределах небольшого числа стран развитого Севера. Это позволяет городам получать ренту с субъектов экономики и акторов глобальной политики, использующих города как инфраструктуру для своей деятельности и конвертировать эту ренту в определенную степень автономии по отношению к другим субъектам.

К значимым для мировой политики ресурсам, которыми обладают города, можно отнести: финансово-экономический — ресурсы некоторых глобальных городов сопоставимы с теми, что есть у среднеразвитых странам ЕС; организационный—города создают свои трансграничные организации, координирующие их деятельность; ресурс общественного мнения и поддержки — города тесно связаны с институтами гражданского общества, находятся под их влиянием, одновременно будучи способными оказывать встречное влияние; информационный — города отлично осведомлены о состоянии дел на местах, а также формах проявления глобальных проблем.

Важно иметь в виду, что города не являются акторами политики изначально, они могут становиться ими. Для этого необходимо сочетание внутренних и внешних факторов. Превращение города в актора — это всегда процесс, в котором присутствуют свои стадии и этапы, описание которых, однако, не входит в задачи данной работы. Двигательной силой этого процесса является желание отстаивать свои интересы во взаимодействии с другими субъектами МП. На роль жизненно важного интереса для городов в последнее все чаще претендует забота о решении глобальных проблем.

Две модели участия городов в глобальном управлении

Глобальная урбанизация порождает множество проблем. Как показывает многие недавние исследования Всемирного Банка¹³, тот факт, что глобальные инвесторы предпочитают города, приводит к появлению невиданного ранее неравенства. Аналитики, работающие в инвестиционных банках, говорят о том, что ключевым фактором в определении привлекательности той или иной страны является объем рабочей силы и степень урбанизированности её территории, а львиная доля получаемых инвестиций, достается одному-двум крупнейшим городам страны. Если раньше глобальное неравенство делило на бедных и богатых целые страны, то сегодня это разделение происходит внутри обществ. Поэтому, жители глобальных городов, расположенных на разных континентах, имеют больше общего друг с другом, нежели с жителями сельской местности своих стран.

К негативных эффектам совмещения глобализации и урбанизации следует помимо этого отнести ухудшение экологии, проблемы с городской инфраструктурой и пригодностью городов для жизни. Эти проблемы стоят особенно остро в развивающихся странах, где быстрая урбанизация приводит к образованию трущоб.

Со всеми этими проблемами города и их государства не в силах справиться самостоятельно, поскольку их причины лежат вне досягаемости и связаны с самой сущностью глобальных процессов. Для их решения необходима координация и кооперация в более глобальном масштабе и привлечение значительных ресурсов, которые отсутствуют как у бедных стран, так и у их городов. Кроме того, решение глобальных проблем так или иначе сводится к набору конкретных мероприятий, имплементируемых на конкретной территории — к локальным действиям. А города ближе всех других субъектов мировой политики соприкасаются с «локальным». Именно поэтому они все активнее вовлекаются в глобальное управление.

Существует две модели участия городов в глобальном управлении. Первая представляет собой вовлеченность городов в качестве объектов управления со стороны глобальных институтов и субъектов. Яркой иллюстрацией чего является роль проблематики городов и местного уровня власти в деятельности институтов ООН: города выполняют роль объекта, в отношении к которому структуры ООН проявляют управленческую деятельность.

Вторая модель — это участие городов в глобальных политических взаимодействиях в качестве самостоятельного субъекта или актора. Здесь ярким примером служит расцвет многочисленных транснациональных организаций городов, которые стремятся участвовать в решении проблем наравне с другими субъектами глобального управления: государствами, бизнесом, НКО и пр.

Города в системе ООН — объекты глобального управления

Города становятся объектом пристального внимания со стороны институтов ООН. Они стремятся вовлечь в решение глобальных проблем не только институты государств-членов, но и органы власти местного (в т. ч. городского) уровня.

В системе ООН ведущим учреждением, имеющим дело с местными органами самоуправления и городами, является, основанная в 1978 г. Программа Организации Объединенных Наций по населенным пунктам ООН (ООН-Хабитат). Она содействует устойчивому развитию населенных пунктов посредством разъяснительно-пропагандистской работы, выработки политики, наращивания потенциала, накопления знаний и укрепления партнерских связей между правительствами и гражданским обществом¹⁴.

ООН-Хабитат осуществляет две основные общемировые кампании — Глобальную кампанию в области управления городским хозяйством и Глобальную кампанию по обеспечению гарантий владения жильем¹⁵. Программы ООН-Хабитат также включают в себя: Программу обмена передовым опытом и методикой местного управления, Программу устойчивого развития городов, Проект в области водоснабжения городов в Африке, Программу борьбы со стихийными бедствиями.

В обязанности ООН-Хабитат среди прочего входит оказание помощи международному сообществу в достижении «Целей в области развития», поставленных в Декларации тысячелетия по целевому показателю улучшения условий жизни 100 млн жителей трущоб к 2020 г. ООН-Хабитат реализует на местном уровне мероприятия Повестки дня на XXI век, стимулируя совместные инициативы в отдельных городах среднего размера.

Вопросами взаимодействия с городами и шире, местным уровнем власти, ставят перед собой для решения своих задач и другие структуры ООН. Так, Всемирный Банк в 1991 г. создал программу по развитию муниципалитетов. Программа развития ООН (ПРООН) создала Всемирный Альянс городов против бедности (World Alliance of Cities Against Poverty) и запустила программу городского развития. ВОЗ сотрудничает с местными властями в рамках программы «Healthy Cities», а ЮНЭЙДС (UNAIDS) привлекает города к борьбе со СПИД/ВИЧ.

ЮНЕСКО создала Сеть креативных городов (Creative Cities Network), которая направлена на объединение усилий городов со всего мира по стабильному развитию городских территорий и поддержанию культурного многообразия в них. У этой сети два измерения: экономическое и социокультурное. ЮНИСЕФ обсуждает проблему безопасности детей на ежегодных встречах с мэрами в рамках инициативы «Mayors Defenders of Children», которая должна способствовать созданию в городах благоприятной среды для детей и детства.

Местный уровень власти и города с точки зрения вовлеченности в деятельность институтов ООН, являются полноценными участниками глобального управления. Но их участие ограничивается ролью объекта управления: они — объектами, по отношению к которым институты ООН проявляют активность. Многочисленные структуры ООН рассматривают местный уровень в качестве помощников, без которых не обойтись в решении глобальных проблем. Это приводит к тому, что города наиболее активно задействуются на этапе реализации уже принятых

решений, но не на этапе их разработки. Объектно-субъектный характер отношений между ООН и местными органами власти проявляется и в стилистике официальных документов, где о МСУ чаще всего говорится в пассивном залоге: местные органы власти «привлекаются», «вовлекаются», «подключаются» к чему-либо и прочее. Города и местные органы власти с этой точки зрения можно отнести к промежуточному типу активно-пассивных участников— *агентов глобального управления*.

Города как субъекты глобального управления

Город, будучи сложным социальным субъектом со своими интересами и целями, ресурсами и стратегиями, может проявлять себя и как активный участник мировой политики, как её актор, и быть субъектом глобального управления. Причем его активность бывает двух видов: город может самостоятельно налаживать отношения с другими участниками МО или же может стать частью глобальной организации городов. Главным инструментом, который города и транснациональные организации городов используют является дипломатия городов, понимаемая как совокупность институтов и процессов, с помощью которых города или местные органы власти взаимодействуют с другими акторами на сцене международных отношений с целью представления своих интересов.

Именно в последнее время к процессу решения глобальных вопросов подключилось большое число транснациональных организаций, членами которых являются города. Хотя история их существования насчитывает около ста лет, лишь с наступлением глобализации они получили возможность участвовать в глобальном управлении в качестве его субъектов. По форме такие организации представляют собой международные некоммерческие организации, финансируемые из нескольких источников, при этом в их названии часто содержатся такие слова, как: Союз, Ассоциация, Партнерство, Сеть и др.

Сегодня *транснациональные организации городов*, можно классифицировать по многим основаниям, остановимся на двух: по сфере действия и по цели деятельности. Соответственно выделяются международные организации городов универсальные и региональные, а также организации общей и специальной компетенции.

Универсальные организации общей компетенции. Крупнейшей организацией этого типа является United Cities and Local Governments (UCLG). Она образовалась в 2004 г. путем слияния старейшей организации Международный союз местных органов власти, который был

основан в 1913 г. в Генте, Бельгия и Всемирной федерацией городских союзов. Её штаб-квартира располагается в Барселоне.

UCLG ставит своими задачами «увеличение роли и влияния местных органов власти и представляющих их организаций на систему глобального управления; поддержку демократического, эффективного, инновационного самоуправления, а также поддержку организаций и движений, выступающих за демократию». Поддержка международных связей между городами и их ассоциациями осуществляется путём реализации совместных программ, построению партнерских связей и сетевого взаимодействия.

Членами UCLG являются отдельные города и национальные ассоциации городов и местного самоуправления (112 городов). Более тысячи городов из 95 стран напрямую участвуют в организации, вместе они представляют более половины от общей численности населения в мире.

Универсальные организации специальной компетенции: объединение крупнейших городов. Метрополис (the World Association of Major Metropolises) — это ассоциация 90 крупнейших городов мира. Целью ассоциации является улучшение контроля за процессом развития городских территорий, что должно привести к повышению благосостояния граждан.

Для этого Метрополис представляет регионы и мегаполисы на мировом уровне и признается в качестве основного игрока крупными международными организациями такими, как ООН, ВОЗ, Всемирный банк и другими. Членами Ассоциации являются города с населением более одного миллиона жителей, или столичные города с населением более 250 000 человек. Сегодня Ассоциация Метрополис является одним из подразделений UCLG.

Универсальные организации специальной компетенции: экология. Local Governments for Sustainability (ICLEI) была основана в 1990 г. Своей целью она ставит предупреждение и решение местных, региональных и глобальных экологических проблем посредством локальных действий. ICLEI является ассоциацией местных и районных органов власти из разных стран, которые взяли на себя обязательство придерживаться стратегии устойчивого развития.

Сегодня членами организации являются более 630 городов, районов (графств) и их ассоциаций. Ассоциация обеспечивает «технический консалтинг, обучение и информирование по вопросам устойчивого

развития на местном уровне. Организация полагает, что локальные действия и инициатива могут быть эффективным способом достижения целей устойчивого развития не только на локальном, но на национальном и глобальном уровнях»¹⁶.

Наиболее ярким примером сети городов, действующей в сфере экологии, сегодня является группа «С40» (Climate Leadership Group), изучением которой занимается Акуто¹⁷. Эта группа в составе 58 крупнейших городов мира поставила перед собой цель бороться с изменением климата, для чего предполагается оказывать влияние на государственные и межгосударственные структуры, на глобальное общественное мнение.

С40 ведет деятельность одновременно по двум направлениям. Прежде всего, это деятельность по реализации прикладных проектов в сфере экологии в городах-участниках. Для этого происходит постоянный обмен опытом специалистов в сфере городского планирования, землепользования, утилизации бытовых отходов, энергоэффективности и пр. Кроме того, что более интересно, С40 проявляет политическую активность на уровне отдельных государств и глобального управления в целом. На этом политическом направлении основными механизмами являются дипломатия городов и лоббизм. Активно лоббируются природоохранные инициативы в ООН, где у С40 есть официальное представительство, группа участвует во влиятельных международных экологических саммитах.

Универсальные организации специальной компетенции: миротворчество и безопасность. Города не довольствуются отводимой им ролью тех, кто на практике реализует принятые другими субъектами решения. Они стремятся к тому, чтобы самостоятельно оказывать влияние на глобальную безопасность, в том числе, и на ДНЯО. В 1982 г. мэры Хиросимы и Нагасаки основали Конференцию мэров за мир (Conference of Mayors for Peace). Сегодня в этой организации порядка 3,5 тыс городов-членов из 134 стран. Конференция ставит своей целью продвижение идеи отказа от ядерного оружия. Для этого предполагается налаживать сотрудничество между городами, утвердившими программу Конференции, организация планирует бороться с такими угрожающими миру проблемами как голод, бедность, несоблюдение прав человека.

Государства играли и продолжают играть главную роль в урегулировании возникающих конфликтов, однако, сегодня в эту сферу ак-

тивно проникают новые субъекты МО, среди которых и города. Они играют все более значимую роль в разрешении конфликтов, их предотвращении, медиации и постконфликтном урегулировании. Логика городов, стремящихся принять посильное участие в сохранении мира состоит в том, что причины конфликтов и их негативные последствия всегда имеют локальное измерение. Следовательно, и возможности их разрешения необходимо искать на локальном уровне.

Так, например, значительную роль в предотвращении будущих этнических конфликтов в Руанде сыграла Нидерландская Ассоциация Муниципалитетов (International Cooperation Agency of the Association of Netherlands Municipalities). После очередного витка напряженности, группа международных посредников в 2003 г. постановила, что для сохранения мира в Руанде необходимо предпринять действенные меры по борьбе с бедностью; провести децентрализацию власти; создать эффективное местное самоуправление. НАМ приняла активное участие в достижении этих целей и способствовала созданию аналогичной Ассоциации Муниципалитетов в Руанде.

Города проявляют активность во время конфликтов. Канадскими города, например, участвуют в реализации Программы муниципального развития Палестинских территорий. Весьма интересны двусторонние взаимодействия между городам США и Ирака с целью развития местных территорий последнего: Денвер взаимодействует с Багдадом, Даллас—с Киркуком, Филадельфия— с Мосулом. Города активно проявили себя в постконфликтном урегулировании в Косово, Колумбии, Сьера-Леоне и на Филиппинах.

Универсальные организации специальной компетенции: культура и мощь развивающимся странам. Ассоциация мэров городов-франкофонов (Association Internationales des Maires Francophones) объединяет мэров и других должностных лиц городов, в которых французский язык является официальным языком или широко используется населением. Основана в 1979 г. в Квебеке, имеет более чем 150 городов-членов в 47 государствах в Европы, Африки, Тихоокеанском регионе, Юго-Восточной Азии, Карибском бассейне и Канаде. При её поддержке реализуется множество культурных проектов.

Города в своей «межгородской» политике представляются в большей степени идеалистами: значительное место во взаимодействиях городов из развитых стран с городами из развивающихся занимает безвозмездная помощь. Формат взаимодействий такого рода весьма

широк — от кредитов, грантов и постройки школ до организационной поддержки и обмена опытом в сфере городского управления. Например, существуют длительные донорские отношения между городами США и Лесото, Камеруном и Бенином, между городами Австралии и городами Восточного Тимора и Шри-Ланки, канадскими и бразильскими городами.

Региональные организации городов. Весьма влиятельными являются региональные международные организации городов. К ним относятся: Объединенные города и местные правительства стран Африки; Организация арабских городов; Организация исламских столиц и городов; Латиноамериканская федерация городов, муниципалитетов и ассоциаций; и Региональная сеть местных органов власти для управления населенными Азией и Тихого океана — СИТИНЕТ.

В Европе действует самое большое количество международных организаций городов и местных органов власти. Все они так или иначе взаимодействуют с официальными органами ЕС через разного рода представительские и экспертные организации. Одним из наиболее эффективных проводников является Совет Европы, в котором создан Конгресс местных и региональных властей (КМРВЕ). Сегодня его членами являются порядка 600 должностных лиц-делегатов, представляющих более 200 тыс европейских муниципалитетов и регионов. В КМРВЕ входят только те представители местных и региональных органов власти, которые избираются на выборах.

КМРВЕ консультирует Комитет министров и Парламентскую Ассамблею СЕ по всем аспектам местной и региональной политики. Конгресс также организует местные и региональные слушания, конференции, которые проводятся для того, чтобы вовлечь в процесс как можно большее число граждан и сделать процесс более демократичным.

КМРВЕ сыграла значимую роль в принятии двух Конвенций и Устава, определяющих стандарты МСУ в ЕС. Конвенция о трансграничном сотрудничестве признает право за местными и региональными властями на трансграничное сотрудничество. Права иммигрантов защищены Европейской конвенции об участии иностранцев в общественной жизни на местном уровне.

Примеры этого рода говорят о том, что города участвуют в глобальном управлении на равных основаниях с другими субъектами мировой политики и являются относительно самостоятельными. Они, как

и другие субъекты, не претендуют на доминирование в этой системе, но, желая разрешить ту или иную проблему, координируют свои усилия и согласовывают свои цели с другими акторами.

Деятельность транснациональных организаций городов свидетельствуют о том, что города могут вполне выступать в качестве относительно самостоятельных акторов глобального управления и мировой политики. Тому есть несколько причин. Первая состоит в том, что города обладают значимыми ресурсами влияния на мировую политику, что не может не сказываться на их роли и статусе. Вторая связана с особенностью современных мирполитических взаимодействий: не требуется платить высокую цену для того, чтобы начать эти взаимодействия. Так, благодаря развитию телекоммуникационных технологий стать значимым субъектом может практически любой социальных объект, было бы желание. Города, судя по всему, таким желанием обладают и активно стремятся влиять на процесс решения вопросов, которые волнуют их больше всего.

* * *

В середине 1990-х гг. началось глобальное сотрудничество между транснациональными организациями местного уровня власти, которое фактически сделало их значимым участником глобального управления. В 1996 г. была созвана мировая Ассамблея городов и местных органов власти, которая является для городов аналогом ООН. Ассамблея подчеркнула важность и необходимость координирования действий городов и местных органов власти в мировом масштабе. Была обозначена задача активно включиться в процесс глобального управления и взаимодействия с глобальными институтами, прежде всего ООН.

Институты глобального управления имеют дело с городской проблематикой уже достаточно давно, поэтому города являются привычными участником этого процесса. Однако они выступают в роли управляемых объектов, которые подключаются к процессу управления лишь на стадии реализации решений, принятых глобальными институтами, о чем свидетельствует практика работы органов ООН.

Для старой парадигмы такая подчинённая роль городов выглядела весьма логично, но глобализация и перестройка мира глобальной политики позволили городам и транснациональным организациям городов проявить свое второе качество—качество деятелей, акторов МП и глобального управления. В этом качестве они уже наравне со всеми

участниками подключаются не только к имплементации решений, но и к процессу их выработки, а также к процессу развития и преобразования глобальных институтов.

В этой связи появляются и новые вопросы. Насколько города влиятельны и эффективны в роли акторов глобального управления вне своей, городской, проблематики? Могут ли они расширить изначально отведенную им нишу борьбы с «локальными проявлениями глобальных проблем»? Эти вопросы требуют дальнейшего изучения и внимания.

Участие городов в глобальном управлении расширяет круг представленных интересов за счет включения интересов городских сообществ, на чью долю сегодня выпало основное бремя глобальных проблем. Благодаря увеличению числа участников, система глобального управления становится более демократичной, а принимаемые решения носят более взвешенный и продуманный характер. Включение городской проблематики в дискурс органов глобального управления способствует формированию более сложного взгляда на мир и его устройство не только у исследователей, но и у широких слоев глобального общества.

¹ Статья подготовлена в рамках работы над проектом РГНФ «Методология анализа политического и социокультурного развития и прогнозирования социально-политических изменений в контексте модернизации», № 12–03–00306.

² State of the World's Cities Report 2012/2013: Prosperity of Cities (UN-HABITAT). P. 25.

³ В течение ряда лет GaWC составляет рейтинги глобальных городов, которые сосредотачивают в себе основные производственные мощности современной мировой экономики. См., например: The World According to GaWC 2010. URL: <http://www.lboro.ac.uk/gawc/world2010t.html>

⁴ McKinsey Global Institute. Urban world: Mapping the economic power of cities. 2011

⁵ Derudder B., Witlox F. An Appraisal of the Use of Airline Data in Assessing the World City Network: A Research Note on Data. Urban Studies, Vol. 42 (13). 2005

⁶ См.: Keohane R., Nye J. Transnational Relations and World Politics. Cambridge: Harvard University Press. 1972.

⁷ Crozier M. Actors and Systems: The Politics of Collective Action. Chicago. University of Chicago Press. 1980; Монбреаль Т. Де Действие и система мира. Москва. 2005; Touraine A. Return of the Actor: Social Theory in Postindustrial Society. Minneapolis: University of Minnesota Press. 1988.

- ⁸ Цыганков П. А. Политическая динамика современного мира: теория и практика. Москва. Издательство Московского университета. 2014. С. 238.
- ⁹ Левада Ю. А. Урбанизация как социокультурный процесс// В кн.: Левада Ю. Статьи по социологии. Москва. УРСС. 1993.
- ¹⁰ См.: Ледаев В. Г. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. Москва. Изд. Дом Высшей школы экономики. 2012.
- ¹¹ См.: Sassen S. Cities in a World Economy. Pine Forge Press. 2006
- ¹² О приватизации мировой политике см.: «Приватизация» мировой политики: локальные действия — глобальные результаты/ Под ред. Лебедевой М. М. Москва. Голден-Би. 2008.
- ¹³ См., например.: The World Bank. Planning, Connecting, and Financing Cities — Now: Priorities for City. 2012. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://elibrary.worldbank.org/doi/pdf/10.1596/978-0-8213-9839-5>
- ¹⁴ Главная страница ООН-Хабитат. URL: <http://www.un.org/ru/ga/habitat/>
- ¹⁵ Там же
- ¹⁶ Главная страница ICLEI. URL: www.iclei.org.
- ¹⁷ Acuto M. Global Cities, Governance and Diplomacy: The Urban Link. London: Routledge. 2013.

ЧАСТЬ II

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ «КЛУБОВ» В ГЛОБАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ

Paul J. Saunders

CLUBS AND GLOBAL GOVERNANCE

Assessing the role of clubs in global governance requires asking three important questions: 1) what are the essential components of global governance, 2) what is the purpose of global governance, and 3) how effective is global governance? Only after this can we assess how clubs fit into the larger international system.

Components of Global Governance

At the most basic level, global governance must have two key components: 1) agreed rules or norms to govern international interactions (these make governance *global*), and 2) institutions to apply those rules and norms to the daily realities of the international system (these allow for global *governance*). Agreement — meaning universal or at least broad acceptance — is the essential core, without which truly global governance cannot exist. Absent this universal or broad acceptance, governance would *de facto* devolve to regional or alliance-based institutions or to clubs of various kinds. Failure of those institutions, or intense competition between them, could produce global anarchy.

Importantly, the perceived extent (or lack) of agreement is highly subjective. Thus, leaders and diplomats regularly invoke «the international community» to assert broad agreement with their perspectives, whatever they may be. The subjectivity surrounding the level of consensus also derives from a major difference of opinion over whose agreement is in fact required. Does broad acceptance of rules/norms mean acceptance by governments? By transnational elites? By some governments but not others, because they are not seen as representing their publics? By global public opinion? In other words, whose agreement is «legitimate»?

Finally, of course, governance is more developed in certain functional areas and less developed in others. For example, global governance in areas like banking, civil aviation, telecommunications, and international trade are relatively advanced. Global governance is generally weaker in areas that are politically controversial and/or involve emerging technologies. Global governance of the internet, including its civil and military aspects, faces both of these challenges. Because of these differing levels of governance across the many fields of human endeavor, global governance is a system of systems — bewilderingly complex and constantly evolving.

Purpose of Global Governance

Global governance can serve many functions and some of its greatest challenges and shortcoming result from either confusion or disagreement over objectives. One of the most central issues here is whether global governance should regulate interaction among states or within them and, where global governance does extend inside states, who is responsible for enforcing rules/norms. This immediately collides with the principle of state sovereignty, a foundation of the modern international system.

Human rights and the responsibility to protect may well be the most controversial areas of global governance for precisely this reason. Although the responsibility to protect principle gives states the first responsibility for protecting their citizens, it also permits other states to intervene to do so. This in turn produces tension between states that assert the right to intervene for these reasons and states that are or believe they may become the targets of this or other forms of intervention in their internal affairs.

While some governments assert a right to armed intervention based on the responsibility to protect, they typically do not assert comparable rights to armed intervention in other states to enforce all other rules/norms (for example, trade rules, environmental standards, or air traffic control procedures). In practice, governments have tended to use force when lives are at stake (to protect their citizens overseas or to prevent or pre-empt attack). When lives are not at stake, states have increasingly pursued enforcement of rules/norms through political, legal and other means. From this perspective, disputes over humanitarian intervention to enforce human rights rules/norms represent not only disagreements over those rights but also disputes over changes in the rules/norms surrounding when force is permissible/desirable.

This latter interpretation of differences over humanitarian intervention connects to further important questions about the purpose of global governance related to but even deeper than whether it should regulate interaction among or within states. Starting from the proposition that the goal of global governance is to improve the human condition on a global basis, how can we best achieve this? Should preventing conflict among states be more or less important than preventing conflict within them? Which conflicts produce the greatest misery and death? What actions are justified by «the greater good»? And again, who decides?

This may ultimately prove one of the greatest global divides as it derives from fundamental cultural norms regarding whether actions to help an individual or group are moral or immoral if they may also cause injury to a third

party. Indeed, recent research has demonstrated that some core elements of moral sense do differ subtly between cultures and societies — for example, between American and British moral sense, which appears to be more tolerant of possible harm in the course of doing good than Russian moral sense¹. This likely affects how governments and citizens view moral imperatives in crises and contributes to diverging perspectives.

Effectiveness of Global Governance

How effective is global governance today? From a broad historical perspective, agreement on rules/norms is growing and institutions are multiplying and expanding. This has produced enormous optimism among some that with determined effort to strengthen rules/norms and to create more and better institutions to enforce them, we can resolve humanity's problems.

Global governance appears to be strongest in those areas where broad consensus exists on rules/norms. This allows strong institutions to develop to enforce rules/norms, especially in technical fields where it is relatively easy to establish widely acceptable standards. These institutions in turn facilitate the growth of transnational elites committed to further expansion of global rules/norms and institutions.

Yet, while international institutions with weighted voting systems like the World Bank and the International Monetary Fund are highly developed and can be efficient in some areas, major powers have not been prepared to empower institutions based on strict equality between states, such as the United Nations General Assembly. Leading states understandably prefer institutions that provide greater influence to the powerful. Yet, because power varies over time, it is difficult for power-based institutions (however one measures power) to reflect the international distribution of power at any given time (or, for that matter, to find an agreed standard to measure power). The gap between institutional arrangements and the real distribution of power is another source of tension among major powers. This underlies calls to reform the United Nations Security Council and international financial institutions.

As realist international relations scholars would predict, the greatest tension involves those states whose relative power is changing. Here, the key actors are the United States (established superpower), China (emerging superpower), leading European states and Japan (established major powers), Russia (restored major power), and India and Brazil (emerging major powers). China, Russia, India and Brazil all seek greater roles in global gov-

ernance, while the United States, Europe (especially Britain and France) and Japan are defending their existing roles and prerogatives. The emerging powers challenge those roles in no small part to defend perceived threats to their sovereignty.

Despite their considerable historical advances, in operational terms both rules/norms and institutions appear rather weak in critical areas that could lead to war or other forms of conflict. Most dangerously, rules/norms appear increasingly to be a source of tension rather than accord among major powers in the international system. As argued above, state sovereignty and the responsibility to protect are at the core of this tension. Disputes over self-determination (which challenges both sovereignty and the responsibility to protect) have also been a key driver of this process. Global governance faces its greatest opportunities and dangers where these governments' interests collide, whether in political, security or economic affairs.

As a matter of theory, one might expect the weakest states to align with those leading powers seeking to protect the principle of state sovereignty and to value sovereignty even more jealously than powerful states. After all, strong rules/norms privileging sovereignty would be of greatest benefit to the weak in protecting them from foreign interference or intervention given their limited military, economic and political capabilities. However, in specific cases weaker governments very often align with the established powers in ways that undermine sovereignty principles — at least so long as their concrete interests are not directly affected. They appear to calculate that powerful allies will have greater real value in protecting their sovereignty than global governance systems and, accordingly, to seek and support such partners.

Moving forward, effective global governance (and the avoidance of serious conflicts) will depend heavily upon whether established and emerging powers can resolve or at least narrow their differences over global governance, especially in dealing with security and economic issues. If they fail to do this, global governance systems in some of these areas could break down. This could lead to new armed conflicts (in the security sphere) or to efforts to develop parallel global governance systems (in the economic sphere) that could undermine globalization and slow growth.

What can clubs contribute to global governance?

Clubs can either strengthen or weaken global governance — their impact depends upon their goals and the intended and unintended consequences of their actions.

Typically, clubs are either regional or functional. Notable regional clubs include the European Union (EU), the Shanghai Cooperation Organization (SCO), the Association of South East Asian Nations (ASEAN), the African Union (AU) and the Organization of American States (OAS). The G-7, the BRICS, the G-20 and the G-77 are functional clubs. Importantly, clubs can serve not only as independent groups, but also as factions within larger organizations. The G-7 and the BRICS often act as factions inside the G-20, for example, while the Group of 77 operates within the UN and its subsidiary bodies.

The balance between membership and effectiveness is a critical question for any club. While smaller groups are often likely to be more coherent and therefore more effective, club size is clearly not the sole determinant of effectiveness — shared interests also matter. The G-7 and the BRICS illustrate this point well. Their relationship also illustrates how clubs can strengthen or weaken global governance.

The recent decision by the G-7 countries to refocus their attention on that group rather than the G-8 is perhaps the clearest example of this and reflects the fact that the G-8 failed the membership test; the G-7 and Russia did not sufficiently share interests and goals. This reflects less on Russia's conduct in Ukraine (which was the catalyst for the shift from G-8 to G-7) than on the political decision to create the G-8 in the first place. Russia did not fit into the G-7's existing self-definition when its members created the G-8 in 1997. Some in the G-7 countries never really accepted Russia's G-8 membership and began to call for Moscow's expulsion almost immediately after its incorporation in the group. At the same time, Russia did not converge politically or economically with the G-7 in the ways that some in the G-7 expected, however unrealistically.

The G-7 without Russia is likely to be much more cohesive, though its influence has declined in parallel with its falling share of the global economy, which peaked at 70% in 1987 — twenty-seven years ago. Perhaps more important, the G-7's organizational structure constrains its impact. The G-7 has no permanent secretariat to implement or monitor agreements and it often appears to repack existing policies and programs for summit communiques rather than developing significant new initiatives. The G-7's 2014 summit was primarily reactive — after Russia's annexation of Crimea — and did little to advance its development as a club.

Russia's government does not seem to have missed the G-8, because the G-8's recent accomplishments have been limited but also because Rus-

sia's officials have not looked too comfortable at recent summits as tension over gaps between the G-7 and Russia have grown. Many have suggested that the BRICS group may be more useful for Russia, but this remains to be seen. While the BRICS represent a large and growing share of the world economy, the extent to which they share concrete interests and goals remains uncertain. This is less because some are democracies and some are not, which is a popular view in the United States, than it is a consequence of the very different circumstances of the BRICS countries and their economies. South Africa's economy is considerably smaller than the other four nations and appears to have been included for symbolic reasons. Russia's economy is fundamentally unlike other BRICS due to its heavy dependence on energy, which has been a driving force of Russia's growth but a constraint on the others (notwithstanding great optimism about offshore energy projects in Brazil). China's and India's economies are different too.

More fundamentally, it is not yet apparent whether BRICS members are fully committed to the group in a manner that moves beyond summits and modest cooperative projects. If the BRICS becomes a replica of the G-7 for emerging powers, it is not likely to accomplish more than the G-7 has accomplished. Likewise, succeeding with some of its ambitious projects (like a development bank) will require the BRICS countries to make substantial financial contributions. Only China is currently in a position to supply the necessary funds, but it is not immediately obvious that Beijing would commit significant amounts of money to projects that it does not control. Conversely, it is not obvious that other BRICS members would readily cede that control — or contribute much themselves if they did. Like the G-7, the BRICS is not really a group of economic equals.

Some in Russia have chosen to see the BRICS as a rival group to the G-7. While some form of rivalry could emerge, it would require establishing this competition as a shared goal within each group in a way that it currently is not. It seems unlikely that G-7 members or most BRICS countries will actively seek this kind of competition in view of the massive interdependencies between them. To the extent they do compete, it is likely to be as lobbying groups within the G-20 and in other organizations or institutions where they may have different perspectives on global economic governance.

How this affects global governance depends heavily upon results. If the G-7 and the BRICS are able to develop compromise-based reforms to international institutions, their competition could strengthen global governance by

establishing broader agreement that allows for better institutions. Conversely, if their differences paralyze other groups and fuel the growth of parallel institutions and systems competing for global legitimacy, global governance will suffer, economic growth will slow, and the international system will be less stable — and more dangerous.

¹ See K. R. Arutyunova, Yu. I. Alexandrova, V. V. Znakova and M. D. Hauser, “Moral Judgments in Russian Culture: Universality and Cultural Specificity,” *Journal of Cognition and Culture* 13 (2013) 255–285.

John Kirton

GENERATING GLOBAL HEALTH GOVERNANCE FROM G8 TO BRICS SUMMITRY

Revised version of a paper prepared for the Russian International Studies Association, Moscow, April 25, 2014. I gratefully acknowledge the assistance of Julia Kulik. Version of June 11, 2014.

Introduction

Global health challenges are great and growing as a globalized world rapidly approaches the due date for delivering the three United Nations Millennium Development Goals (MDGs) in 2015. Yet the three MDGs for children's health, maternal health and HIV/AIDS, TB and malaria will not be met, and those shaping the post 2015 MDGs seemed destined to downgrade the place of health in the successor set. At the same time, new health challenges have arisen, from deadly infectious disease such as Ebola, swine flu, avian flu, Severe Acute Respiratory Syndrome (SARS) and Middle East Respiratory Syndrome (MERS) to the growing burden globally of the four main non-communicable diseases (NCD's of heart attacks, cancer, diabetes and chronic respiratory disease. Yet despite special UN summits for HIV/AIDS in 2001 and NCDs in 2001, the UN system, its dedicated functional body, the World Health Organization (WHO), and the WHO's regional affiliates remain unable to meet the need. Leadership in global health governance has thus been assumed by another plurilateral summit institution (PSI) of established and emerging powers, notably the Group of Eight (G8) major market democracies first formed without Russia in 1975 and the BRICS of Brazil, Russia, India, China and South Africa first formed without South Africa in 2009.

Thus far there has been extensive scholarly analysis of how and why the G8 has governed global health (Kirton and Mannell 2005, 2007, Kirton, Guebert and Kulik 2014). There is now starting to be serious analysis of the BRICS performance in global health (Kirton, Kulik and Bracht 2014, Harmer and Buse 2014, Gautier, Harmer, Tediosi and Missoni 2014). Yet this is the first study to treat the two bodies together, to explore the dynamics and driver of the post 2010 shift from the G8 to the BRICS as the centre of global leadership on health. It shows how after 2009 the BRICS summit has assumed the

leadership in global health governance from the G8 and now G7 one, due to the direct concern of BRICS countries with infectious and non-communicable diseases as a chronic burden rather than periodic shock and as a core development concern.

G8 Health Governance

The G8 started its global health governance narrowly by addressing malnutrition in 1979, nuclear health and safety in 1980–1981 and health research in 1983. These were largely health problems within the G8 countries. The G8 subsequently broadened its attention to focus on the major illnesses afflicting the world as a whole, with HIV/AIDS in the lead. At first the G8 worked to support the WHO and UN system in raising the money they needed but were unable to attract on their own.

However, as the twenty-first century began, the G8 launched its own initiatives to promote global health. This phase began with the creation of the Global Fund to Fight AIDS, Malaria and Tuberculosis (GFATM) in 2001. It continued with the 2001–02 development of the G8 Africa Action Plan, and the Global Health Security Initiative (GHSI) to combat bioterrorism following the shock the September 11, 2001 and the anthrax attacks on America in the autumn of 2001. At the 2003 Evian Summit, the G8's Health Action Plan directly tackled some of the world's most deadly diseases. By 2004, the G8 focused on specific interventions such as developing an HIV/AIDS vaccine and the eradication of polio. Gleneagles in 2005 promised affordable access to HIV/AIDS treatment to all those afflicted by 2010. Moreover, in an initiative that could total over \$200 billion, it instructed the International Monetary Fund to relieve the debt of deserving poor countries on condition that they used the money thus saved to invest in health and education at home.

The first G8 summit Russia hosted, at St. Petersburg in 2006, made infectious disease one of its three priority themes and had G8 Health ministers meet for the first time. It made 52 commitments on health, far more than any G8 summit had before. Its five priority commitments were complied with during the following year at a solid level of 68%.

In 2007 at Heiligendamm health remained high on the agenda. In 2008 the G8 countries focused on keeping the substantial health commitments they had already made, creating a follow-up mechanism to monitor progress on compliance with their health commitments. At the 2009 Maddelella summit, infectious disease appeared on the agenda and an accountability report came.

At the Canadian-hosted June 25–6, 2010 Muskoka summit, the single signature ambition and achievement was the Muskoka Initiative on Maternal, Newborn and Child Health (MNCH). Amidst the worst global recession since the 1930's G8 leaders and their partners raised \$7.3 billion in new money to advance MDG's 4 and 5. At the UN summit in September that year this amount was multiplied to \$40 billion, and an accountability commission was created to ensure that it was delivered and did the job.

During these years, the G8 made an impressive array of ambitious health commitments to achieve by 2010 (Kirton 2009). It promised by 2010 to give affordable access to medicines to all HIV/AIDS sufferers who need it, to cut malaria and tuberculosis in half, and to wipe polio off the face of the earth. To help fund the underlying health care systems in poor countries, it promised by 2010 to double aid to Africa as well. Given the close connections health has to climate change and biodiversity, its promise by 2010 to reduce greenhouse gas emissions and significantly reduce biodiversity loss mattered much for health as well. Yet, just before the 2010 G8 summit, none of these commitments was confidently on track to be met by 2010. Nor any of the three health MDG's by 2015.

Moreover, after the Muskoka Summit, G8 governance of health markedly declined, as the need focus on food and nutrition took centre stage within the G8's development agenda. Only in 2014 were there signs of a revival, as the Russian host of the Sochi Summit placed health as one of the five specific priorities it wished the summit to address. When the 2014 summit took place, as a G7 event without Brussels on June 4–5, 2014, health received considerable attention, with a focus on reaching the MDGs and in particular those on MNCH (Fitzgibbon 2014). The latter focus was fuelled by the announcement of Canada a week earlier to commit \$3.5 billion in new money for MNCH for the period from 2015–2020.

The concert equality model accounts well for the cadence of G8 health governance. High performance was driven by shocks that activated the vulnerability of G8 countries and citizens, above all HIV/AIDS, nuclear accidents, terrorist attacks, and infectious disease flowing in from abroad such as malaria, TB and SARS. Low performance came on NCD's, a chronic, often invisible health burden with now activating shocks. Multilateral organizational failure in the face of these shocks prompted the directly affected, highly capable, socially like-minded G8 to act, although the G8's advances on MNCH, HIV/AIDS, TB and malaria and the Global Fund shows that supportive UN summitry was often a salient cause (Kirton, Bracht, Kulik, Guebert 2014). The constricted participation in the leader's cherished G8 club helped galvanize

action, which was reinforced by the involvement of key outside leaders, above all from Africa and from the BRICS countries including South Africa from 2005 to 2009. Only when they left after 2009 did G8 health performance dramatically decline. It was then that the five BRICS countries took their concern with global health issues that most harmed the poor to their own new PSI of the BRICS.

BRICS Health Governance

This post 2010 decline in G8 health governance was not due to the emergence of a new, broader PSI, the Group of Twenty (G20) to take up the task of governing global health. For since its start at the ministers' level in 1999 and the leaders' level in 2008, the G8 has done very little to directly address health, beyond recurrent attention to development in general and some specific endorsement of the MDG's (Kirton 2013).

Leadership in global health governance was thus left to another new PSI, the BRICS born at the ministerial level in 2006 and at the leaders level in 2009 (Kirton, Kulik and Bracht 2014, Zondi 2013, Lancet 2013, Global Health Strategies Initiative 2012). Since its first summit in Yekaterinburg, Russia, the annual BRICS summit has been a substantial global health governor, until a decline at its Durban Summit in 2013. The BRICS has focused on health issues common to the members as big emerging powers, and common to those of the emerging and developing world as a whole, such as access to affordable medicines, intellectual property and technology transfer. It has also led on NCDs, whereas the G8 and G20 have surprisingly ignored these predominant but chronic, largely invisible threats to their own citizens' health and even their own government's fiscal soundness. Unlike the G8 and G20, the BRICS has created a ministerial-level institution for health backed by an official working group.

Despite the decline at Durban, that summit still supported the need to achieve the MDGs, and the health linked issues of nutrition and food and continued its support for its own health institutions, including its health ministers' forum. Inside BRICS summity each member has been able to advance its particular domestic health priorities, especially when it serves as summit host. This cadence could well continue, with Brazil emphasizing NCDs in 2014 and Russia highlighting the health issues it chose as a priority for the G8 summit it hosted in 2006.

A closer examination of the BRICS health performance across the key dimensions of global governance confirms the emerging leadership it has

assumed (Kirton, Kulik and Bracht 2014). In its health related deliberations, it began in 2009 at Yekaterinburg with a reference to food security in one paragraph in its communique, addressed food and disabilities in two paragraphs at Brasilia in 2010, added nuclear safety and the MDGs in its seven health related paragraphs at Sanya in 2001 and included malnutrition, health services, technologies and medicines and NCDs in its 10 paragraphs at New Delhi in 2012, before dropping to five health-related paragraphs at Durban in 2013. In its decision-making it made a direct health commitment in 2001 and another in 2012, along with others since 2009 dealing with food. Throughout its members' compliance with their commitment on health and on food have been complied with in full by all members by the time the next summit was held.

The causes of this particular performance are well accounted for by the model of systemic hub governance developed for the G20 and adapted from the concert equality model of G8 governance first developed by John Kirton (Kirton 2013). Shock activated vulnerability from diseases such as HIV/AIDS and SARS have been less important than the failure of the established multilateral organizations to protect BRICS countries from a big, broad burden of infectious and con-communicable diseases. This burden on their own development and that of smaller, poorer countries has caused the BRICS to become an institutionalized health governor of its own, taking up issues such as NCDs that the G8 and G20 have ignored. Its substantial performance and selective leadership have been sustained by the growing share of the BRICS collective overall capabilities relative to those of the G8, by the predominant power and resulting leadership of China and India inside, by BRICS countries common constitutionally entrenched rights-based approach to health at home, and by the domestic political control and continuity of their leaders. Also important has been their leaders' intensive personal interaction in a very small club they enjoy, which stands at the hub of a summit network embracing most regions of the world. This record and the domestic approach and diplomacy in health of the BRICS countries, suggests that BRICS health governance will strengthen in future years, especially now that Russia has only the BRICS and no longer the G7 as its club to engage in global health leadership for itself and the world.

References

1. Fitzgibbon, Joy (2014), The Development Promise of Brussels 2014, G8 research group, June 5. Available at www.g8.utoronto.ca

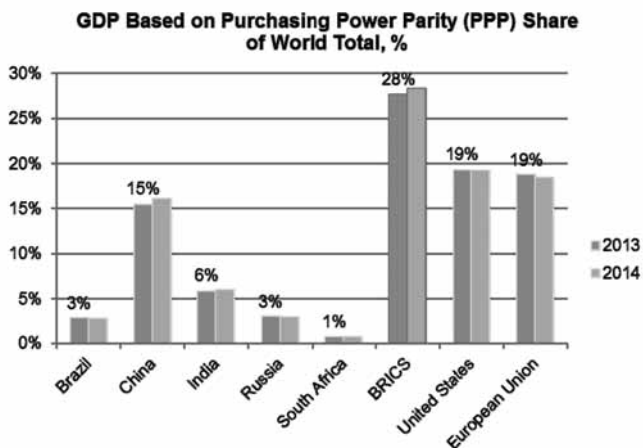
2. Gautier, Lara, Andrew Harmer, Fabrizio Tediosi and Eduardo Missoni (2014), "Re-forming the World Health Organization: what influence do the BRICS wield?" *Contemporary Politics* 20:2 (June): 163–181.
3. Global Health Strategies Initiatives (2012), "Shifting Paradigm, How the BRICS are Reshaping Global Health and Development," Global Health Strategies Initiatives. Accessed on June 30, 2013 at <http://www.ghsinitiatives.org/downloads/ghsi_brics_report.pdf>.
4. Harmer, Andrew and Kent Buse (2014), "The BRICS — a paradigm shift in global health?" *Contemporary Politics* 20:2 (June): 127–145.
5. Kirton, John (2013), *G20 Governance for a Globalizing World* (Farnham: Ashgate).
6. Kirton, John, Jenilee Guebert and Julia Kulik (2014), "G8 Health Governance in Africa," in John Kirton, Andrew F. Cooper, Franklyn Lisk and Hany Besada, eds., *Moving Health Sovereignty in Africa* (Farnham: Ashgate)
7. Kirton, John, Julia Kulik, Caroline Bracht and Jenilee Guebert (2014), "Connecting Climate Change and Health through Global Summitry," *World Medical and Health Policy Journal* 6(1): 73–100 (April).
8. Kirton, John, Julia Kulik and Caroline Bracht (2014), "Generating Global Health Governance through BRICS Summitry," *Contemporary Politics* 20:2 (June): 146–162.
9. Kirton, John and Jenevieve Mannell (Kirton 2005), "The G8 and Global Health Governance," G8 Research Group. November 11, 2005. Accessed on June 15, 2013, at <www.g8.utoronto.ca/scholar/kirton2005/kirton_waterloo2005.pdf>.
10. Kirton, John and Jenevieve Mannell (2007), "The G8 and Global Health Governance," in Andrew F. Cooper, John J. Kirton and Ted Schrecker, eds., *Governing Global Health* (Aldershot: Ashgate).
11. Lancet (2013), "Banking on the BRICS for Health?" 381(9873): 1158. Accessed on June 19, 2013, at <[http://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736\(13\)60781-3/fulltext?rss=yes](http://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736(13)60781-3/fulltext?rss=yes)>
12. Zondi, Siphamandla (2013), "The BRICS contribution to the fight against disease," in Marina Larionova and John Kirton, eds., *BRICS New Delhi Summit 2012: Stability, Security and Prosperity* (London: Newsdesk), pp 74–75.

TRENDS IN ECONOMIC DEVELOPMENT, COOPERATION, AND TRADE: BRICS' POSITION

As far as known economic history exists, societies developed at a different rate. Now termed economic growth, this trend has been a special topic of interest for social scientists, investors, policy makers, and anyone who has an interest in deciphering what drives the standard of living. Several explanations of higher economic growth rates have been proposed — institutions, capital accumulation, technology and educational levels, political structure, geographical and historical circumstances, natural resources, to name a few.

For decades the US has laid claim as the largest economic power, although in the span of human history it is only a brief moment. Recently, the

Figure 1. BRICS, GPD Share of World Total

Source: International Monetary Fund, World Economic Outlook Database, April 2014

BRICS jumped on a curve of unprecedented growth rates, which many deem unsustainable in the long run. This paper is limited to investigating one aspect of BRICS' rising position in the global market — their increasing footprint in global investment and trade space.

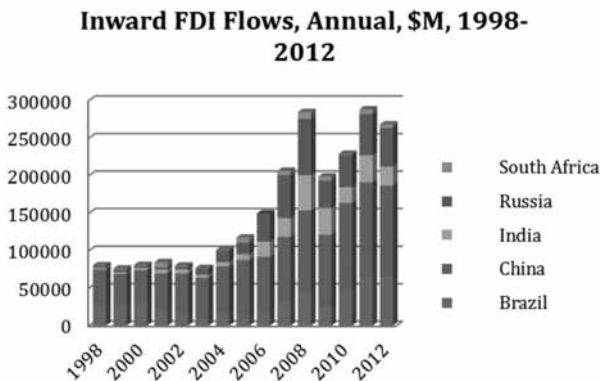
Economic Position in the Global Market and Inward Investment

There is no question that the BRICS group contributes a significant share to global growth. BRICS' share of GDP in the world's total rivals with the largest economies of the US and the EU (see Figure 1).

The size of the BRICS economies and their impressive GDP growth over the last decade have been the primary reasons behind the increase in inward FDI to BRICS (see Figure 2)¹. In addition to relatively higher expected gains of capital, several key policies have made these countries an investment attraction.

For example, Brazil initiated software providing foreign investors with improved access to trade Brazilian equities in the investor's home currency. India considers foreign investment paramount to correcting the current account deficit². India's Ministry of Finance is introducing a number of measures toward promoting foreign investment in the debt market and may also consider simplification of market entry requirements in the future. China's

Figure 2. BRICS, Inward FDI Flows

Source: UNCTAD, UNCTADstat, <http://unctad.org/en/Pages/Statistics.aspx>

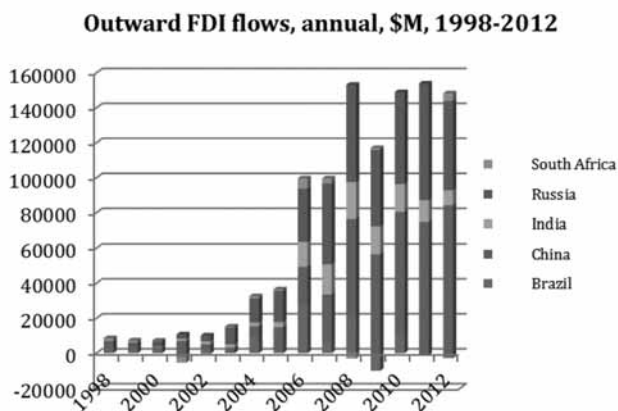
A securities market, which opened to foreign investment in 2002, have recently gone through a significant liberalization. The key change was relaxing eligibility criteria, which opened the gates to small to medium size financial institutions. The paperwork requirements have also been reduced. In Russia, creation of a single unified exchange market and development of central depository are certainly the right steps towards incorporating internationally accepted standards³.

While such liberalizing policies undoubtedly have had a positive affect on foreign investor confidence, BRICS are countries with a dynamic policy climate and have a history of ad hoc regulations and processes that can offset the outcome from the positive ones. Moreover, in the case of Russia, recent political tensions between the Russian and the US and EU governments put investment prospects in question.

Outward Investment

More importantly, recently the BRICS group has itself become an investor⁴, with Russia and China in the lead (see Figure 3)⁵.

Figure 3. BRICS, Outward FDI Flows

Source: UNCTAD, UNCTADstat, <http://unctad.org/en/Pages/Statistics.aspx>

It is worth to address the direction of these outflows: investment in Africa has grown to rival that of the US (see Table 1).

Table 1: Outward FDI Stock from BRICS, by Destination Region, 2011

Partner Region/Economy	Value, Millions	Share, %
World	\$1,130,238	100
Developed countries	\$470,625	41.6
European Union	\$385,746	34.1
United States	\$31,729	2.8
Japan	\$1,769	0.2
Developing countries	\$557,055	49.3
Africa	\$49,165	4.3
Latin America and the Caribbean	\$175,410	15.5
Asia	\$331,677	29.3
Transition economies	\$31,891	2.8
BRICS	\$28,599	2.5

Source: UNCTAD, FDI/TNC database, reproduced from *Global Investment Trends Monitor, Special Edition*, April 2013

Several observations are evident: while the regional and neighboring investments are extremely important for BRICS, a large share goes to developed countries, in particular, 34.1% to the EU. FDI between BRICS is limited: “the share of FDI outward stock holdings by BRICS countries in other BRICS countries is only around 2.5%, compared to the 10% that BRICS represent in world inward stock.”⁶ However, FDI from BRICS to other developing and transition economies (outside their own region and excluding other BRICS) is significant for the host region. For example, 25% of FDI flows and 14% of stock to Africa originate in BRICS (see Table 2)⁷.

Historically, BRICs (excluding South Africa) have exhibited a growing pattern in FDI since the 2000s, but incurred a significant bump in the middle of the decade. In the late 1990s FDI was hardly \$10 billion annually, however, from 2005, the total grew rapidly to \$147 billion in 2008. This is a much faster growth than the global FDI, and major recipients of this growth have been the low-income countries⁸.

Table 2. Estimated FDI Flows and Stock to African Countries, 2010

	Millions		Share in total, %	
	Flows	Stock	Flows	Stock
Home region				
Total World	\$39,540	\$308,739	100	100
Developed countries	\$26,730	\$237,841	68	77
European Union	\$16,218	\$155,972	41	51
North America	\$9,281	\$53,412	23	17
Developing countries	\$12,635	\$68,890	32	22
Asia	\$9,332	\$50,007	24	16
South-East Europe and CIS	\$175	\$2,007	0	1
BRICS	\$10,007	\$42,583	25	14

Source: UNCTAD, FDI/TNC database, reproduced from *Global Investment Trends Monitor, Special Edition*, April 2013

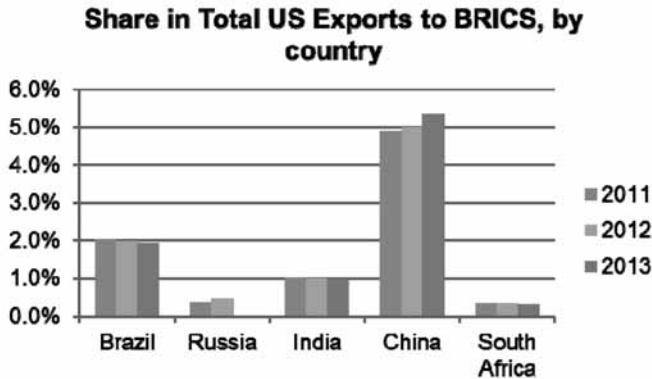
BRICS' Trading Partners

What about trade patterns? Some of the most important BRICS trading partners in the developed world showed slower growth since the 2008 crisis⁹, which means fewer exports for BRICS and, consequently, less growth, *ceteris paribus*. This trend, if continues, may push BRICS to explore developing countries markets even more aggressively. However, this exploration may have to be on more favorable terms to developing countries, as some raise concerns. For example, Africa supplies raw materials, other products and technology transfer to China, but its economic experience with Europe dictates caution and makes this trade pattern unsustainable on the long run.

The US has been unsuccessfully fighting the trade deficit¹⁰ and, specifically, the share that comes from increase in Chinese imports. In terms of share (and in dollar volume), China is the most important importer to the US, followed by India and Brazil (see Figure 4 and Figure 5).

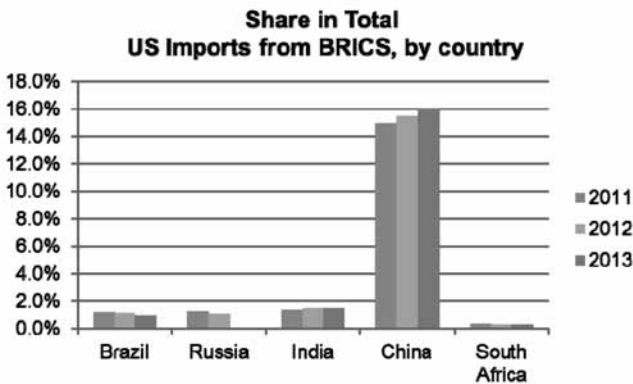
The series of spider charts below (see Figure 6) demonstrates major trading partners for each of the BRICS countries in terms of percentage of total exports and imports. For China, US is the largest partner in imports and exports, while Hong Kong, South Korea, and Japan are important in

Figure 4. Share in Total US Exports to BRICS

Source: US Trade Data Series, BEA, US Census

Figure 5. Share in Total US Imports from BRICS

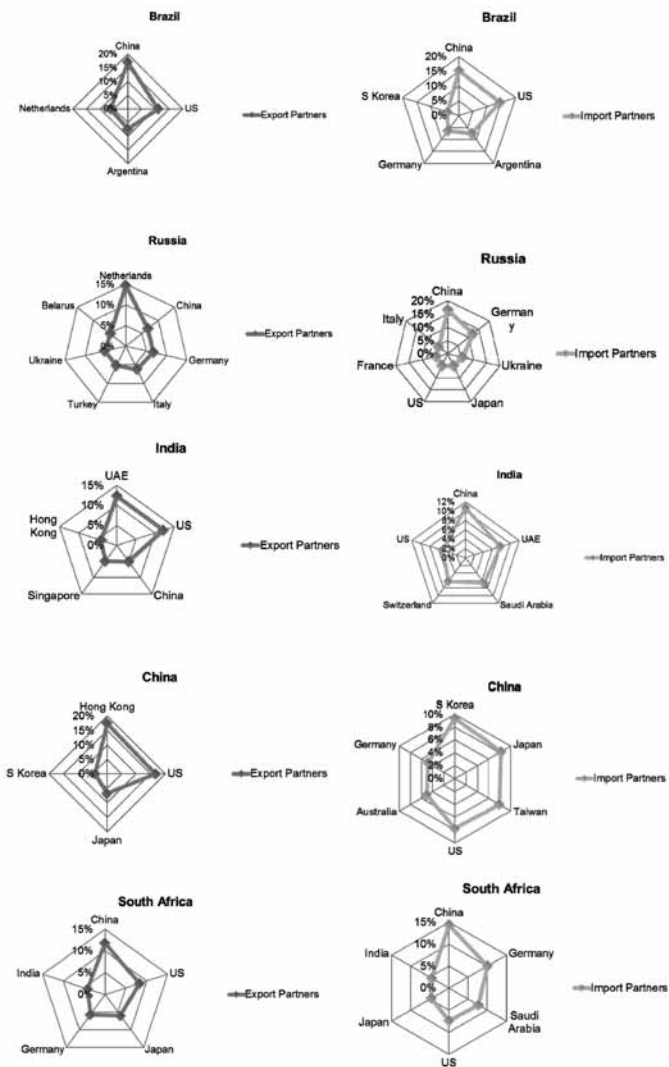

Source: US Trade Data Series, BEA, US Census

export trade in the Asia-Pacific region. Geographical proximity and other, for example, historical, ties account for such trade relations as Brazil's trade with Argentina and Russia's with Belorussia and Ukraine.

While China is one of the dominant partners in the inter-BRICS trade, European countries, such as Germany, Netherlands, and Switzerland claim substantial share in trade with India, Brazil, Russia, and South Africa.

Figure 6. Major Trading Partners, Share by Country

Source: World Bank Trade Data, CIA

BRICS and Africa

For BRICS, Africa appears to be a natural choice for economic cooperation. While BRICS have emerged as major global players, Africa has demonstrated economic growth potential, abundant natural resources, favorable demographics, and growing consumer power¹¹.

For instance, trade volume between China and Africa increased from \$10 billion in 2000 to \$190 billion in 2012. The partnership with India has promoted the development of small- to medium-scale enterprises on the African continent. Brazil and Russia have been heavily involved in the mining and energy industry in Africa through public-private partnerships. Table 3 provides supporting details on the amount of trade between BRICs and African countries.

Table 3. BRICS as Trading Partners in Africa

Country	Exports — partners (%)	Country	Imports — partners (%)
Angola	China 46.3%, US 13.9%, India 10.1%, South Africa 4.2% (2012)	Angola	China 20.9%, Portugal 19.5%, US 7.7%, South Africa 7.1%, Brazil 5.9% (2012)
Burkina Faso	China 25.9%, Turkey 24.8%, Belgium 5.2% (2012)		
Cameroon	China 15.2%, Netherlands 9.7%, Spain 9.1%, India 8.6%, Portugal 8.1%, Italy 6%, US 5.5%, France 4% (2012)	Cameroon	China 18.7%, France 14.9%, Nigeria 12.3%, Belgium 5.2%, US 4.4%, India 4.2% (2012)
Central African Republic	Belgium 31.7%, China 27.9%, Democratic Republic of the Congo 7.8%, Indonesia 5.2%, France 4.5% (2012)	-	
Chad	US 81.9%, China 6.7% (2012)	Chad	China 20.2%, Cameroon 18.2%, France 16.1%, Saudi Arabia 5.6%, US 4.2% (2012)
Congo, Republic of the	China 39%, US 13%, France 9.5%, Australia 8.8%, Netherlands 6.8%, Spain 5.3%, India 5.2% (2012)	Congo, Republic of the	France 19.5%, China 13.5%, Brazil 9.1%, US 6.1%, India 5.8%, Italy 4.8%, Belgium 4.4% (2012)

Country	Exports — partners (%)	Country	Imports — partners (%)
		Djibouti	China 24.4%, Saudi Arabia 16.4%, India 10.6%, Indonesia 7.3% (2012)
Ethiopia	China 13%, Germany 10.8%, US 8%, Belgium 7.7%, Saudi Arabia 7.6% (2012)	Ethiopia	China 13.1%, US 11%, Saudi Arabia 8.4%, India 5.4% (2012)
Gabon	Japan 24.1%, US 17%, Australia 11.3%, India 7.4%, China 5.4%, Spain 4.1% (2012)	Gabon	France 28.2%, China 12.6%, US 9.4%, Belgium 5.8%, Cameroon 4.3% (2012)
Gambia, The	China 57.1%, India 18.6%, France 4.6%, UK 4% (2012)	Gambia, The	China 27.6%, Senegal 8.5%, Brazil 8.1%, UK 6.4%, India 6.1%, Indonesia 4.1% (2012)
Guinea	India 10.6%, Spain 9.6%, Chile 9.4%, US 7.1%, Ireland 6.3%, Germany 6.3%, Ukraine 5.7%, France 5% (2012)	Guinea	China 14.2%, Netherlands 7.6% (2012)
		Kenya	India 20.9%, China 15.4%, UAE 9.8%, Saudi Arabia 6.9% (2012)
Madagascar	France 23.4%, China 6.6%, US 6.6%, Singapore 5.9%, Canada 5.5%, Germany 5.4%, Indonesia 5.3%, India 5.2%, South Africa 4.5% (2012)	Madagascar	China 17.7%, France 12.4%, South Africa 5.3%, India 5.1%, Mauritius 5%, Bahrain 4.7%, Kuwait 4.6% (2012)
Malawi	Canada 10.6%, Zimbabwe 9.3%, Germany 7.3%, South Africa 6.6%, Russia 6.5%, US 6.1%, China 4.2% (2012)	Malawi	South Africa 27%, China 16.6%, India 8.7%, Zambia 8.5%, Tanzania 5.1%, US 4.3% (2012)
Mali	China 52.9%, Malaysia 11%, Indonesia 5.3%, India 4.1% (2012)	Mali	France 11.2%, Senegal 9.9%, Cote d'Ivoire 8.7%, China 8.6% (2012)

Country	Exports — partners (%)	Country	Imports — partners (%)
Mauritania	China 50.5%, Italy 7.8%, Japan 7.3%, France 4.9%, Spain 4.2%, Cote d'Ivoire 4.1%, Netherlands 4% (2012)	Mauritania	China 12.9%, Netherlands 10.5%, US 7.8%, France 7.8%, Brazil 5.6%, Germany 5.5%, Spain 5.1%, Belgium 4.7% (2012)
Morocco	France 21%, Spain 17.3%, Brazil 5.4%, India 4.9%, US 4.6% (2012)	Morocco	Spain 13.1%, France 12.1%, China 6.9%, US 6.8%, Saudi Arabia 6.2%, Italy 5.1%, Russia 5%, Germany 4.9% (2012)
Mozambique	South Africa 31.3%, Belgium 12.8%, China 9%, Italy 7.9%, Spain 6.2%, India 5.8% (2012)	Mozambique	South Africa 30.5%, China 12.3%, India 11.6%, US 5.1%, Portugal 4.8%, Australia 4.5% (2012)
Niger	Nigeria 40.3%, US 17.2%, India 14.3%, Italy 8.6%, China 7.8%, Ghana 5.3% (2012)	Niger	France 14.4%, China 11.3%, Nigeria 10.1%, French Polynesia 9.2%, Togo 5.1%, Cote d'Ivoire 4.5% (2012)
Nigeria	US 16.8%, India 11.5%, Netherlands 8.6%, Spain 7.8%, Brazil 7.6%, UK 5.1%, Germany 4.9%, Japan 4.1%, France 4.1% (2012)	Nigeria	China 18.3%, US 10.1%, India 5.5% (2012)
Rwanda	Kenya 30.5%, Democratic Republic of the Congo 12.2%, China 12.1%, Malaysia 10.7%, US 5.8%, Swaziland 4.9% (2012)	Rwanda	Kenya 17.3%, Uganda 15.6%, UAE 8.9%, China 7.2%, India 5.6%, Tanzania 5%, Belgium 4.5%, Canada 4.1% (2012)
Sierra Leone	China 51.1%, Belgium 18.2%, Japan 7.7%, Turkey 4.8% (2012)	Sierra Leone	China 16.5%, India 10.2%, South Africa 7.6%, US 6.7%, UK 6.7%, Belgium 4.6% (2012)
		Somalia	Djibouti 27.3%, India 13.2%, Kenya 7.1%, China 6.7%, Pakistan 6.4%, Oman 5.1%, UAE 5%, Yemen 4.4% (2012)

Country	Exports — partners (%)	Country	Imports — partners (%)
		Sudan	Macau 18.1%, India 8.8%, Saudi Arabia 7.9%, Egypt 6.7%, UAE 5.2% (2012)
Togo	India 14.2%, Lebanon 10.6%, Burkina Faso 7.6%, Benin 7.5%, China 6.1%, Niger 5.8%, Netherlands 5.2%, Ghana 4.4% (2012)	Togo	China 40.4%, Netherlands 7.9%, France 5.4%, UK 5.3% (2012)
		Uganda	Kenya 15.6%, UAE 15.4%, China 12.8%, India 11.7%, South Africa 4.1%, Japan 4% (2012)
Zambia	China 43.4%, South Africa 7.2%, Democratic Republic of the Congo 6.7%, South Korea 5.4%, India 4.7%, UAE 4.3%, Egypt 4.1% (2012)	Zambia	South Africa 36.7%, Democratic Republic of the Congo 19.8%, China 10.4%, Kuwait 6% (2012)
Zimbabwe	China 21.1%, South Africa 15.1%, Democratic Republic of the Congo 12.1%, Botswana 10.8%, Italy 4.6% (2012)	Zimbabwe	South Africa 51.9%, China 10% (2012)

Source: World Bank, CIA

In the end, if BRICS succeed in strengthening their economic relationship with the developing nations, it is likely to be a win-win game in the South-South cooperation.

BRICS' Trade Patterns and International Developments

BRICS' trade patterns are influenced by a number of international trade agreements, some of which leave BRICS on the side. For example, the US has been advancing a bilateral FTA with the EU (through the high-standard Transatlantic Trade and Investment Partnership or TTIP) is expected to start this year. Depending on the final terms of the agreement, it may significantly ease the cooperation between the two most developed economies and increase

trade volume, although it would be surprising if it offsets the comparative advantage of BRICS' exports to the US.

Another agreement, known as the Trans-Pacific Partnership (TPP), includes Australia, Brunei, Chile, Malaysia, New Zealand, Peru, Singapore, Vietnam, and the US. These two partnerships will likely be significant in shaping the economic climate as its members account for more than half of total global trade and GDP. As result, BRICS may see the benefits from trade agreements within the block and with developing countries' rise significantly.

Certain steps have already been taken. For example, officially established this year, a New Development Bank will arguably offset the influence of the IMF and the World Bank¹². The bank will provide money for infrastructure and development projects in BRICS countries, but contrary to the IMF and the World Bank, will give each nation equal representation regardless of GDP. Whether the BRICS bank will break the dominance of the dollar and dollar-backed international lending institutions, remains the verdict of the future. As mentioned above, BRICS are far from a unified block.

It is evident that BRICS have gained economic strength in the global trade and investment space in the last decade. They have doubled their global FDI and turned particular attention to the African continent. They have established a common development bank, which could arguably counter-balance dollar-backed IMF and World Bank. From an economic standpoint, all can benefit from a sustained increase in global investment; however, it remains to be seen if BRICS will be able to act as unified group and successfully advance their economic and political interests.

¹ UNCTAD, *Global Investment Trends Monitor, Special Edition*, April 2013.

² As stated by P. Chidambaram, the minister of finance, in a speech presenting the Union Budget for the year 2013–2014 delivered to the parliament.

³ “Key Liberalisation Efforts in the BRIC Markets,” JP Morgan Investor Services (2013).

⁴ This may be interpreted as a positive trend in the economic development. However, there could be different reasons for this trend, not all of them signifying the steady increase of standards of living for an average Chinese or Russian citizen. Gini index, where index of 0 represents perfect equality, while an index of 100 implies perfect inequality are for Brazil — 54.7 (2009), China — 42.1 (2009), India — 33.9 (2010), Russia — 40.1 (2009), South Africa — 63.9 (2009), World Bank.

⁵ One clarification of this robust outward flow from Russia is that besides the zeal to explore creative production opportunities, the mundane tax evasive outflow is a big

precedent. Approximately \$63 billion left Russia last year and about \$51 billion in the first quarter of this year based on the central bank data, according to Bloomberg, <http://www.bloomberg.com/news/2014-05-05/russia-knows-europe-sanctions-ineffective-with-tax-havens.html>. It should be strongly suspected that tax evasion motive drove a sizeable portion of it.

⁶ “FDI stock to other BRICS account for only 3.2% of Indian outward stock, 2.2% of Chinese stock, 0.3% of Russian and Brazilian outward stocks,” UNCTAD, *Global Investment Trends Monitor, Special Edition*, April 2013

⁷ UNCTAD, *Global Investment Trends Monitor, Special Edition*, April 2013

⁸ “New Growth Drivers for Low-Income Countries: The Role of BRICs,” IMF, January 12, 2011

⁹ Latin America and the Caribbean have also shown slower growth and less appetite for imports, as they are a regional recipient of the sluggish US recovery.

¹⁰ It should be noted that trade deficit is not a negative outcome for the US economic prospects. Relatively stronger imports are indicative of robust domestic economic activity. The dynamics of this issue are beyond the analysis of this paper.

¹¹ African Development Bank, Blogs, <http://www.afdb.org/en/blogs/afdb-championing-inclusive-growth-across-africa/post/africa-and-the-brics-a-win-win-partnership-12098/>.

¹² Although it is commendable effort, it may not be realistic in the current environment.

Л. М. Григорьев

ХАРАКТЕР РАЗВИТИЯ БРИКС И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С РАЗВИТЫМ МИРОМ ОПРЕДЕЛИТ БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Мир XXI века формируется под воздействием огромной неравномерности на Земле — неравномерности в людях, ресурсах, образовании, капитале и военной мощи. В момент «Конца Истории» по Френсису Фукуяме оказалось, что люди — большие группы, страны, народы — не готовы к ее завершению. Их интересы не совпадают в целом ряде экономических, социальных и национальных аспектов, и они готовы действовать в своих интересах. При этом развитые страны с преобладающей мощностью не могут поддерживать устойчивость (контроль) на всем миром «достаточно дешево» чтобы не подорывать другие важные цели в своих странах или в глобальной повестке дня. Люди, страны, народы и их элиты (политические, финансовые, интеллектуальные) сталкиваются с неожиданно выросшей неопределенностью будущего, ресурсными и финансовыми ограничениями не только роста благосостояния, но и мира, идентичности.

Современная наука все большую место в успехе развития уделяет роли элит. Разумеется, элитам свойственны не только установки на реализацию больших национальных проектов, но и на заботы о сохранении своего положения. Тут есть разумеется, большие различия в положении старых традиционных элит развитого мира и новых элит. Последние еще заняты выводом своих стран на более высокие уровни развития, но не настолько укоренены в обществах, их симбиоз с демократическими институтами еще в процессе формирования.

Стоит различать объективные ограничения на пути к мировой конвергенции и наши представления и ожидания растущей однородности мира. Последние — то есть представления — были во многом подорваны несколькими явлениями последних десятилетий. Великая Рecessия показала ограниченность современной финансовой системы и резко затормозила экономический рост в странах ОЭСР, хотя, безусловно, подтолкнула научно-технический прогресс (например, в энергетике или медицине). В условиях шестилетнего периода

кризиса и трудного оживления в Европе (2008–2014 гг.) усталость семей, неопределенность для бизнеса, кризис бюджетов и долгов обострили социально-экономическую ситуацию. Усилились крайне правые в политике, националисты, иногда левые, сжались доступные ресурсы для бедных, несколько обеднел средний класс. В США социальное неравенство вернулось показателям 1920-х годов, хотя и при намного более высоком среднем уровне дохода. Внезапно открылась простая истина, что у обществ стран с развитой экономикой и демократией есть серьезные проблемы в социальном развитии. В этих условиях почти каждые выборы в демократических странах ведут к смене коалиций и правительств, что затрудняет стратегическое планирование и сокращает горизонт политических действий. Выбор в пользу решения мировых проблем и помощи развитию вошел в конфликт с нехваткой ресурсов для «своих бедных», «своего среднего класса». Выросла нервозность политических элит, склонность к спонтанным и силовым решениям, санкциям и действиям вне тех институтов глобального «управления» (global governance), как правовые и организационные системы ООН, которые сложились в послевоенный период и в общем способствовали миру и стабильности в тяжелый период «Холодной войны». Текущая эпоха в развитом мире характеризуется сложностью положения интеллектуального сообщества, поиском путей решения национальных и социальных проблем.

Политические события на Большом Среднем Востоке показали, что разрушение авторитарных режимов в условиях социально-экономической стагнации происходит намного «легче». Но восстановление роста и крайне затруднены после революций и требуют годы. Специальные исследования свидетельствуют о том, что нет также устойчивой тенденции перехода от авторитарных режимов к демократии. Некоторые страны сделали шаги в обратном направлении. Это обычно относится к странам, еще не вышедших в группу с устойчивым демократическим обществом при 20–25 тыс. долл. ВВП на душу населения и относительно низким неравенством (менее 25–27% доли дохода у самых богатых 10% населения).

А те страны, что преодолели барьеры и стали устойчиво демократическими, имеют, тем не менее, свои проблемы. Странам на постиндустриальной стадии не гарантированы ни постоянный рост, ни успех — они также должны адаптироваться к меняющимся условиям развития. Но их не так много на нашей планете — население этих стран

сокращается после второго демографического перехода, но пополняется мигрантами. Их собственное состоятельное население стареет, а большие группы остаются бедными, новые трудовые мигранты дают возможность заполнить нижние этажи социальной лестницы, но сами далеко не сразу могут приобрести статус и уровень жизни своей новой страны. Культурные различия огромны, взаимная адаптация больших групп населения — далеко не простая и в основном не решенная задача. Элиты этих стран сталкиваются с новыми сложными проблемами эпохи именно тогда, когда — недавно — казалось, что проблемы если не решены, то известно, как их решать. И глобальные проблемы человечества — от климата до бедности — остаются острыми. Реали таковы, что адекватного «governance» над мировым развитием, нет «governance» над политическим состоянием мира — в последние годы все стало нервно, неопределенность будущего выросла и нервирует элиты и раздражает гражданское общество.

Ловушка среднего уровня развития не отпускает многие страны — очень трудно достичь 10–15 тысяч долларов на душу населения, но оказалось не менее сложно выйти за 20–25 тысяч долл. В части рыночных реформ по докладу ЕБРД даже внутри ЕС в последние годы было сделано много шагов назад новыми членами Союза из ЦВЕ. В условиях медленного роста развитие либеральных рыночных реформ оказалось затруднительным, поскольку создает проблемы для бедной части общества, обремененной кризисом. Это происходит на фоне расширяющегося разрыва между примерно тридцатью богатыми и полусотней наиболее бедных стран.

В этой сложнейшей эпохе увеличивается ответственность за будущее как у ведущих развитых стран, так и у ведущих стран с формирующимися рынками (ранее — стран с переходной экономикой) и развивающимися странами. И если раньше страны БРИКС воспринимались просто как большие и быстро растущие, то теперь приходит более глубокое понимание их роли сейчас и в будущем, причем понимание как ими самими, так и наблюдателями. Страны БРИКС — это 40% мирового населения, значительная доля ВВП. Пусть они растут не так быстро, как раньше, но все-таки много быстрее стран ОЭСР, несмотря на замедление в Бразилии и в России. Не так важно, в каком именно году Китай обгонит США по ВВП, но очень важно, что доля стран ЕС будет существенно сокращаться, уступая Азии и Латинской Америки.

Также исключительно важно, что страны БРИКС все еще преодолевают стадию промышленного развития или ранние пост-промышленные стадии, оставаясь в лучшем случае в пределах 15 тыс. долл. ВВП на душу населения. Что их объединяет — во многом то, что отделяет их от развитых стран. Речь идет об уровне производительности труда и уровне технологий, применяемых (импортируемых) и производимых, особенно об уровне самостоятельно изобретаемых технологий. Речь идет об огромном неравенстве городов и сельских регионов, высоком уровне некоторых университетов при недостаточном (даже в России) образовании значительных групп населения. Преодоление барьеров, блокирующих выход стран БРИКС на уровень за 25 тыс. долл. ВВП на душу подразумевают меньшее неравенство, способность создавать собственные высокие технологий, более устойчивый средний класс и сильное гражданское общество. Это цели не на несколько лет, а скорее до середины века — на два поколения.

Фактор времени в развитии стран БРИКС носит исключительно важный характер. Повышение уровня образования, технологий, изменение социальной структуры общества не могут происходить мгновенно. Рыночная демократия формировалась два столетия (считая от Промышленного переворота) — наверстать этот путь можно быстрее, но не слишком быстро — очень много систем должно эволюционировать, а они меняются с разными скоростями. Скажем, общее начальное и даже среднее образование можно создать относительно быстро, а вот приобрести трудовую этику, компетенции в современных технологиях и управленческий капитал одновременно — это нетривиальная задача. Попытки ускорения трансформации также не всегда безобидны — вместе с социально-экономическими системами должны эволюционировать и политические институты, должны эволюционировать элиты.

Будущий мир формируется «Группой — 7» и странами ОЭСР, БРИКС и странами с развивающимися рынками в силу мощи и масштабов населения. Страны БРИКС и другие крупные развивающиеся стран не просто сами развиваются и формируют свои институты рынка и общества, но и оказывают огромное влияние на своих соседей по географической близости, а также по стадии развития, экономическим отношениям, историческим связям и партнерствам. Это влияние является естественным процессом интенсивного регионального общения. Даже принимая последние за конечную цель

своей трансформации как развитых демократических обществ, страны БРИКС решать сложные проблемы своего фактического уровня и характера развития, обеспечивая устойчивость и необратимость продвижения.

Тем самым мы живем в эпоху сосуществования двух (или более — зависит от дробности подхода) миров на разных стадиях развития. Объективное соревнование институтов отражает объективное различие условий. БРИКС идет от огромного неравенства, связанного с разными стадиями от раннего до позднего индустриального развития. Исключительный интерес представляют процессы трансформации общества, технологий, сохранения планеты при поддержании на этом пути баланса интересов крупных социальных групп.

В этом плане не всегда даже важен уровень душевого ВВП — важны расходы на человеческий капитал, НИОКР (медицина, образование, культура), инвестиции в оборудование и даже военные расходы — там, где сложные рабочие места и сосредоточено то, что меняет мир. Повторимся, что невозможно в эти общества внедрить ценности христианской цивилизации и демократии, которые стоят двух века развития (с провалами) и на более чем 25 тыс. долл. ВВП на душу. Странам БРИКС сначала надо уйти за 15 тыс. долл., вырваться из той полосы социально-экономического и политического развития, преодоление которой в Европе в 20 веке было столь нелегким и конфликтным. Речь идет о поэтапно «реализуемых целях и ценностях» — сначала уход от голода, потом от темноты и нищеты, потом от низкого образования и неравенства, потом уже трансформация от «автократических элит» к демократии!

Экономика — это только основа для человеческого существования, но на ее базе растут новые социальные институты. Этапы развития стран мира выражаются в росте образования и благосостояния по стратам. Личное потребление как таковое — это средство развития. Достижение населением Азии и Латинской Америки (их средним классом) типа и уровня потребления среднего класса США и ЕС может сделать мир неустойчивым в отношении климата, воды, продовольствия. Бедность, которая была важнейшей Целью Тысячелетия (программа заканчивается в 2015), в общем не отступила (кроме некоторых стран, как Китай и Индия), а несколько трансформировалась. Происходит переопределение как бедности, так и среднего класса. Бедные — даже преодолевшие барьер в два доллара в день —

не достигли достойного существования. А массовый средний класс развивающихся стран достиг соответствующего благосостояния. Но это не означает приобретение им менталитета традиционного среднего класса Европы, это не означает социального статуса, веса и роли, поскольку он очень новый и связан еще с бедностью в своих странах и даже частично в семьях. Он также связан с традиционно сложившимися социально-политическими режимами (особенно чиновничеством). Гражданское общество еще только находится в периоде становления, причем навсегда сохранит свою специфику. Конвергенция идет, но это не два-три схожих параметра, а тонкая ткань, которая требует времени, средств, труда и интеллекта, чтобы мир стал более однородным без потери идентичности участников процесса, уважения к многообразию культур, своеобразием социально-политических традиций. Простыми словами, конвергенция не может быть революционной!

Формирование будущего мира для 9,5 миллиардов людей — это во многом задача для стран БРИКС. Они, как и большая часть мира, находятся между двумя социально-политическими проблемами: бедностью и укоренившимися элитами. Первые требуют благосостояния, а политические и финансовые элиты пытаются решать проблемы дня без потери своего положения в обществе. Ограничение себялюбия элит и ограничение чрезмерного популизма — двойная задача мира. Ригидность социального неравенства после 1990 (даже ранее) может быть тормозящим фактором таких преобразований, так как при более высоком среднем уровне развития и образования, при информационной революции, громадное социальное неравенство прекрасно осознается сторонами и акторами социальных процессов. Это относится и к международным отношениям — мы видим, как решения проблемы защиты планеты от климатических изменений или, скажем, решение проблем Доха-раунда оказываются частью внутренних проблем стран и интересов их элит. Странам БРИКС придется использовать свои ресурсы для модернизации экономики и общества, во многом опираясь на взаимодополняемость своих экономик по сырьевым, финансовым, управленческим и интеллектуальным возможностям.

Существенные различия стран БРИКС и сходство их объективного положения означают необходимость поиска взаимодействия между собой, с окружающими их странами мира и со странами развитых

демократий. В большой степени это проблема взаимодействия элит, их взаимопонимания. Как либеральная демократия в развитых странах является результатом консенсуса элит (от «Славной революции» в Великобритании в XVII веке), так и глобальные отношения в обозримом будущем будут зависеть от способности элит к компромиссам и консенсусам. Видимо, простое распространение логики и правил нескольких ведущих элит развитых стран недостаточно для решения проблем мира, тем более, что в задачи этих ведущих элит входит как решение глобальных проблем, так и масса внутренних сложностей. Конечно, видно желание реализовывать собственные традиционные подходы, а при изменении ситуации менять их и действовать самостоятельно, а не в договоренностях с другими элитами. Мир в будущем мог бы быть более эффективным и устойчивым при сохранении традиционных управленческих структур (ООН и Бреттон-Вудские институты), которые можно и нужно реформировать под новые проблемы мира. Но устойчивость мирового развития будет скорее результатом конгломерата компромиссов и — желательно — консенсусов политических элит по принципам и пониманию мира, методам решений. Декларация стран БРИКС саммита в Форталезе 2014 г. является важным шагом в этом направлении. Реформы мировой финансовой и социально-экономической системы, решение глобальных проблем будут зависеть от прогресса во взаимопонимании людей, бизнеса, интеллектуалов и элит.

В любом случае странам БРИКС придется преодолевать технологический разрыв, внутренние социальные проблемы, сотрудничать в модернизации своих обществ и экономик. Здесь нужны более широкие контакты между гражданскими обществами, университетами. Страны Европейской традиции имеют общее культурное основание. Странам БРИКС нужно больше общего в литературе (перевод ключевых романов и исторических произведений на все языки группы), культуре, больше студенческого общения. Взаимопонимание интеллектуалов, как показала европейская традиция, совершенно необходимое звено в конвергенции мира и стран БРИКС — бюрократы и редкие «парадные» конференции ее не обеспечат. Гражданское общество стран БРИКС будет быстро развиваться вместе с экономической модернизацией и демократизацией политической жизни — оно станет важным средством взаимопонимания стран, деловых и политических элит.

ИНДИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ И ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Мировая система в начале третьего тысячелетия характеризуется формированием новых интеграционных объединений как противовеса биполярному и однополярному миру. Для определения этой тенденции французские политологи выдвинули термин «свободная геометрия мировой политики» («loose geometry of world politics»)¹, который определяет возможность активного участия любой страны одновременно в нескольких двусторонних и многосторонних группировках и объединениях. Заинтересованность в участии в новых формированиях проявляют государства различных категорий и масштабов, различного природного, экономического, людского, военного потенциала, относящиеся к разряду развитых и развивающихся стран, великие державы и сверхдержавы, соседние, сопредельные или расположенные в тысячах километров друг от друга (например, ИБСА — Индия — Бразилия — Южная Африка, или БРИКС — Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка).

Одна из ведущих стран мира, внешняя политика которой вписывается в каноны предложенного французскими политологами определения, — это Индия, которая является членом крупных глобальных объединений — ООН и Движения Неприсоединения (ДН), членом и наблюдателем в региональных организациях Шанхайской Организации Сотрудничества, Организации регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК) и Инициативе стран Бенгальского залива в области многосекторального технического и экономического сотрудничества (БИМСТЕК), развивает активное сотрудничество в рамках Россия — Индия — Китай (РИК) и Индия — Бразилия — Южная Африка (ИБСА) и относится к группе стран БРИКС.

В среднесрочном и долгосрочном контексте Индия приближается к статусу великой державы, соответствующему ее значительному людскому (второе место в мире после Китая по численности населения — более 1210 млрд человек²), природному, экономическому, политическому и военному потенциалу. Она играет существенную роль в складывающемся балансе мировых и региональных военно-политических и стратегических сил и де-факто является ядерной державой.

Индия последовательно утверждается в качестве одной из ведущих экономических держав мира с достаточно высокими темпами ежегодного прироста ВВП, который в 2010 г. составил 10.26%, в 2013 г. снизился до 4.35%, в 2014 г. — 5.41%³ (в перспективе — 7–8%⁴); подтверждает свои лидирующие позиции в производстве и экспорте продукции электронной промышленности, включая уникальные суперкомпьютеры, программное обеспечение для компьютеров и др., во многие страны мира (в том числе и в развитые индустриальные государства). Индийская фармацевтическая промышленность производит четверть всех мировых лекарственных препаратов. Укрепление военно-промышленного потенциала Индии базируется на ускоренном прогрессе экономики, развитии современных информационных технологий и использовании их для совершенствования вооружений. В докладе, подготовленном крупнейшими консалтинговыми компаниями «Найт Франк» и «Сити ПрайвэтБэнк», говорится, что к 2050 г. Индия станет крупнейшей экономикой мира, обогнав США и Китай, с объемом ВВП в 85,97 трлн долларов⁵.

Руководство Индии осознает, что утверждение в качестве ведущей мировой державы возможно лишь при условии принятия исключительных мер для борьбы с бедностью (29,8% населения по-прежнему находится за ее чертой), повышения уровня грамотности, максимального вовлечения населения страны в процессы производства и потребления, решения социальных проблем и др. Важным фактором стало бы повышение роли среднего класса, численность которого уже сегодня приближается к 400 млн. Необходимым условием можно считать укрепление внутривнутриполитической стабильности, базирующейся на основах демократии, способности противостоять угрозам сепаратизма и экстремизма, утверждения принципов федерализма, провозглашенных Конституцией Индии, международно признанной в качестве одной из самых совершенных конституций в мире.

При анализе геополитических позиций Индии индийские политики традиционно рассматривают мир вокруг Индии в виде трех стратегических концентрических колец. Первое кольцо охватывает непосредственных соседей страны; индийская стратегия в этом регионе преследует цель укрепления доминирующих позиций Индии в южноазиатском регионе и предотвращение вмешательства внерегиональных сил в отношении между странами Южной Азии. Второе кольцо — это расширенное соседство Индии в Азии и в зоне Индийского океана.

Здесь Индия стремится уравнивать влияние других государств и не допускать ущемления своих собственных национальных интересов. Третье кольцо — это вся мировая арена, где Индия стремится занять место одной из великих держав и играть ключевую роль в обеспечении международного мира и безопасности⁶.

Для успеха индийской стратегии утверждения лидерства в южноазиатском регионе необходимо, прежде всего, обеспечение региональной стабильности, которая непосредственно зависит от характера отношений Индии со странами первого стратегического кольца, гарантий безопасности со стороны ее непосредственных южноазиатских соседей.

Достижение региональных и глобальных стратегических целей Индии осложняется последствиями раздела южноазиатского субконтинента по религиозному признаку на Индию и Пакистан в 1947 г.; в 1971 г. по итогам вооруженного индо-пакистанского конфликта от Пакистана отошла Республика Бангладеш. Перманентное состояние конфликта между двумя ведущими странами Южной Азии обостряло отношения между двумя основными конфессиями на субконтиненте — индусами и мусульманами.

Основу индо-пакистанской конфронтации до сегодняшнего дня составляет несовместимость подходов к решению судьбы княжества Джамму и Кашмир со стороны претендующих на суверенитет над ним секуляристской Индии и мусульманского Пакистана. Кашмирская проблема уже стала причиной четырех (или «трех с половиной») войн — 1947–1948, 1965, 1971 и 1999 гг., и постоянное состояние напряженности, взаимной подозрительности и взаимного недоверия двух ведущих стран региона создает ощущение, что субконтинент постоянно находится на грани возникновения нового вооруженного противостояния. Положение в Кашмире затрагивает и интересы безопасности Китая, который, как считают в Индии, незаконно оккупирует часть территории штата Джамму и Кашмир в Ладакхе, в районе Аксай Чин.

Индия считает кашмирский вопрос в принципе решенным и обвиняет Пакистан в незаконной оккупации части территории индийского штата Джамму и Кашмир. Дели выступает категорически против любого внешнего участия в урегулировании кашмирской проблемы и осознает необходимость и право участия самого народа Кашмира в решении своей судьбы, выступая при этом против независимости Кашмира.

Пакистан, который солидарен с Индией в вопросе о независимости Кашмира, отошел от жесткой позиции признания необходимости проведения плебисцита под международным контролем в соответствии с резолюциями ООН и разрабатывает альтернативные варианты урегулирования проблемы. Обстановка в регионе серьезно осложнилась в связи с многолетним кровопролитием в Афганистане, ситуация в котором в силу многих объективных и субъективных факторов далека от стабильности, в особенности с учетом предстоящего в 2014 г. вывода с территории страны основного контингента войск США и стран НАТО. Общая ситуация в Южной Азии обострилась после перехода Индией и Пакистаном «ядерного порога» в мае 1998 года.

Что касается «внешней среды» кашмирской проблемы, то если в период «холодной войны» в этой зоне сталкивались (хотя не прямо, но косвенно) интересы глобальных (США) и глобально-региональных (СССР и Китай) держав, сегодня конфликт перешел скорее на региональный уровень и связан в большей степени с интересами Индии и Пакистана, в определенной степени Китая. И США, и Россия, и Китай заявили о поддержке двустороннего решения конфликта на основе Симлских соглашений 1972 г. Таким образом, сегодня внешние условия для урегулирования кашмирской проблемы можно считать вполне благоприятными. С благословения руководителей двух стран продолжается медленный процесс индо-пакистанских переговоров, направленных на укрепление взаимного доверия, возобновления торгово-экономических отношений, установления связей между кашмирцами, проживающими по обе стороны линии контроля. Премьер-министр пришедшего к власти в Индии правительства Нарендра Моди, сформированного в результате победы на всеобщих выборах Бхаратия Джаната партии, пригласил для участия в церемонии его инаугурации премьер-министра Пакистана Наваз Шарифа. В ходе состоявшейся беседы стороны отметили необходимость решать спорные проблемы путем двусторонних переговоров. Можно надеяться, что конфронтация из-за территориальной проблемы в отношениях с Пакистаном в той или иной форме будет преодолена, по крайней мере, противостояние не перерастет в открытый конфликт.

Китай занимает особое место в индийских внешнеполитических приоритетах. С точки зрения геополитической, его можно отнести к разряду стран, отношения с которым входят в понятие взаимодействия во всех трех концентрических кольцах. Китай является непо-

средственным соседом Индии; он расположен в границах второго кольца — расширенного соседства с Азией и зоной Индийского океана; наконец, Китай — великая держава мирового масштаба, один из ключевых игроков в обеспечении мира и безопасности на глобальном уровне.

Геополитическое соперничество двух азиатских гигантов на региональном уровне реализовалось в затяжном пограничном споре, накал которого в течение десятилетий колебался от подписания важных двусторонних документов — до прямого вооруженного столкновения вдоль границы в 1962 г. В результате длительных переговоров в 1993 и 1996 гг. были подписаны соглашения о мерах доверия вдоль границы; в начале третьего тысячелетия сторонам удалось договориться об отказе от урегулирования территориальных споров на основе правовых или исторических прецедентов и руководствоваться соображениями политического характера. В настоящее время оба правительства, да и общественность обеих стран, четко осознают, что урегулирование территориальной проблемы возможно лишь на основе взаимоприемлемых компромиссов.

Серьезным раздражителем в отношениях между Индией и Китаем остается тибетская проблема, пребывание Далай-ламы и десятков тысяч тибетских беженцев на территории Индии. Дели неизменно подтверждает признание Тибета неотъемлемой частью Китая, продолжает рассматривать Далай-ламу как религиозного лидера тибетцев и разрешает ему заниматься только такой деятельностью, которая соответствует этой роли. Китайская сторона относится к этим заявлениям с недоверием и подозревает Индию в пособничестве «тибетским сепаратистам». Концентрация в Тибете китайских войск, оснащенных самыми современными вооружениями, строительство дорог и развитие инфраструктуры расцениваются руководством Индии как реальная угроза безопасности ее границ.

Фактор Пакистана по-прежнему осложняет перспективы установления прочных стратегических связей между Индией и Китаем. Для Индии пакистано-китайское сотрудничество в военно-политической области воспринимается более болезненно, чем нерешенность пограничной проблемы с Китаем. Поэтому нормализация индийско-китайских отношений, которая носила бы необратимый характер, скорее всего, возможна лишь при условии прекращения пакистано-китайского сотрудничества в области ракетно-ядерных технологий.

Индия и Китай все чаще рассматриваются внешнеполитическими аналитиками в Дели как «долговременные конкуренты» в борьбе за обеспечение эффективного контроля за доставкой энергоносителей на пространстве от Ормузского пролива до пролива Малаккского. Сама Индия последовательно отстаивает свою ведущую геополитическую роль в Индийском океане, на «пространстве от Суэца до Сингапура», с чем Пекин, заинтересованный в бесперебойной доставке энергоносителей в Южно-Китайское море, согласиться не хочет.

Своеобразие сложившейся ситуации заключается в том, что между двумя крупнейшими геополитическими соперниками активно развиваются политические и торгово-экономические отношения. Уже сегодня объем двусторонней торговли составляет более 60 млрд долл. США; таможенная статистика приводит даже 73,9 млрд долл. в 2011 г.; в ближайшие годы эта сумма может возрасти до 100 млрд.⁷ После прихода в Индии к власти нового правительства, в сентябре 2014 г. состоялся визит в Дели председателя КНР Си Цзиньпина, в ходе которого стороны выразили готовность поднять на новый уровень отношения стратегического партнерства на основе взаимного доверия и углубления стратегических контактов и политического взаимодействия. Было подписано 12 двусторонних соглашений, и Китай намерен инвестировать в Индии 20 млрд долл США в течение пяти лет⁸.

В результате ослабления напряженности на границах, в сфере ее непосредственных стратегических интересов, Индия обретет уверенность в защищенности своей территории; ее руки будут развязаны для укрепления политических и экономических позиций в рамках второго и третьего стратегических колец: в Индийском океане, АТР, зоне АСЕАН и Центральной Азии. Выход Индии в ее внешнеполитических приоритетах за пределы второго кольца выводит ее на взаимодействие с крупнейшими мировыми державами — СССР/Россией и США, характер отношений с которыми во многом определяет геополитические позиции Индии на глобальном уровне.

В течение десятилетий США выступали в качестве геополитического союзника сначала Пакистана, а затем и Китая, с которыми у Индии складывались непростые отношения. Индия позиционировала себя в качестве друга СССР, что в условиях «холодной войны» ставило Дели и Вашингтон по разные стороны баррикад. США в кашмирском вопросе поддерживали позицию Пакистана, а разработка в Индии ядерной программы рассматривалась как прямая угроза безопасности

в регионе. В сложившейся ситуации подход Белого дома входил в противоречие с позицией Индии, стремившейся к сохранению территориальной целостности и гарантии своего права на ядерный выбор. Тем не менее, индийское руководство поддерживало отношения с Вашингтоном и заявляло о том, что страна является естественным союзником Соединенных Штатов.

Успешное осуществление экономических реформ, успехи Индии на мировой арене привели Вашингтон к пониманию необходимости выработки новых подходов к отношениям с Дели. Вашингтон поддержал позицию Индии в вооруженном конфликте с Пакистаном в Каргиле в 1999 г., отменил введенные против Индии санкции в связи с ядерными испытаниями 1998 г., расширил возможности сотрудничества в области высоких технологий, оказал Индии политическую поддержку в борьбе против терроризма и отошел от безоговорочной поддержки Пакистана в кашмирском вопросе. Индия, со своей стороны, поддержала администрацию Буша по ряду международных проблем, способствовала осуществлению операции в Афганистане, поддержала антииранскую резолюцию в МАГАТЭ. Индия была заинтересована в изменении характера отношений с США ради укрепления своих глобальных позиций и усиления влияния в отношениях с другими великими державами, прежде всего с Китаем, с учетом того, что «китайский синдром» продолжает играть существенную роль во внешне-политических позициях Индии. Да и Вашингтон был заинтересован в том, чтобы предотвратить развитие слишком тесных контактов между Пекином и Дели. Расширился и круг общих интересов Индии и США: борьба с терроризмом и исламским радикализмом, утверждение демократических ценностей, обеспечение безопасности морских путей. Активно развиваются и торгово-экономические отношения. Если сравнивать отношения Индии с США в контексте взаимодействия Вашингтона с другими государствами БРИКС, можно отметить, что Россия является активным критиком внешней и экономической политики США; Бразилия и Китай, которые в значительной степени интегрированы в американскую экономику, гораздо осторожнее. В связи с явной активизацией индо-американских отношений в последнее время, Индия вряд ли готова принимать участие в каких-либо альянсах на антиамериканской основе.

Важным этапом в развитии американо-индийских отношений стало подписание в 2005–2006 гг. американо-индийской «ядерной сделки»,

которая открыла путь к сотрудничеству с Индией в области мирной ядерной энергетики. Обе стороны пошли на определенные уступки: США скорректировали жесткость подхода к проблеме нераспространения ядерного оружия; Индия согласилась разделить свои ядерные программы на мирные и военные и взять на себя некоторые обязательства по нераспространению. Создается впечатление, что США пошли на эту сделку для того, чтобы создать отношения подлинного альянса с Индией, продемонстрировав, таким образом, понимание возрастающей роли Индии в современной политике.

Сотрудничество и взаимодействие России и Индии на международной арене, общность или близость позиций по основным проблемам двусторонних, региональных и глобальных отношений складываются на основе сформировавшихся в течение последних шести десятилетий советско/российско-индийских отношений, которые развивались от стратегического союзничества на первом этапе к привилегированному стратегическому партнерству постконфронтационного периода.

К концу 1980-х годов сотрудничество между Москвой и Дели охватывало практически все стороны жизни обоих государств — внешнюю политику, оборону, экономику, науку и технику, культуру, туризм и т. д. Активно развивались политические отношения, регулярно проходили встречи на высшем уровне, в ходе которых подтверждалась приверженность советско-индийской дружбе и сотрудничеству, а на международной арене Индия и СССР выступали с общих или близких позиций по самым сложным и актуальным проблемам современного мира. Развивались отношения в торгово-экономической и научно-технической областях, в сфере культуры и образования. Этот позитивный процесс был на время осложнен в связи с распадом Советского Союза и трудностями первого периода становления российской государственности и внешней политики.

Российско-индийские отношения сегодня являются важным приоритетным направлением внешней политики обеих стран. Сохраняется общность в подходах к решению таких проблем, как утверждение принципов секуляризма, демократии и плюрализма, сохранения территориальной целостности государств. Большое значение придается сотрудничеству в вопросах построения многополярного мира; борьбе с международным терроризмом; Россия и Индия сотрудничают в вопросах предотвращения распространения оружия массового поражения, несмотря на сохраняющиеся различия в подходах к практиче-

ским сторонам решения этой проблемы. Россия поддерживает усилия Индии по достижению статуса постоянного члена Совета Безопасности ООН; развивается трехстороннее сотрудничество России, Индии и Китая, а также отношения в формате ШОС и БРИКС.

С середины 1960-х годов СССР становится основным поставщиком военной техники и снаряжения в Индию и вплоть до своего последнего часа остается главным поставщиком оружия и военной техники в Индию. В середине 1990-х годов индийская армия на 70 % была оснащена военной техникой советского или российского производства, военно-воздушные силы — на 80 %, военно-морские силы — на 85 %.

Вслед за подписанием Договора о дружбе и сотрудничестве между РФ и Индией в 1993 г. в декабре 1994 г. была подписана Долгосрочная программа по военному и техническому сотрудничеству, действие которой постоянно продлевается. По российским технологиям в Индии производятся истребители Су-30МКИ, сверхзвуковые крылатые ракеты БраМос, танки Т-90С, ведется совместная разработка перспективного многофункционального истребителя пятого поколения.

16 ноября 2013 г. Россия передала Индии авианосец «Викрамадитья», который был сооружен на основе модернизации специалистами производственного объединения «Севмаш» (Северодвинск) авианосца крейсера «Адмирал Горшков», приобретенного индийской стороной у России в конце 1990-х годов. 7 января 2014 г. авианосец прибыл к побережью индийского штата Карнатака. Индии уже переданы современные самолеты и вертолеты; пилоты проходят обучение на электронном тренажере; российские и индийские специалисты готовят авианосец к интеграции его в состав ВМС Индии. В 2003 г. был подписан Протокол о российском содействии в строительстве в Индии АЭС Куданкулам в штате Тамилнаду. В 2010 г. завершилось сооружение двух блоков суммарной мощностью 2 ГВт; было подписано соглашение о строительстве дополнительных четырех энергоблоков. Планируется строительство атомной станции и в Западной Бенгалии. В будущем намечается строительство 16 объектов ядерной энергетики в трех районах Индии, причем шесть из них — между 2012 и 2017 гг. К сожалению, в последнее время возникли сомнения в возможности осуществления столь широких планов в развитии ядерной энергетики Индии: после катастрофы на «Фукусима-1» активисты антиядерного движения, жители деревень, расположенных вблизи АЭС Куданкулам, организовали широкие демонстрации протеста против строи-

тельства и пуска ядерных объектов на территории Индии. Индийское правительство не может не считаться с такими выражениями протеста против развития атомной энергетики, хотя и не собирается отказываться от планов ее создания.

Индия обладает пятым по величине энергетическим рынком в мире, что предопределяет широкие возможности для российско-индийского сотрудничества в топливно-энергетической сфере. Подписаны контракты на сотрудничество в освоении и реконструкции нефтяных месторождений в штате Ассам, в западной части Бенгальского залива, обсуждаются планы совместной разработки нефтяных месторождений в Баренцевом море. Сделка между ведущей индийской нефтяной компанией «ONGC-Videsh», «Роснефть-Сахалин» и «Сахалинморнефте-газ-Шельф» явилась крупнейшим инвестиционным проектом индийской компании за рубежом и крупнейшей сделкой России по продаже акций иностранной компании.

Торгово-экономические отношения между Индией и Россией в наибольшей степени пострадали от распада СССР: доля СССР в советско-индийском торговом обороте на момент распада страны составляла примерно 70 %, и его объем равнялся 5,5 млрд долл. В 2002–2003 гг. товарооборот снизился до 1,3 млрд долл. В настоящее время он составляет около 11 млрд долл., и к 2015 году его предполагается увеличить как минимум до 20 млрд долларов.

Отношения с Индией занимают важное место во внешнеполитических приоритетах России. Они носят уникальный характер с точки зрения масштабов сотрудничества, уровня взаимного доверия и взаимопонимания, готовности делиться самыми новейшими достижениями в различных областях — от космоса, самой современной военной техники и достижений в области современных информационных технологий — до обмена культурными и цивилизационными ценностями. Регулярно проходят встречи на высшем уровне, стороны продолжают активно сотрудничать в таких проектах, как РИК, ШОС, БРИКС.

Индия сегодня это самодостаточная великая региональная держава, которая семимильными шагами движется в сторону признания ее великой глобальной державой, которая сохраняет свою способность принимать самостоятельные решения, которая готова ради обеспечения своих национальных интересов диверсифицировать свои связи в самых различных областях — начиная с развития торгово-экономического и военно-технического сотрудничества и кончая

договоренностями о поставках ядерных материалов. Индия последовательно демонстрирует готовность и способность проводить собственную политику и вряд ли будет действовать под чьим-нибудь влиянием вопреки своим собственным интересам.

Индия, как и остальные страны БРИКС, выступает за демократизацию мировой финансовой системы; она расценивает страны БРИКС как фактор роста и стабильности и считает необходимым укрепление двустороннего сотрудничества между ними для выработки их «коллективного мнения» по важным международным вопросам.

Энергетическая безопасность может служить платформой для выработки общих взглядов стран БРИКС на эту мировую проблему с учетом того, что Россия — крупнейший производитель энергоносителей, Китай и Индия — крупнейшие потребители; Бразилия предпринимает серьезные усилия для создания альтернативной энергетики, и в этом направлении возможно ее сотрудничество с Индией, где осуществляются такого же рода разработки и все шире используются солнечная энергия и биотопливо⁹.

Приоритетными для Индии в рамках БРИКС являются также борьба с терроризмом; важно и то, что лидеры стран БРИКС высказываются за необходимость реформирования ООН.

Анализируя опыт участия Индии в международных объединениях ШОС и СААРК, РИК и БРИКС, можно заметить, что, по крайней мере, в трех из них Индия тесно сотрудничает с Россией, во всех четырех в равном качестве участвует Китай и в одном из них — в СААРК — Индия располагает реальной возможностью влиять на процесс принятия решений. Учитывая, что в ведущих объединениях Индия и Китай «обречены» на совместное участие, фактор Китая будет и впредь влиять на региональные и глобальные позиции Индии.

¹ Cook David. Paul Virillo: the Politics of «Real Time»//Articles: a119/ 1/16/2003/ www.ctheory.net/articles.aspx?id=360

² India 2013. A Reference Annual. Publication Division.//Ministry of Information and Broadcasting. Government of India. 2013. P. 7.

³ Statista 2014//www.statista.com/statistic/263617/gross-domestic-product-dgp-gross-rate-in

⁴ URL:www.business-standard.com 09.03/13

⁵ The Wealth Report 2012. Knight Frank. Citi Private Bank. A Global Perspective on Prime Property and Wealth. P. 11.

⁶ Мохан Раджа. Индия и политическое равновесие//Россия в глобальной политике. № 46. VII–VIII.2006.

⁷ Поддерживаемые между Китаем и Индией отношения имеют особое значение//Россия 2013–05–20//<http://www.cntv.ru/2013/05/20>

⁸ Подписаны ключевые сделки между Китаем и Индией// РИА «Респект-Ньюс». 19.09.2014.

⁹ Toledo Demetrio. Prospects of Scientific Cooperation Amongst BRIC: Energy, Development and S.T&I Collaboration in Biofuels/BRIC in the New World Order. Perspectives from Brazil, China, India and Russia.Ed/by Nandan Unnikrishnan, Samir Saran. ORF, New Delhi. 2010. P. 111–117.

А. Д. Чеков

УСПЕХИ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ ГЛОБАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО. ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОГРАММЫ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА «ГРУППЫ ВОСЬМИ»

Создание и миссия Глобального партнерства.

Первоначальные цели программы

Программа Глобальное партнерство против распространения оружия и материалов массового уничтожения (далее — ГП) была создана государствами «группы восьми» 27 июня 2002 г. на саммите в г. Кананаскис (Канада). Реализация данной программы была рассчитана на 10 лет, в течение которых суммарный объем ее финансирования составил 21 млрд долларов США¹.

Ключевой причиной создания ГП послужили опасения относительно того, что оружие массового уничтожения может попасть в руки террористов, резко усилившиеся после событий 11 сентября 2001 г. В этих условиях государства-члены «группы восьми» сочли необходимым продемонстрировать свое единство в стремлении противодействовать этой угрозе.

В период зарождения программы угроза распространения оружия и материалов массового уничтожения (далее — ОМУ) особенно остро исходила с территории постсоветского пространства, в целом, и, из России, в частности. После распада СССР Российская Федерация унаследовала львиную долю советских арсеналов ОМУ и связанных с ними объектов инфраструктуры. В трудных экономических условиях перед Россией встал целый спектр задач по обеспечению безопасности и ликвидации советских запасов ОМУ и решению целого ряда сопутствующих задач. В этой связи первоочередной фокус программы был направлен на реализацию проектов по уменьшению этих рисков на территории РФ. За 10 лет (с 2002 по 2012) работы на проекты ГП в России было выделено около 70% из всех средств, израсходованных в рамках реализации программы². На саммите в Канаскисе были выделены четыре приоритетных направления сотрудничества в рамках осуществления проектов ГП в России: уничтожение химического оружия, утилизация атомных

подводных лодок, утилизация оружейных ядерных материалов, трудоустройство ученых, работавших в области военных ядерных технологий³. Из них львиную долю финансирования получили первые два.

Говоря о появлении у «большой восьмерки» механизма по противодействию угрозам распространению, следует выделить несколько ключевых моментов. Во-первых, до появления ГП «группа восьми» практически не имела обязательств в области противодействия распространению ОМУ⁴. В то же время востребованность такого формата сотрудничества в «большой восьмерки» была очевидна. Практически все государства «группы восьми» располагают высокоразвитыми технологиями в области уменьшения угроз распространения оружия и материалов массового уничтожения. Однако не все из них могут в одиночку реализовывать такие проекты, в первую очередь, по финансовым причинам. В этой связи объединение технических и финансовых усилий стало логичным шагом для государств «большой восьмерки» и значительно усилило их потенциал по противодействию угрозам, связанным с ОМУ.

Во-вторых, программа изначально создавалась в условиях существования альтернативных форматов сотрудничества в области ликвидации ряда угроз распространения ОМУ, в основе которых лежало российско-американское двустороннее сотрудничество. Такие форматы, как программа Нанна-Лугара и Глобальная инициатива по снижению угрозы отчасти пересекались с ГП по спектру решаемых задач. Тем не менее, механизмы ГП органично встроились в ряд существующих форматов по противодействию распространению ОМУ, зачастую расширяя их потенциал за счет предоставления финансирования и технологий⁵.

Основные успехи Глобального партнерства

С возникновением Глобального партнерства у «группы восьми» появился многообещающий механизм по аккумулярованию как финансовых средств, так и технологий для укрепления режима нераспространения. За десять лет, на которые первоначально была рассчитана программа, она успела зарекомендовать себя как один из самых эффективных форматов сотрудничества по борьбе в распространением ОМУ.

За время функционирования программы, государства-члены ГП выделили огромное количество средств для решения проблем ОМУ в России и на постсоветском пространстве, а так же в третьих странах. При участии ГП были уничтожены 192 российские атомные подводных лодки, выведенные с баланса вооруженных сил, а также большая часть

российского химического оружия; проведены работы по укреплению физической защиты мест хранения ядерных и радиологических материалов; прошли переквалификацию и получили новую работу около 90 тыс. специалистов по ОМУ⁶.

ГП стало ключевым форматом сотрудничества в области нераспространения в рамках Группы восьми. Данная программа была и продолжает оставаться эффективным и по-настоящему уникальным международным форматом взаимодействия — несмотря на то, что ГП в первую очередь создавалось как программа для оказания помощи России, ее реализация имеет поистине глобальный масштаб. Так, механизмы ГП применялись при уничтожении химического оружия в Ливии и Албании, для противодействия био-угрозам, исходящих с Африканского континента, при обучении специалистов в области экспортного контроля по всему миру, а также при реализации целого ряда других мер по борьбе с распространением ОМУ⁷.

Среди самих государств-участников ГП серьезные противоречия в оценках результатов программы также отсутствуют. Так, в последней на данный момент оценке деятельности ГП, опубликованной по итогам саммита «группы восьми» в Довиле в 2011 г., отмечаются «существенные» успехи программы, а также «подлинное «партнерство»» при реализации проектов в рамках Глобального партнерства⁸. Немаловажным доказательством успешности программы представляется привлеченность участия в ней для третьих государств⁹ — на сегодняшний день, кроме стран «большой восьмерки», в ГП входят еще 20 государств.

Реализация ГП помогла решить львиную долю задач по ликвидации по ликвидации российских запасов ОМУ, тем самым успешно реализовав свою изначальную цель. При этом опыт работы этого уникального механизма удалось успешно применить не только в России и на постсоветском пространстве, но и в других проблемных регионах, что также позволяет высокой эффективности программы.

Ключевые проблемы в реализации Глобального партнерства

Несмотря на успешную реализацию ГП, стоит выделить ряд проблем, связанных с программой. В первую очередь, необходимо отметить, что далеко не все государства-члены ГП выполнили свои финансовые обязательства в рамках программы. Согласно расчетам экспертов Королевского Объединённого института оборонных исследований, к 2010 г. только США и Россия полностью покрыли свои

первоначально-объявленные обязательства. Реальные взносы остальных участников программы не превысили 70% от заявленной суммы, а в случае Франции и Италии составили менее 20% от нее¹⁰. К моменту окончания десятилетнего периода действия программы данная картина практически не изменилась.

Другие проблемы были связаны с практической реализацией проектов ГП в России. Во-первых, развитию проектов ГП в России препятствовала проблема доступа иностранных граждан на российские режимные объекты¹¹. Во-вторых, российские приоритеты в рамках программы отличались от приоритетов США и других доноров. Российское руководство придавало первоочередное значение завершению проектов на территории РФ, в связи с чем препятствовало расширению географии программы и появлению новых реципиентов¹². Ключевые доноры, в свою очередь не спешили выделять средства на реализацию проектов в России, апеллируя либо к отсутствию необходимости оказания ей помощи в связи с восстановлением российской экономики, либо к внутриполитическим ограничениям на осуществление помощи¹³.

В этой связи между Россией и другими донорами возник раскол относительно будущих перспектив ГП. Москва стремилась добиться от государств-членов программы подтверждения их обязательств по приоритетному окончанию проектов на территории РФ. Данные противоречия удалось разрешить путем включения таких обязательств в текст итоговой декларации саммита «группы восьми» в Довиле (Франция) в 2011 г.¹⁴ что открыло путь к дальнейшему развитию программы после 2012 г.

Таким образом, ключевые проблемы в ходе реализации ГП были связаны с расширением географии программы и выполнением обязательств по ее финансированию. Если первый вопрос удалось успешно решить, при этом удовлетворив интересы всех сторон, то второй продолжает оставаться ключевым «узким местом» программы. Тем не менее, недостаток финансирования со стороны отдельных государств-членов ГП в целом не сказался на реализации программы, т. к. его удалось компенсировать за счет почти трехкратного увеличения российского взноса в ГП¹⁵.

Продление Глобального партнерства. Будущее программы

Несмотря на то, что взгляды государств-участников ГП на будущее программы различались, они были единодушны в вопросе о ее продлении. Сознывая, что изначальный десятилетний период действия

инициативы не исчерпывает ее потенциал, на саммите Группы восьми в Довиле (Франция) в 2011 г. было принято решение о продлении действия ГП. Тогда же сменились приоритетные направления программы реализации программы — среди таковых в Довильском документе были названы ядерная, радиологическая и биологическая безопасность, трудоустройство задействованных в чувствительных областях ученых, а также содействие в выполнении третьими государствами резолюции Совета Безопасности ООН 1540¹⁶.

Тем не менее, уже на саммите в Довиле в дальнейшую реализацию программы был заложен существенный процент неопределённости. В первую очередь, под вопросом оказалось финансирование программы. На данный момент лишь некоторые государства-члены ГП сделали односторонние заявления о планах по ассигнованию средств на реализацию проектов в области противодействия распространению оружия и материалов массового уничтожения после 2012 г. При этом стоит отметить, что в Довильской декларации, в отличие от декларации, принятой в Кананаскисе, не зафиксирован какой-либо объем предполагаемого финансирования программы.

Сегодня можно констатировать, что главная изначальная цель ГП практически выполнена — почти все проекты программы, направленные на борьбу с проблемами распространения ОМУ в России завершены. Существует потенциал для применения механизмов программы в других регионах (Ближний Восток, Юго-Восточная Азия, Ближний Восток, Африка южнее Сахары), однако пока он используется недостаточно.

В условиях, когда ГП имеет дефицит практического наполнения, а перспективы дальнейшего развития программы четко не определены, сегодняшний кризис «группы восьми», вызванный событиями на Украине, может оказать на программу серьезное негативное влияние. Первые отголоски этого влияния проявились в марте 2014 г. — Украина, будучи членом ГП, заблокировала совместное заявление государств-участников на Гаагском саммите на ядерной безопасности. Из-за прекращения сотрудничества государств «семерки» с Россией в формате «группы восьми» не состоялись встречи членов Рабочей группы по глобальному партнерству, запланированные на май и октябрь 2014 г.

Тем не менее, заявлять, что все контакты в рамках Рабочей группы по ГП, являющейся ключевым координационным органом программы, полностью прекращены, будет неправильно. Так, 4 апреля 2014 г., уже после официального объявления о приостановке сотрудничества госу-

дарств «семерки» с Россией в рамках «группы восьми», стало известно очередном расширении ГП — 28-м членом программы стала Испания. Можно предположить, что приостановка сотрудничества существенно не отразилась на деятельности ряда органов Рабочей группы по ГП, в частности, подгруппы по вопросам расширения.

Так же с суверенностью можно сказать, что приостановка сотрудничества с Россией в рамках «группы восьми» не приведет к отказу от реализации текущих проектов ГП, как на территории России, так и в других странах. Заинтересованности в таком развитии ситуации сегодня нет ни у России, ни у других членов группы. В то же время координация этих программ под влиянием кризиса, несомненно, ухудшится, что может привести к увеличению временных и финансовых затрат, необходимых для их выполнения. При этом реализация каких-либо новых несогласованных проектов в рамках ГП будет невозможна в условиях фактического прекращения сотрудничества между Россией и другими государствами «группы восьми». Особенно туманными становятся перспективы претворения в жизнь новых проектов в регионе постсоветского пространства. Отсутствует определенность относительно того, согласится ли Россия на дальнейшее участие в проектах Глобального партнерства на территории Украины. Под сомнение ставятся планы по дальнейшей реабилитации Семипалатинского полигона, а также другие проекты в Центральной Азии, которые сегодня не могут быть реализованы без участия России.

Все вышеописанные трудности во много являются результатом того, что ГП находится под «зонтиком» Группы восьми. Уже достаточно длительное время ведутся разговоры относительно предоставления программе большей самостоятельности, либо через полное отсоединение формата от группы, либо через его «экспорт» в «группу двадцати». В свете нынешнего кризиса этот вопрос приобретает особенную актуальность. В частности, российская сторона считает, что ряд вопросов, касающихся биологической безопасности, можно будет рассмотреть в рамках саммита «двадцатки» в г. Брисбен (Австралия), запланированного на ноябрь 2014 года¹⁷. Такие шаги представляются рациональными — они будут способствовать приданию ГП большей устойчивости и меньшей политизированности, что будет особенно целесообразно, если не удастся возобновить полноценное сотрудничество в рамках «группы восьми».

Еще одной проблемой является тот факт, что в случае затяжного кризиса Группы восьми программа может потерять свою привлекательность

как в глазах стран-реципиентов, так и в глазах стран-доноров. Такая ситуация еще больше затруднит или полностью сведет на нет координацию действий государств-членов ГП в области борьбы с распространения ОМУ. Это, в свою очередь, резко снизит возможности Глобального партнерства по исполнению своей основной цели — аккумулярованию средств и технологий для реализации проектов в области нераспространения.

* * *

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что если негативное влияние украинского кризиса на взаимодействие в рамках «группы восьми» не позволит в краткосрочной перспективе возобновить полноценное сотрудничество в рамках ГП, то эту инициативу будет рационально вывести из компетенции «восьмерки» и превратить в отдельный международный механизм. Членам «группы восьми», которые являются главными донорами для инициативы ГП, необходимо прийти к согласию относительно того, готовы ли они и дальше развивать тесно скоординированное сотрудничество по укреплению режима нераспространения в условиях политического кризиса между Россией и остальными странами «восьмерки». От этого решения напрямую зависит судьба такого уникального механизма, как Глобальное партнерство.

¹ G8 Global Partnership. US Department of State. 2012. URL: <http://www.state.gov/t/isn/184759.htm>

² Бужинский Е. П. Уроки программы Нанна—Лугара и Глобального партнерства // Индекс Безопасности. Весна 2014. № 1 (108). С. 147.

³ Statement by G8 Leaders: The G8 Global Partnership Against the Spread of Weapons and Materials of Mass Destruction. Kananaskis, Canada, U. S. Department of State. <http://www.state.gov/documents/organization/184977.pdf>

⁴ Единственная инициатива «группы восьми», затрагивавшая проблемы нераспространения ОМУ до появления ГП, касалась утилизации российского оружейного плутония (см. Heyes Alan, Wyn Q. Bowen, Hugh Chalmers. The Global Partnership Against WMD. Success and Shortcomings of G8 Threat Reduction Since 9/11. RUSI. Whitehall Paper. 19 Oct 2011. p. 15).

⁵ См. Müller, Harald and others. Non-proliferation ‘Clubs’ vs. the NPT. Swedish Radiation Safety Authority. 2014. p. 42

⁶ Heyes, Alan. The Global Partnership on WMD: A Work in Progress. Arms Control Today. April, 2013. http://www.armscontrol.org/act/2013_04/The-Global-Partnership-on-WMD-A-Work-in-Progress

⁷ Полный список проектов, при осуществлении которых применялись механизмы ГП, приведен в Дополнении к Объединенному годовому отчету Рабочей группы по Глобальному партнерству за 2012 г. (См. Global Partnership Working Group — GPWG Annual Report Consolidated Report Data 2012. Annex. U. S. Department of State. 88p. URL: <http://www.state.gov/documents/organization/208032.pdf>)

⁸ G8 Global Partnership — Assessment and Options for Future Programming. US Department of State. 2011. URL: <http://www.state.gov/t/isn/gp2013/rls/docs/184761.htm>

⁹ Возможность присоединения к программе третьих стран была впервые обозначена в декларации о запуске ГП, принятой на саммите «группы восьми» в Кananаскисе в 2002 г (см. Statement by G8 Leaders: The G8 Global Partnership Against the Spread of Weapons and Materials of Mass Destruction. US Department of State. 2002. URL: <http://www.state.gov/documents/organization/184977.pdf>). Первые государств, не являющиеся членами «большой восьмерки», присоединились к ГП в 2003 г.

¹⁰ Heyes Alan, Wyn Q. Bowen, Hugh Chalmers. The Global Partnership Against WMD. Success and Shortcomings of G8 Threat Reduction Since 9/11. RUSI. Whitehall Paper. 19 Oct 2011. p. 31.

¹¹ Бужинский Е. П. Уроки программы Нанна—Лугара и Глобального партнерства // Индекс Безопасности. Весна 2014. № 1 (108). С. 148

¹² Akbulut, Hakun. The G8 Global Partnership: From Kananaskis to Deauville and Beyond. Austrian institute of International Affairs. Working Paper 67. March, 2013. URL: http://www.oip.ac.at/fileadmin/Unterlagen/Dateien/Arbeitspapiere/AP_67_HA_Global_Partnership.pdf. p. 13

¹³ Müller, Harald and others. Non-proliferation ‘Clubs’ vs. the NPT. Swedish Radiation Safety Authority. 2014. p. 49

¹⁴ Paragraph 78 / Deauville G8 Declaration: Renewed Commitment for Freedom and Democracy. White House. May 26–27, 2011. URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/uploads/deauville_declaration_final_-_eng_8h.pdf

¹⁵ К 2010 г. Россия выделил на проекты ГП 5,6 млрд долларов США вместо двух изначально запланированных (см. Heyes Alan, Wyn Q. Bowen, Hugh Chalmers. The Global Partnership Against WMD. Success and Shortcomings of G8 Threat Reduction Since 9/11. RUSI. Whitehall Paper. 19 Oct 2011. p. 31)

¹⁶ Paragraph 78 / Deauville G8 Declaration: Renewed Commitment for Freedom and Democracy. White House. May 26–27, 2011. URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/uploads/deauville_declaration_final_-_eng_8h.pdf

¹⁷ Луков: можно констатировать, что «восьмерки» нет. РИА-Новости. 15 Апреля 2014 г. URL: <http://ria.ru/interview/20140415/1003890572.html>

ЧАСТЬ III

СОВРЕМЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

ПОДХОДЫ ШОС К ВОПРОСАМ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ И УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ

Тенденции развития современных международных отношений, в которых на первый план выходят такие тревожные тренды, как усиление факторов нестабильности; рост конфликтного потенциала; обострение противоборства за геополитическое и геоэкономическое влияние и за доступ к энергоресурсам, а также к маршрутам их доставки; расширение спектра вызовов и угроз национальной и региональной безопасности; подъем национализма и нетерпимости, — подтверждают актуальность задачи дальнейшего укрепления Шанхайской организации сотрудничества. Равно как и актуальность основного приоритета деятельности ШОС — сотрудничества по обеспечению региональной безопасности и стабильности, по противодействию терроризму, сепаратизму, экстремизму, наркотрафику, другим видам трансграничной организованной преступности, использованию информационно-коммуникационных технологий в деструктивных целях.

В числе целей и задач ШОС ее Хартия предусматривает «взаимодействие в предотвращении международных конфликтов и их мирном урегулировании» (статья 1). При этом и в Хартии (статья 2), и в Договоре о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2007 года (статья 2) подчеркивается императивность разрешения разногласий мирным путем, руководствуясь Уставом Организации Объединенных Наций и общепризнанными принципами международного права [1].

Хартия дает государствам-членам ШОС основание откровенно высказывать общую позицию по наиболее острым международным и региональным проблемам и конфликтам, излагать свое видение путей их разрешения. В итоговых документах саммитов ШОС, заседания СМВД, встреч секретарей советов безопасности, совещаний министров обороны содержатся принципиальные подходы шести стран к таким проблемам, как афганское урегулирование, ситуация в Сирии, иранская ядерная программа, нестабильность в регионе Северной Африки и Ближнего Востока.

ШОС работает над совершенствованием инструментария, который может потребоваться не только в случае всплеск межгосударственных конфликтов, но и в случае возникновения самого разного рода взрывоопасных ситуаций. Принятое в 2009 г., а затем дополненное в 2012 году Положение о мерах политико-дипломатического реагирования на ситуации, ставящие под угрозу мир и безопасность в регионе предусматривает целый комплекс различных невоенных, несиловых действий, включая оказание государству, в котором произошла нештатная ситуация, разноплановой помощи. Но даже эти действия имеет в виду предпринимать только с согласия «терпящей бедствие» стороны, без какого бы то ни было давления и тем более вмешательства в ее внутренние дела.

В Договоре о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве закреплены принцип нерушимости границы и отказ от одностороннего военного превосходства в сопредельных районах, провозглашается решимость государств-членов ШОС превратить границы друг с другом в рубежи вечного мира и дружбы. На этом основании заявляется о намерении государств-членов ШОС «активно прилагать усилия к укреплению доверия в военной области в приграничных районах» (статья 4)[2].

Положения своих уставных и иных документов о содействии в урегулировании споров, существующих на евразийском пространстве и в Центральной Азии, ШОС до сих пор активно не использовала. Вместе с тем не будет преувеличением сказать, что договоренности, которые достигаются на шосовской площадке: встречи лидеров — официальные и неформальные, контакты, которые осуществляются между всеми сторонами в постоянном режиме, дискуссии, которые ведутся на заседаниях ее органов, само существование ШОС — все это является важным фактором поддержания региональной стабильности, предотвращения эскалации существующих в регионе проблем. В этом, пожалуй, основная ценность и заслуга ШОС: это объединение предметно занимается главным образом предупреждением возникновения проблем в сфере безопасности, укреплением взаимного доверия на обширном пространстве от западных границ России до побережья Тихого океана.

Вместе с тем есть все основания полагать, что в ближайшие годы ШОС может сделать ряд шагов в плане практического раскрытия заложенного в ней потенциала предупреждения и урегулирования конфликтов.

Упомянутая выше статья 4 шосовского Договора о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве фактически открывает возможность для существенного прогресса в деле реального укрепления доверия и безопасности в регионе. В этом контексте уместно вспомнить о том, что явилось базой для включения этой статьи в текст Договора. Речь идет о мерах доверия, которые были разработаны Россией и Китаем и по сей день успешно осуществляются пятью странами, которые впоследствии составили «шанхайскую пятерку» и сформировали костяк ШОС.

В 1990 году СССР и КНР подписали Соглашение о руководящих принципах взаимного сокращения вооруженных сил и укрепления доверия в районе границы. Это было поистине прорывное, инновационное соглашение, юридически закрепившее фундаментальный принцип взаимной равной безопасности. В соответствии с данным соглашением обе стороны обязались сократить численность своих войск вдоль границы и установить численные ограничения для частей, остающихся в оговоренной пограничной зоне после сокращения. В документе было зафиксировано, что вооруженные силы сторон в районе границы должны иметь структуру, которая позволяла бы им выполнять исключительно оборонительные функции и не давала бы возможности совершать внезапное нападение против другой стороны и вообще осуществлять наступательные операции.

Статья 2 Соглашения вводила другую важную норму — принцип асимметричных сокращений. Он предусматривал возможность для обеих сторон сочетать взаимные сокращения с односторонними. Страна, обладавшая военным превосходством на том или ином участке границы, должна была производить более глубокие сокращения.

Приступать к сокращениям Советский Союз и Китай договорились, начиная с наступательных компонентов (статья 3). Сокращения надлежало осуществлять в согласованных географических районах (статья 4).

Москва и Пекин условились создать двусторонний механизм контроля и проверки (статья 5) и заняться выработкой мер укрепления доверия в военной области (статья 6), что в дальнейшем и было сделано.

Наконец, соглашение содержало еще одно важнейшее положение: при осуществлении сокращений вооруженных сил и вооружений, а также в процессе реализации предусмотренных соглашением мер доверия стороны обязались соблюдать статус-кво в отношении линии прохож-

дения границы [3]. Таким образом, вопросы делимитации границы и укрепления доверия в районе границы были с самого начала разведены.

Соглашение было ратифицировано и в СССР, и в КНР, вступило в силу и стало краеугольным камнем взаимного доверия и сотрудничества двух стран в области безопасности на годы вперед. Сегодня, два десятилетия спустя, оно продолжает действовать. Совместная контрольная комиссия, сформированная в соответствии со статьей 5 данного соглашения, проводит регулярные заседания, осуществляет контроль за его выполнением и разрешает вопросы, возникающие в процессе его имплементации.

Советско-китайское соглашение 1990 года — хороший пример того, как два государства, в течение длительного времени находившиеся в состоянии конфронтации, проявили политическую волю и решили проблемы безопасности на границе мирно, политико-дипломатическими средствами, путем переговоров, на основе принципа равной безопасности.

В дальнейшем положения этого соглашения были развиты Россией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном и Китаем, которые в середине 90-х годов XX века решили придать советско-китайским договоренностям о сокращении вооруженных сил и укреплении доверия 1990 года более широкий, региональный характер. К этому моменту между бывшими государствами Советского Союза и КНР были успешно завершены переговоры по границе (Россия и Китай уже подписали соответствующие соглашения, переговоры между КНР и другими соседями находились в стадии завершения [4]). Москва и Пекин вывели двусторонние отношения на уровень стратегического партнерства. Тесное сотрудничество развивалось между Китаем и государствами Центральной Азии. В этих условиях в апреле 1996 года в Шанхае главами упомянутых государств было подписано Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой об укреплении доверия в военной области в районе границы.

Новое соглашение не было повторением прежнего, и дело не только в составе участников. В нем появились новые по сравнению с советско-китайским соглашением 1990 года моменты. В частности, стороны договорились о нижеследующем:

- вооруженные силы стран-участниц не должны осуществлять военную деятельность, создающую угрозу для других сторон, либо подрывающую спокойствие и стабильность в районе границы;

- страны-участницы не должны проводить военные учения, направленные против какой-либо другой стороны;
- страны-участницы должны ограничивать масштабы, географические районы и частоту проведения военных учений;
- страны-участницы обмениваются информацией о количестве войск и вооружений сторон в 100-километровой зоне вдоль границы;
- страны-участницы информируют друг друга о крупномасштабной военной деятельности либо о перемещениях войск, вызванных чрезвычайными ситуациями;
- страны-участницы должны приглашать наблюдателей других сторон на проводимые ими военные учения;
- страны-участницы должны принимать меры для предотвращения опасной военной деятельности;
- необходимо развивать дружественные обмены между офицерами и солдатами вооруженных сил стран-участниц соглашения, несущими службу в рядах регулярных вооруженных сил и пограничных войск.

Особое значение имела статья 7 соглашения, в которой стороны заявляли о своей приверженности принципу нерушимости границ и обязались сохранять статус-кво на границе до достижения окончательного всестороннего урегулирования пограничных вопросов[5].

Реализация данного соглашения способствовала созданию редкого для современных международных отношений климата взаимного доверия между четырьмя постсоветскими государствами и Китаем. Оно проложило путь к подписанию год спустя, в апреле 1997 года, в Москве Соглашения между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы [6].

С тех пор стороны неукоснительно соблюдают свои договорные обязательства. Идет работа по дальнейшему углублению мер доверия и совершенствованию системы контроля за выполнением соглашений 1996 и 1997 гг. Изучается возможность внедрения многосторонних механизмов контроля с использованием современных технологий.

Как представляется, ШОС могла бы обеспечить распространение мер укрепления доверия в военной области на районы границ между центральноазиатскими государствами-членами организации, у которых еще сохраняются проблемы в двусторонних отношениях, а в случае

расширения ШОС — и на ее новых членов. Кроме того, было бы полезно шире распространять опыт реализации согласованных в рамках пяти государств мер доверия, который оказался весьма продуктивным, на международной арене, в частности, в диалоге между ШОС и партнерскими многосторонними объединениями в АТР и за его пределами. Тем самым ШОС могла бы внести конкретный и серьезный вклад в упрочение безопасности в Евразии, в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в мире в целом.

Другой вектор возможного приложения усилий ШОС в сфере безопасности — миротворчество. Чтобы понять, насколько велик потенциал ШОС в вопросах укрепления безопасности и конфликтного урегулирования, следовало бы внимательно рассмотреть возможности, которые открывает перед «шестью» сотрудничество с Организацией Объединенных Наций. В марте 2010 года была подписана Совместная декларация о сотрудничестве между секретариатами ШОС и ООН. В ней, помимо прочего, отмечается важность взаимодействия на различных уровнях по вопросам, касающимся международного мира и безопасности, в соответствии с главой VIII Устава ООН. «Это сотрудничество, — подчеркивается в декларации, — могло бы охватывать такие области, как предотвращение и урегулирование конфликтов; борьба с терроризмом; предотвращение распространения ОМУ и средств его доставки; борьба с транснациональной преступностью...» [7].

Как известно, глава VIII Устава ООН, в частности, его статья 52 гласит, что «настоящий Устав ни в коей мере не препятствует существованию региональных соглашений или органов для разрешения таких вопросов, относящихся к поддержанию международного мира и безопасности, которые являются подходящими для региональных действий, при условии, что такие соглашения или органы и их деятельность совместимы с целями и принципами Организации» [8]. Более того, данная статья прямо обязывает членов Организации, заключивших такие соглашения или составляющих такие органы, «приложить все свои усилия для достижения мирного разрешения местных споров при помощи таких региональных органов до передачи этих споров в Совет Безопасности».

18 сентября 1998 года была принята резолюция 1197 СБ ООН, призывавшая поддерживать региональные и субрегиональные инициативы, а также укреплять координацию между ООН и этими организациями в области предупреждения конфликтов и поддержания мира. Многие

исследователи считают принятие этой резолюции Совета Безопасности важнейшей вехой в развитии практики ооновского миротворчества[9].

За последние годы неоспоримый вклад ШОС в обеспечение безопасности и стабильности на пространстве Евразии и активное участие стран шосовской «шестерки» в деятельности ООН привели к заметному расширению взаимодействия по линии ООН-ШОС. В резолюции 67/15 Генассамблеи ООН «О сотрудничестве между ООН и ШОС», принятой 14 февраля 2013 года, говорится: «Генеральная Ассамблея ООН..., отмечая, что Шанхайская организация сотрудничества стала важнейшей региональной организацией для рассмотрения вопроса о безопасности в регионе во всех его аспектах..., подчеркивает важную роль ШОС в деле обеспечения мира и устойчивого развития, содействия развитию регионального сотрудничества, укрепления добрососедских отношений и взаимного доверия».

Свидетельством признания роли ШОС можно считать и приглашение Генерального секретаря ШОС на ежегодные встречи Генерального секретаря ООН с руководителями высших исполнительных органов региональных организаций, на которых среди прочих обсуждаются вопросы взаимодействия между ООН и региональными объединениями в вопросах предотвращения и урегулирования конфликтов.

Таким образом, у ШОС есть законное право и реальная возможность для налаживания сотрудничества с ООН по широкому кругу направлений, том числе и в вопросах миротворчества. ШОС как международная региональная организация, претендующая на весомую, если не ключевую роль в вопросах безопасности и сотрудничества в своем регионе, должна быть объективно заинтересована в том, чтобы ООН в соответствии с главой VIII Устава делегировала ей полномочия по решению соответствующих профилю Организации задач в области поддержания регионального мира, безопасности и стабильности.

Возможно ли осуществление Шанхайской организацией сотрудничества миротворческих задач? При рассмотрении этого вопроса уместно обратить внимание на другие международные организации, которые, как пишет российский дипломат и ученый В. Ф. Заемский, «сформировали собственные концепции миротворчества в конфликтных регионах и доктрины миротворческих операций» [10]. В данном контексте интересно было бы бросить взгляд, в частности, на Содружество независимых государств и Африканский союз как объединения, схожие с ШОС по целому ряду параметров. Данные организации, как

и ШОС, являются не оборонными альянсами, а многопрофильными региональными межгосударственными объединениями. Тем не менее, они придают важное значение совместным усилиям по обеспечению регионального мира и безопасности и плотно вовлечены в миротворческую деятельность. За последние годы в рамках СНГ и Африканского союза были сформированы эффективные механизмы для осуществления собственных и гибридных ОПМ. Обе организации энергично работают в интересах создания условий для прекращения насилия и разрешения конфликтов.

Предупреждение и разрешение конфликтов на территориях государств-участников СНГ является одним из приоритетов в его деятельности практически с момента основания. Готовность государств Содружества к приложению миротворческих усилий отражена в Алмаатинской декларации 1991 г., Декларации о неприменении силы или угрозы силой во взаимоотношениях между государствами-участниками СНГ 1992 г. и в Ашхабадской декларации о развитии сотрудничества и укреплении доверия в отношениях между государствами-участниками СНГ 1993 г. В рамках СНГ созданы Коллективные миротворческие силы, которые за минувшие годы осуществили ряд успешных операций по поддержанию мира, в частности в зоне грузино-абхазского конфликта и в Таджикистане.

До образования в 2002 г. Африканского союза его предшественница — Организация африканского единства — не располагала миротворческими возможностями. Только в начале 2000-х гг. были приняты необходимые нормативные документы — концептуальный манифест «Архитектура мира и безопасности в Африке» и Протокол об учреждении Совета мира и безопасности, а также созданы Африканские резервные силы. Это позволило Африканскому союзу активно включиться в миротворчество на континенте. Были развернуты ОПМ в Судане, Сомали, Центральной Африканской Республике, Смешанная миссия АС и ООН в Дарфуре.

Сегодня многие региональные организации заявляют о готовности выполнять миротворческие функции, однако в большинстве случаев дальше заявлений дело не идет. В реальной жизни наиболее активным игроком на этом поле является НАТО. В то же время практика показывает, что миротворческие усилия Североатлантического альянса (а их объектом все чаще становятся регионы, расположенные за пределами зоны ответственности НАТО) подчас носят односторонний характер,

нередко идут вразрез с международно-правовыми нормами и принципами международного гуманитарного права, вследствие чего далеко не всегда бывают конструктивными и приветствуются в мире. Список политических претензий к Североатлантическому альянсу в этой его ипостаси весьма обширен [11]. С учетом этого обстоятельства, когда вера мирового сообщества в честное брокерство США и НАТО тает на глазах, у многих возникает вопрос: не стоит ли диверсифицировать состав участников регионального миротворчества?

Конфликтов в мире, увы, не становится меньше. В одиночку ООН едва ли сможет справиться с задачей удовлетворения растущих потребностей в миротворческих операциях, тем более многокомпонентных ОПМ. Поэтому роль региональных организаций в деле миротворчества со временем будет только возрастать.

Создание и развитие миротворческого потенциала в рамках ШОС могло бы способствовать решению нескольких задач.

Прежде всего, это важно для самой ШОС как свидетельство намерения ШОС и впредь играть роль полноформатной международной региональной организации и брать на себя широкие полномочия по поддержанию мира и безопасности в своем регионе, а может быть и за его пределами.

Во-вторых, наличие у ШОС собственного миротворческого инструментария полностью отвечало бы характеру и масштабам угроз безопасности и тенденциям их эволюции на современном этапе. В известном смысле такой механизм в арсенале ШОС мог бы играть сдерживающую роль в отношении латентных локальных конфликтов в зоне ее ответственности.

Очевидным преимуществом ШОС служит то обстоятельство, что его членами являются Россия и Китай — постоянные члены Совета Безопасности ООН, крупные державы, обладающие солидными финансовыми возможностями, военными и военно-техническими ресурсами и богатым опытом участия в ОПМ. Именно Россия и Китай могли бы взять на себя основное бремя организации и финансирования шосовских миротворческих операций. Ведь не секрет, что одна из главных причин неготовности региональных организаций брать ответственность в сфере миротворчества заключается в их финансовой слабости [12].

Не должно смущать и наличие аналогичных функций у других региональных организаций, действующих на общем с ШОС или частично

пересекающемся географическом пространстве, — СНГ, ОДКБ, ОБСЕ, ЕС, НАТО. В случае конфликта в этом регионе у вовлеченных в него сторон имелся бы более широкий выбор в отношении того, чьими миротворческими услугами воспользоваться. Общеизвестно, что в силу ряда причин ШОС обладает высоким авторитетом и притягательной силой, рассматривается все большим числом государств и многосторонних организаций как удобная площадка для координации действий в вопросах обеспечения региональной безопасности.

Тесное сотрудничество ШОС с ООН, ОДКБ, СНГ — а со всеми этими организациями ШОС заключила документы о сотрудничестве — дало бы возможность взаимодействовать и в вопросах миротворчества, осуществлять смешанные ОПМ. Гипотетически не является «табу» и сотрудничество этих организаций в будущем — разумеется, когда для этого сложатся соответствующие условия — с ЕС и НАТО.

Наконец, обретение в своей деятельности такого направления, как миротворчество, стало бы важным новым содержанием взаимодействия между ООН и ШОС, вкладом в укрепление комплекса возможностей системы ООН и международного сообщества в целом по реагированию на острые военно-политические кризисы. ШОС объективно хорошо подходит для роли партнера ООН в проведении как параллельных, так и интегрированных миротворческих операций.

Естественно, вопрос о развитии Шанхайской организацией сотрудничества собственного миротворческого потенциала, равно как и о практических шагах по укреплению доверия в военной области в районе границ между государствами-членами ШОС, решать им самим. В настоящее время в рамках ШОС такой дискуссии пока не ведется. Однако такую перспективу следовало бы обозначить в Стратегии развития ШОС до 2025 года, которую планируется разработать и принять на саммите Организации летом 2015 года в Уфе. Трудно не согласиться с мнением части экспертов стран ШОС о том, что акцент на содействии урегулированию конфликтов, миротворчестве и укреплении доверия в военной области может стать одним из магистральных векторов превращения ШОС в сообщество безопасности и даже лечь в основу создания в будущем новой системы безопасности в Евразии. Логично в этой связи предположить, что настрой государств-членов ШОС на укрепление широкого спектра механизмов обеспечения региональной безопасности и кризисного реагирования способен уже в ближайших годы вывести Шанхайскую организацию сотрудничества в число наи-

более влиятельных и эффективных межгосударственных объединений, прежде всего в такой важной сфере, как международная безопасность.

Литература

1. Хартия ШОС, www.sectesco/RU123/show.asp?id=86
2. Договор между государствами-членами ШОС о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, www.infoshos.ru/?id=22
3. Соглашение между Правительством СССР и Правительством КНР о руководящих принципах взаимного сокращения вооруженных сил и укрепления доверия в районе советско-китайской границы // Сборник российско-китайских договоров 1949–1999 гг., М., Terra-спорт, 1999, сс. 81–83.
4. В апреле 1991 года СССР и КНР подписали соглашение о границе на ее восточном участке, в сентябре 1994 было подписано соглашение о западном участке границы. В апреле 1994 года аналогичное соглашение о прохождении линии границы подписали Китай и Казахстан. Соглашения по границе Китая с Киргизией и Таджикистаном были заключены в августе 1999 года. Завершающим «аккордом» стало подписание в 2004 году российско-китайского соглашения, урегулировавшего вопрос о линии границы на двух участках, которые были изъяты из советско-китайского соглашения 1991 года — в отношении островов в районе Хабаровска и на реке Аргунь.
5. Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой об укреплении доверия в военной области в районе границы // Сборник российско-китайских договоров 1949–1999 гг., М., Terra-спорт, 1999, сс. 365–372.
6. Сборник российско-китайских договоров 1949–1999 гг., М., Terra-спорт, 1999, сс. 385–392.
7. Совместная декларация о сотрудничестве между секретариатами Шанхайской организацией сотрудничества и Организацией Объединенных Наций, www.infoshos.ru/?id=68
8. Устав ООН, www.un.org/ru/documents/charter/index.shtml
9. Заемский В. Ф. «ООН и миротворчество. Курс лекций», М., «Международные отношения», 2012, с. 124.
10. Заемский В. Ф., указ.соч., с. 123.
11. Бартош А. А. О потенциале миротворчества НАТО, ЕС и ОДКБ // Вестник Академии военных наук. № 3 (16), 2006.
12. Все государства-члены юридически обязаны выплачивать свои доли расходов на операции по поддержанию мира в соответствии с особой формулой. Одна-

ко, как и в случае со многими другими бюджетами ООН, эти деньги выплачиваются несвоевременно, результатом чего является хронический дефицит миротворческого бюджета. По состоянию на 1 января 2008 года львиную долю средств на содержание миротворцев выделяют индустриально-развитые государства. США обеспечили 26% этого бюджета, Япония — 17%, Германия — 9%, Великобритания — 8%, Франция — 7%, Италия — 5%, Канада, Испания и Китай — по 3%. Россия обеспечила 1% миротворческого бюджета. («Современное миротворчество. Коллекция фактов», rulit.org/read/565).

НАТО ПОСЛЕ КРЫМСКОГО КРИЗИСА: АЛЬТЕРНАТИВЫ ДЛЯ АЛЬЯНСА

Европейское политическое пространство высоко институционализировано. Следуя либеральной аргументации, необходимо признать, что функционирование достаточно большого количества международных институтов вносит позитивный вклад в обеспечение стабильности и предсказуемости в отношениях между государствами Европы. В то же время, в среде тех институтов, которые являются по совместительству международными организациями и чьи функции частично совпадают, имеет место конкуренция за политическое влияние, финансовые ресурсы, внимание и поддержку со стороны ведущих государств [11, 383]. В жёсткой конкурентной среде международные организации оказываются вынуждены демонстрировать и подтверждать собственную эффективность и значение.

Внимание аналитиков, изучающих тенденции развития европейской сферы безопасности традиционно обращено к таким институтам, как НАТО, ОБСЕ, в известной мере ЕС. Присутствие конкуренции между ними было особенно заметно на рубеже 80–90-х гг. XX столетия, когда в связи с прекращением «холодной» войны определялись контуры европейского порядка. В указанный период Соединённые Штаты выступали за сохранение НАТО, несмотря на состоявшийся в 1991 г. роспуск Организации Варшавского договора. Администрация Дж. Буша-ст. поддержала идею умеренной «политизации» альянса, настаивая на том, что его членом должна быть объединившаяся ФРГ. Советский Союз высказывался за придание особой роли Совещанию по безопасности и сотрудничеству в Европе (предшественник ОБСЕ). Соответствующие предложения легли в основу плана Шеварднадзе — Динсбира [1, 215–216]. В то же время политика французского президента Ф. Миттерана была нацелена на ускорение развития европейской интеграции. Последний отводил критическую роль в обеспечении безопасности континента реформированному Европейскому Экономическому Сообществу (ЕЭС). Однако ввиду того, что явный перевес тогда был на стороне Соединённых Штатов, НАТО со временем смогла претендовать на роль основного института в европейской архитектуре

безопасности, пройдя три раунда расширения и фактически вытеснив Россию из поля европейской политики. Более того, уже в XXI веке обозначились глобальные амбиции альянса на то, чтобы фактически исполнять функции «военного крыла либерального мира», осуществляя свою деятельность в отдалённых от Европы регионах.

В то же время состояние и перспективы Североатлантического альянса накануне разрастания политического кризиса в Республике Украина оставляли желать лучшего. Близилась к окончанию военная миссия НАТО в Афганистане. Указанная операция была высоко оценена американским экспертом С. Слоэном как «революционное» доказательство свершившегося факта адаптации альянса к вызовам постбиполярного мира [12], однако по её итогам общим местом стали утверждения о недостатке эффективности в деятельности НАТО, а также сплочённости союзников. По различным причинам ставилась под сомнение целесообразность сохранения поддерживаемой Соединёнными Штатами ориентации альянса на проведение экспедиционных миссий [8,1]. Сведение к минимуму задач, выполняемых НАТО за пределами своей непосредственной сферы ответственности способствовало бы сокращению её глобальной роли и с новой силой ставило перед общественностью стран Северной Америки и Европы сложный вопрос о назначении альянса. По мере того как как внимание европейской публики всё более отвлекалось от проблем национальной безопасности, переключаясь на социально-экономические сюжеты, слабее становился интерес к деятельности Организации Североатлантического договора, что приводило к недостатку знаний, особенно в молодёжной среде, о миссии альянса [7]. Сам президент Соединённых Штатов Б. Обама в силу возраста не принадлежал к поколению тех политических деятелей, основные этапы карьеры которых пришлись на период биполярного противостояния, тесно связавшего между собой политические элиты стран Северной Америки и Западной Европы. Во внешнеполитической сфере президентство Обамы скорее всего запомнится провозглашением политики «разворота к Азии», вызвавшей в европейских странах опасения по поводу того, что они могут быть брошены на произвол судьбы своим ключевым союзником. Основной проблемой в отношениях между США и их партнёрами по НАТО стал вопрос распределения коалиционных издержек в связи с тем, что подавляющее большинство европейских стран направляло на оборонные нужды менее обговоренных 2 процентов ВВП. Такие важные союзники Ва-

Вашингтона как Франция, ФРГ, Соединённое Королевство планировали дальнейшее сокращение военных расходов. Ввиду отсутствия возможностей заставить своих партнёров тратить больше, Вашингтон поддержал идею более рационального использования выделяемых средств. Эта идея легла в основу инициативы альянса «Умная оборона», официально принятой на чикагском саммите НАТО в мае 2012 г. В рамках данной инициативы отдельными группами стран был запущен целый ряд совместных проектов в приоритетных для альянса сферах военного взаимодействия. Однако в связи с перспективой расширения подобных проектов у союзников Вашингтона появились опасения по поводу своих возможностей к поддержанию национального суверенитета в такой важной сфере как обеспечение обороны.

В создавшихся условиях последовавшее за сменой власти в Киеве присоединение Россией Крымского полуострова было охарактеризовано генеральным секретарём Организации Североатлантического договора как «перелом», нечто коренным образом меняющее развитие ситуации [14]. Вопросы безопасности вновь встали на повестку дня в Европе и нашли своё отражение на первых полосах газет. У организации появился шанс снова заявить о себе, доказав свою значимость в привычной для себя стратегической обстановке, требующей укрепления обороны территории стран-членов.

Несмотря на то, что реакция «коллективного Запада» на российскую политику в отношении Украины отнюдь не на всех этапах могла характеризоваться как консолидированная, а разногласия между союзниками нередко носили публичный характер, в формате НАТО удалось выработать согласованный ответ.

Во-первых, руководство Организации Североатлантического договора заявляет о том, что военная реакция альянса на действия России не рассматривается в качестве альтернативы. Объясняется это тем, что Украина не является членом НАТО и, соответственно, у альянса отсутствуют официальные обязательства по обеспечению её безопасности [2]. В Соединённых Штатах нашлись критики данного решения, указывавшие на то, что подобные заявления могут стать причиной излишней самонадеянности российского руководства, провоцируя его на дальнейшие военные авантюры [9].

Во-вторых, начиная с 1990 г. Североатлантический альянс переживал процесс трансформации, одним из элементов которого стало приращение данной организации черт политического форума для проведения

консультаций по актуальным вопросам безопасности, в первую очередь с Российской Федерацией. Достижению этой цели должно было служить создание Совета Россия — НАТО. Объявив 1 апреля 2014 г. о временном прекращении гражданского и военного сотрудничества альянса с Россией, руководство НАТО на словах оставило открытой дверь для политических дискуссий на высшем уровне. В то же время, обращает на себя внимание то обстоятельство, что так же, как и по итогам Грузинской войны 2008 г., после Крымского кризиса Совет Россия — НАТО не стал дипломатическим каналом, используемым для урегулирования проблем европейской безопасности. Предложение Москвы о проведении заседания данного совета накануне президентских выборов в Республике Украина было встречено одобрительно, однако реальных действий за тем не последовало. На фоне неспособности альянса стать реальной ареной для обмена мнениями и выработки совместных решений для поддержания безопасности в Европе, НАТО всё большее значение в своей деятельности придаёт усилиям по укреплению коллективной обороны.

В-третьих, по итогам Крымского кризиса акцент был сделан на обеспечении безопасности государств на восточных рубежах альянса. Так, ещё в начале марта США дополнительно направили 12 бомбардировщиков F-16 в Польшу, а также 6 бомбардировщиков F-15 и два самолёта — заправщика KC-135 для усиления противовоздушной обороны прибалтийских государств [5]. Позднее Великобритания, Франция, Дания и Польша также внесли свой вклад в усиление группировки истребителей в Прибалтике. На фоне интенсификации патрулирования воздушного пространства на российских границах и присутствия кораблей ВМФ США в Балтийском и Чёрном морях, стали регулярно проводиться военные манёвры государств альянса в странах Балтии (Saber Strike 2014, BALTOPS 2014). Министр обороны РФ Сергей Шойгу в телефонном разговоре со своим американским коллегой Чаком Хейглом, состоявшемся 29 апреля 2014 г., назвал «беспрецедентным» рост военной активности сил США и НАТО на российских границах [6]. В то же время страны Балтии, чьё положение характеризуется географической близостью к России и проживанием на их территории русскоязычных меньшинств, составляющих значительную долю населения, настаивали на постоянном военном присутствии союзников. В конце марта министр иностранных дел Польши Радослав Сикорский предлагал разместить на территории страны боевые формирования

государств альянса [10]. Вопрос о постоянном американском присутствии в Восточной Европе по-прежнему обсуждается, однако Б. Обама уже обратился к конгрессу с просьбой выделить дополнительно один млрд долл. на усиление военного потенциала региона, как и обещал во время визита в Польшу 3–4 июня 2014 г [3]. В то же время, постоянное военное присутствие войск США и других союзников в Прибалтике может оказаться более экономичной альтернативой частой переброске сил для организации патрулирования и проведения регулярных масштабных учений.

Ожидается, что общие контуры «новой парадигмы» отношений с Россией окончательно определятся в ходе предстоящего саммита НАТО, назначенного на 4–5 сентября 2014 г. Безусловно, Соединённые Штаты, как государство, признаваемое лидером в Североатлантическом альянсе, предпримет усилия, чтобы воспользоваться создавшейся ситуацией для того, чтобы укрепить роль НАТО в сфере безопасности в Европе и заставить своих европейских союзников пересмотреть решения об урезании военных бюджетов. В то же время, необходимо указать на целый ряд сдерживающих факторов, которые будут противодействовать «возвышению» Североатлантического альянса.

Дефицит американского лидерства

Присоединение Россией Крымского полуострова было воспринято в США не только как акт агрессии и грубое нарушение установленных правил, определяющих поведение государств на международной арене и поддерживаемых Вашингтоном и его европейскими союзниками, но, прежде всего, как явный вызов американскому лидерству и достоверности американских гарантий безопасности своих союзников по НАТО. Выше упоминалось о том, что политика России в отношении Украины вызвала опасения в Польше и странах Балтии, выразившиеся в просьбах о принятии дополнительных мер по укреплению безопасности последних. Таким образом, действия, предпринятые на сегодняшний день Вашингтоном можно считать логичной попыткой предоставить требуемые от них доказательства решительности и способности США защитить своих союзников. В то же время, администрация Б. Обамы, по всей видимости, не разделяет пристрастия предыдущей администрации к участию в военных авантюрах, а также намерена уделять приоритетное внимание внутривнутриполитическим проблемам и проводить дальнейшее сокращение военного бюджета, потому едва

ли от неё приходится ожидать действий, превышающих необходимый минимум. Следует также принять во внимание и накопившееся в США разочарование в эффективности военных операций, проводимых совместно с союзниками по НАТО. Кроме того, относительно мягкая реакция «коллективного Запада» на действия В. Путина, может внести вклад в процесс усиления «решительности» в политике КНР в территориальных спорах с Японией и Вьетнамом, что не позволит Соединённым Штатам игнорировать развитие событий в объявленном ключевым для стратегических интересов Вашингтона регионе мира. В то же время, возможным следствием политики России может стать ускорение развёртывания системы ПРО в Европе, если это позволят технические возможности США.

Недостаточная поддержка со стороны европейских союзников

Через расширение Североатлантического альянса после прекращения «холодной» войны сделала западноевропейские страны менее восприимчивыми к возможной угрозе со стороны России, которая является для многих является выгодным экономическим партнёром. Данные опроса общественного мнения в ФРГ, опубликованные газетой «Frankfurter Allgemeine Zeitung», показали, что публика в данной стране расколота в оценках политики России. Так, 55 % опрошенных признавали, что действия России представляют угрозу, а 40 % были не согласны с таким мнением [4]. Приведённые данные подтверждают высказываемые в США опасения по поводу «внутреннего раскола» в странах Западной Европы по вопросу об отношениях с Россией [13]. На фоне того, что ажиотаж, вызванный присоединением Крыма, начал спадать, а европейские страны не намерены пересматривать сокращение военных расходов в условиях медленного экономического роста и бюджетных дефицитов, разумнее представляется ожидать лишь интенсификации сотрудничества в рамках совместных проектов, реализуемых членами НАТО.

Решение украинских проблем не может быть найдено только в военно-политической плоскости

Несмотря на начатый процесс трансформации, Организация Североатлантического договора по-прежнему остаётся военно-политическим блоком, что ограничивает тот инструментарий, который данная организация может предложить Вашингтону. В то же время, по призна-

нию американского руководства, ослабление современных кризисных тенденций в Республике Украина потребует значительных финансовых вливаний, диверсификации поставок энергоресурсов, интенсификации информационно-пропагандистской деятельности. Функциональные ограничения, вероятнее всего, не позволят НАТО существенно усилить институциональную роль альянса.

Медлительность изменений в НАТО

По утверждению американского политолога С. Уолта, межгосударственные союзы формируются в ответ на угрозу [15,114]. Разумно ожидать, что изменения в восприятии угроз союзными государствами будут оказывать непосредственное воздействие на их политику в союзе. Тем не менее, история НАТО на рубеже XX–XXI века показала, что реформирование Североатлантического союза — долгий процесс. Ещё больше времени, вероятно, потребует выработка консолидированной позиции по важнейшим международным проблемам. По мере того, как впечатления от действий России будут рассеиваться, а на повестку дня встанут иные важные проблемы глобальной безопасности, консолидация союзников и укрепление военного потенциала альянса на антироссийской основе станет всё более сложной задачей для руководства США и НАТО.

Таким образом, по итогам Крымского кризиса произойдёт возрастание роли Организации Североатлантического договора в сфере безопасности в Европе, однако этот рост не станет столь впечатляющим по причине воздействия, оказываемого целым рядом сдерживающих факторов, рассмотренных выше.

Литература

1. Бенедиктов К. Россия и ОБСЕ: реальные и мнимые возможности сотрудничества. // Внешняя политика и безопасность современной России, 1991–2002: в 4-х т. / РАМИ, МГИМО МИД РФ; сост. Т.А. Шаклеина — М., 2002. — С. 214–240.
2. Интервью генерального секретаря НАТО Андерса Фог Расмуссена радио «Эхо Москвы» 26.05.2014 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://echo.msk.ru/programs/beseda/1326672-echo/>
3. основополагающий акт Россия — НАТО о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора. 27.05.1997. [Электронный ресурс] // Режим доступа:

- http://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_25468.htm
4. Петерсен Т. Опрос: страх перед войной идёт на пользу Европе. (“Frankfurter Allgemeine Zeitung”, Германия). 15.05.2014. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20140515/220304483.html>
 5. США увеличили количество истребителей в Литве. 6.03.2014. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2014/03/06/baltic1/>
 6. Шойгу назвал беспрецедентным рост активности НАТО у российских границ. 29.04.2014. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2014/04/29/shoigu/>
 7. 2010–2011 NATO Public Diplomacy Strategy. 7.12.2009. [Electronic resource] / Research Project “Open Information” — Mode of access: <https://publicintelligence.net/nato-public-diplomacy-2011/>
 8. Aybet G., Moore R. R. Introduction. Missions in Search of a Vision. / Aybet, G., Moore R. R.; foreword by L. Freedman. // NATO in Search of a Vision. — Washington, DC, 2010. — 272 pp.
 9. Brzezinski I.J. Three Ways NATO Can Bolster Ukraine’s Security. [Electronic resource] // The Washington Post — 2014 — 24 March — Mode of access: http://www.washingtonpost.com/opinions/three-ways-nato-can-bolster-ukraines-security/2014/03/24/452e80fa-b369-11e3-8020-b2d790b3c9e1_story.html
 10. Gordon M.R. NATO to Firm Up Its Presence in Eastern Europe as It Halts Cooperation with Russia. [Electronic resource] // The New York Times — 2014. — 2 April — P. A12. — Mode of access: <http://www.nytimes.com/2014/04/02/world/europe/nato-orders-end-to-practical-and-military-cooperation-with-russia.html?module=Search&mabReward=relbias%3Aw%2C%5B%22R1%3A11%22%2C%22R1%3A17%22%5D>
 11. Keohane R. O. International Institutions: Two Approaches. // International Studies Quarterly. — Vol. 32. — № 4. — December 1988 — P. 379–396.
 12. Masters, J. The North Atlantic Treaty Organization (NATO). Backgrounders. 30.05.2014. [Electronic resource] / Council for Foreign Relations. — Mode of access: <http://www.cfr.org/nato/north-atlantic-treaty-organization-nato/p28287>
 13. Pomerantsev, P. How Putin Is Reinventing Warfare. [Electronic resource] // Foreign Policy — 5.05.2014 — Mode of access: http://www.foreignpolicy.com/articles/2014/05/05/how_putin_is_reinventing_warfare
 14. Rasmussen, A. Fogh. A Strong NATO in a Changed World. Speech by NATO Secretary General Anders Fogh Rasmussen at the “Brussels Forum”. 21.03.2014. [Electronic resource] — Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_108215.htm
 15. Walt, S. M. Alliances in a Unipolar World. // World Politics — Vol. 61. — № 1 — January 2009. — P. 86–120.

ИЗМЕНЕНИЕ РОЛИ НАРОДА ВО ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

Главное противоречие в устройстве государств

В системе народ-власть главную роль выполняла власть. Народ был средством в руках властей. Власть угнетала и эксплуатировала народ. Между народом и властью всегда пропасть в свободах, правах, в уровнях жизни. Он был средством, которое исправляло политические, социальные, экономические и духовные исторические ошибки властей.

Особые страдания народам причиняли войны. Для ведения многих тысяч несправедливых войн власти использовали народ в качестве «пушечного мяса».

Главным противоречием в устройстве государств является противоречие между народом и властями. В рамках этого противоречия власти на всех уровнях на всем протяжении истории были и до сих пор являются постоянной главной угрозой, опасностью для всех народов. Общечеловеческие, политические, социальные, экономические, духовные и военные факторы угрожали жизни, здоровью, качеству и образу жизни народов. Военные и невоенные угрозы исходят от всех ветвей власти. Угрозы имеют как светский, так и религиозный характер. Они реализуются во внутренней и внешней политике.

Свою безопасность власти обеспечивали и обеспечивают, используя исторический принцип «кну́та и пряника». В качестве кнута выступают репрессии, насилие, принуждение, силовые структуры, включая вооруженные силы; в качестве пряника — мелкие подачки, обман, обещания реформ, светлого будущего.

Власти выработали различные способы, методы, средства, чтобы предотвратить протесты, мятежи, восстания, перевороты, восстания и революции. В трактате «О военном искусстве» Н. Макиавелли определял качества, необходимые полководцу, писал, что он должен уметь подавлять восстания[1].

Власти стремились смягчить насилие, угнетение, добиться единства, согласия с народом, когда надо было вести войну. «Надо добиться внутреннего согласия между властью и насилием, правителем и народом» — писал китайский военный теоретик и полководец У-цзы[2].

Николай I предложил свой способ стабилизации, предотвращения революций: единство самодержавия, православия и народности.

Заметную роль в обеспечении внутренней безопасности играла русская армия. Армия участвовала в подавлении народных восстаний.

Военные силы были в 1682 и 1698 гг. использованы в подавлении стрелецких восстаний. В 1705–1706 гг. они участвовали в подавлении Астраханского восстания, в 1707–1708 гг. — Булавинского, в 1705–1711 гг. — Башкирского восстания. С 1730 г. по 1768 г. воинские подразделения и части участвовали в подавлении 21 волнения. Из 2081 волнений крестьян за 1826–1856 гг. были подавлены батальонами и полевыми частями армии. Для подавления восставших применялась и артиллерия[3].

Стабилизирующим фактором отношений между народом и властями нередко выступала религия. В России православие являлось фактором внутренней безопасности, стабильности. Лидер славянофилов А. С. Хомяков считал, что главным условием сохранения жизнеспособности России является православие[4].

Политика веротерпимости в России также рассматривалась как средство стабильности, предотвращения восстаний и революций. В 1773 году по воле императрицы Екатерины II был издан Указ «О терпимости всех верований». Главная идея Указа: сам Всевышний Бог «терпит на Земле все веры, языки и исповедания. Поэтому и между верующими разных религий должны царить любовь и согласие, веротерпимость, уважение к религиозным чувствам всех граждан России».

Несмотря на огромную роль православной церкви в обеспечении внутренней безопасности, ей не удалось предотвратить в России революции ни в 1905 году, ни в 1917 году.

На всем протяжении истории властям с помощью различных способов удалось сохранить свою ведущую роль в системе «народ-власти».

Отношения между народом и властями различны в демократических, авторитарных и тоталитарных государствах.

В авторитарных государствах народ служит средством для достижения аморальных и незаконных целей. Народ не является главной ценностью. Власти используют против своего народа вооруженные силы. Авторитарные режимы стремятся не допустить существование оппозиций, политических дискуссий, отвлекают народы внешними несправедливыми войнами. Вместе с тем возможно уменьшить роль

властей и повысить роль народа. Поэтому усилия народа должны быть направлены на обеспечение прав человека, на критику политики властей, на изменение конституций, распространение демократических ценностей, на расширение протестных движений.

Демократии много сделали для народа, особенно в XX века. Народу были предоставлены многие свободы и права. Улучшилось качество жизни народа. Народу были переданы некоторые функции властей.

Вместе с тем в демократических государствах также возникают конфронтационные проблемы между народом и властью. Народ также является средством для достижения целей властей. При этом они могут использовать против народа вооруженные силы. В США обеспечение внутренней безопасности возложено на власти штатов. Конституция и законодательство США допускают применение федеральных вооруженных сил только тогда, когда возникают обстоятельства, не поддающиеся контролю со стороны администрации штатов или местных администраций. Так, в мае 1992 года по распоряжению президента Буша — старшего для восстановления порядка в Лос-Анджелесе были использованы военнослужащие 7-ой пехотной дивизии и морские пехотинцы.

И все же в демократических государствах противостояние между народом и властью более демократично, гуманно, законно.

Однако мировые современные демократии все-таки не способны изменить роль народа во всемирной истории в системе «народ-власти».

С возникновением государств началась борьба народов против властей, которая имела общечеловеческий, политический, социальный, экономический, культурологический, национальный и конфессиональный характер.

Сопrotивление властям было образом жизни народов всех государств, оно имело особенности в различных этносах, религиях. Народ протестовал против властей, используя насильственные и ненасильственные средства. Борьба против властей имела стихийный и организованный характер.

Формами борьбы народов: социальные революции, восстания; внутригосударственные войны; протесты за новые формы бытия; социальные движения; оспаривание законов, норм, принципов. Народы боролись против рабства, крепостничества, требовали от тиранов равенства, справедливости, свобод, прав, избавления от голода, нищеты, понижения налогов, соблюдения культурных традиций.

Нужен выход из исторического тупика

Главное противоречие в устройстве государств — вековая борьба между народами и властями —, ведущая роль властей в системе «народ-власти» привело развитие человечества в исторический тупик.

Чтобы выйти человечеству из этого тупика, необходимо изменить роль народа во всемирной истории. Прогрессивное развитие человечества уже невозможно без исторически новой, ведущей роли народа во всемирной истории. Власть должна стать средством в «руках народа» в достижении единства человечества при культурном, этническом и религиозном разнообразии.

Слом традиционной системы «народ-власть» обеспечит выживание человечества в условиях новых вызовов и угроз, позволит уничтожить оружие массового уничтожения, осуществить всемирную демилитаризацию; нейтрализовать разрушительную составляющую научно-технического прогресса; ликвидировать войны как образ жизни человечества, создать мирный образ жизни.

Новое содержание системы «народ-власти» позволит всем народам проявлять творчество, свои лучшие качества во всех формах жизнедеятельности. Космополитизм будет идеологией и практикой новой системы отношений между народом и властью.

В государствах суверенитет регламентирует отношения между обществом и властью. Суверенитет рассматривается как «верховная абсолютная и непрерывная власть над «гражданами», как «наивысшее право распоряжаться».

Однако назрела необходимость изменить трактовку в понимании суверенитета в связи с изменением роли народа во всемирной истории. Смысл суверенитета должен отражать новое соотношение между народом и властями, что народ — главная ценность государства, источник и носитель власти. Народу принадлежит верховная и абсолютная власть, наивысшее право распоряжаться. Ему должны принадлежать политические и силовые полномочия, контроль над территорией. Сужение суверенных полномочий государства невозможно без согласия народа.

В новой системе «народ-власть» приоритет будет принадлежать народу. Власть растворится в народе. Народ демократическим путем создаст власть, народ сам через исполнительную, законодательную и судебную власть, будет управлять государством, сам явится объектом управления. Управляющие и управляемые образуют единство, меж-

ду ними не будет действовать старый, традиционный принцип «мы и они». Во власть народ будет допускаться по критерию: высокий профессионализм и высокая нравственность.

Всемирная Народная революция

С началом борьбы между народами и властями возникла всемирная революционная ситуация, которая продолжается и до сих пор. Всемирная революционная ситуация протекает в рамках двух главных противоречий: главного противоречия человечества — между космополитизмом и антикосмополитизмом; главного противоречия в устройстве государств — противоречия между народом и властями[5]. Насильственная и ненасильственная борьба; борьба за справедливость, равенство, свободы, за новые формы бытия; забастовки, социальные движения, национально-освободительное движение; восстания, социальные революции, гражданские войны — содержание всемирной революционной ситуации.

Всемирная революционная ситуация постепенно, в течение десятков и сотни лет будет перерастать во всемирную Народную революцию [6].

Народная революция будет коренным образом отличаться от всех совершившихся революций по целям, движущим силам, способам и итогам. Цель революции — все для народа, движущая сила — народ; итог революции — изменившийся народ. Народ войдет на историческую арену реально, гордо и навсегда.

Народные революции будут происходить в модернизированных демократических государствах и мусульманских государствах, где демократическое устройство будет учитывать религиозную специфику.

Основой Народных революций будут ценности космополитизма. В ходе революций космополитические силы мирными средствами одержат победу над силами антикосмополитизма. Народные революции будут иметь общечеловеческий характер. Итогом Народных революций будет создание космополитических государств.

Что касается авторитарных и тоталитарных государств, то постепенно они встанут на демократический путь развития и народы этих стран примут участие в Народных революциях. Не исключено, что переход к демократии может осуществляться и с помощью вооруженного насилия.

Народные революции в государствах, в наднациональных структурах должны взаимодействовать с глобальными космополитическими

явлениями и процессами: модернизация мировых демократий; борьба за безъядерный мир; ограничение распространения оружия массового уничтожения; обеспечение гармонии между миролюбивой политикой и военной безопасностью; формирование однонаправленного созидательного научно-технического прогресса; предотвращение природных и техногенных катастроф; справедливое использование ресурсов планеты и космоса.

Народные революции позволят формировать единое человечество с культурным, этническим и религиозным разнообразием.

Ненасилие является основным способом Народной революции, изменения роли народа во всемирной истории в системе «народ-власти». Ненасильственное сопротивление Мохандас Карамчанд Ганди считал «ненасильственным воспитанием». Вслед за Ганди Дж. Неру отнес ненасильственное движение Индии к «мирному восстанию» [7]. По мнению Дж. Неру, ненасилие — это «политическое оружие было новшеством в мировой истории» [8].

Основой подлинного ненасилия являются общечеловеческие ценности: миролюбие, милосердие, гуманизм, доброта, сострадание, социальная справедливость, взаимопомощь. Ненасилие предполагает отрицание физического и психического насилия. Оно опирается на приоритетную ценность человеческой жизни, на уважении человека.

Ненасилие со стороны народов предполагает постановку общечеловеческих, политических, социальных, экономических и духовных целей; является конструктивной, созидательной, исцеляющей формой борьбы. Ненасилие эффективно, если оно нравственно.

Ненасилие ориентировано против несправедливости, безнравственности, беззакония, ненависти, жестокости.

В авторитарных государствах ненасильственное сопротивление может осуществляться в формах пикетов, митингов, демонстраций, забастовок, религиозных процессий, литургий, уличных театров, социальных протестов, отказов от военных налогов, военной службы, бойкотов, захват стратегических улиц, площадей, листовок, афиш. Для парализации всей страны целесообразно использовать всеобщую забастовку. Не исключено использование политических голодовок.

Эффективность ненасилия может быть повышена, если во главе движения сопротивления окажутся авторитетные в народе лидеры. Деятельность лидеров может стать мощной мобилизующей силой, которая позволит преодолеть страх пассивной части населения.

В ненасильственной борьбе народов выделяют стратегию и тактику. Стратегия — это совокупность общечеловеческих, политических социальных, экономических и духовных действий населения, направленных против властей. Она определяет цели, способы, методы, формы, механизмы ненасильственных действий, важнейшие задачи и последовательность их выполнения. Ненасильственные действия учитывают социальную структуру общества, особенность политики властей, их военную мощь, моральный дух и возможности населения.

Стратегия ненасилия должна быть ориентирована на достижение возможных компромиссов, на диалог со здравомыслящими силами в стане властей. Диалог — стержень ненасилия.

Стратегия обязательно должна предусматривать протестные движения в отношении глобальных угроз (распространение ОМУ, милитаризация).

Ненасилие не исключает оказание давления на власти, включая настойчивые требования, угрозы, различными санкциями, принуждение, предполагающее наказание.

Также ненасилие подчинено, обслуживает ее, обеспечивает решение частных задач применительно к обстановке, используя конкретные способы, методы, приемы. Тактическое ненасилие чаще стратегии ненасилия может изменяться при изменении обстановки. В нем больше компромиссов.

Оппозиционные силы в авторитарных государствах заинтересованы в поддержке ООН, других международных организаций, а также демократических государств.

В стратегии и тактике оппозиционных сил важно определить, какие угрозы исходят со стороны властей для населения в настоящее время и могут быть в будущем; какими способами угрозы могут быть реализованы; какую форму ненасильственного сопротивления избрать; каким способом можно отразить угрозы? Затем необходимо определить функции и задачи всех оппозиционных сил.

Стратегия и тактика создадут систему активной ненасильственной безопасности населения от угроз со стороны властей. Система безопасности населения в борьбе с властями должна иметь упреждающий характер. Ненасилие явится новой формой безопасности народа от угроз со стороны властей.

Чтобы ненасильственная борьба населения была эффективной, необходимо обучить население ведению борьбы, целеустремленно формировать у населения ценности космополитизма.

Ненасилие имеет будущее, оно имеет реальные возможности. Оно явится главным средством изменения роли народа во всемирной истории в системе «народ-власти».

Космополитизм выступает против насилия, против социальных революций. Г. Плеханов, П. Сорокин, Э. Бернштейн, К. Каутский не считали, что революции являются, как считали марксисты, локомотивами истории, что классовая борьба является движущей силой общественного развития. Даже русский монархист Л. Тихомиров писал, что «истинный путь к человеческому благу» составляет не революция, а мирное развитие и эволюция[9]. «Путь социальной революции бесплоден потому — писал русский историк В. Зеньковский, — что не в силах правильно организовать социальные отношения при отсутствии моральных основ в обществе — бессилён он потому, что разрушив основы морали в человеке, он обнажает хаос в душе человека, с которым не в силах справиться».

Павлов, один из основателей баптизма, в 1902 году писал: «Что касается моих воззрений, то я как христианин против всяких насильственных революций и стою за мирное развитие нашего отечества и всего человечества»[10].

Новый «Общественный договор»

В древности ранние буддисты, китайский мыслитель Мо-цзы, философы Эпикур и Лукреций Кар высказали некоторые идеи о договорном происхождении власти.

В Западной Европе в период разложения феодализма и развития буржуазных отношений была разработана теория «Общественного договора» («Од»). Она объясняла возникновение государственной власти путем соглашения между людьми; согласно ее, народ являлся источником и конечным обладателем всякой власти; государство обязывалось обеспечить соблюдение свобод прав и защиту индивидов.

Несмотря на позитивные тенденции теории «Общественного договора», в целом она отражала нужды раздающегося буржуазного общества. На теории «Од» все же нельзя было создать бесконфликтного стабильного государства. Тезис «народ-источник всякой власти» имел формальный характер.

Чтобы изменить роль народа во всемирной истории, чтобы совершить Народную революцию, необходимо разработать в рамках теории Народной революции концепцию нового «Общественного договора»

в системе «народ-власти» для демократических, авторитарных и тоталитарных государств [11].

Новый Общественный договор будет коренным образом отличаться от теории «Од» по целям, субъектам, методам, итогам и последствиям.

Цель нового Общественного договора: внести вклад в изменении роли народа во всемирной истории; в осуществлении Народной революции; ликвидировать конфликтационный процесс в главном противоречии об устройстве государств.

Целесообразно, чтобы в каждом государстве был подписан новый «Общественный договор» — между народом и властью. В каждом Общественном договоре в системе «народ-власти» стороны должны добиться согласия во взглядах на отношение к устройству государства; к гуманным и моральным ценностям; к правам и свободам граждан, на их обязанности и ответственности; к потомкам и предкам; к религии; к войнам и революциям; к формированию безъядерного мира, к распространению ОМУ; к деталитаризации; к ресурсам Земли и Космоса; к внутреннему и международному законодательству; к силовым структурам. В договоре необходимо предусмотреть возможную ответственность за его невыполнение.

Кроме общего Общественного договора в государстве, могут подписываться договоры между отдельными субъектами (власти — религиозные организации, власти — социальная группа и др.).

Общественные договоры в демократических государствах будут играть важную роль в выходе мировых демократий из кризиса и в их модернизации. Общественные договоры в авторитарных государствах будут способствовать превращению их в демократические государства.

Подписание общественных договоров в авторитарных государствах со стороны оппозиционных сил будет осуществляться в борьбе против властей на проведение от имени всего народа внутренней и внешней политики, против права властей на издание законов, обязательных для всех граждан, против использования властями вооруженных сил для подавления протестных движений.

Демократизация авторитарных и тоталитарных государств предполагает заключение общественных договоров между оппозицией и властями по таким проблемам, как расширение реальных прав и свобод; установление ответственности властей и народа; расширение социальной базы демократий; активность общественных организаций; реформирование судов; расширение гласности; «легкий» доступ к референ-

думам; расширение гражданского контроля; «легкий» отзыв депутатов; создание многопартийной системы; отчет властей перед потомками; демократизация религий и церквей; увеличение количества общественных организаций; осуждение геноцида, агрессивных войн; запрет на длительное пребывание у власти.

Оппозиция в авторитарных государствах должна стремиться заключить Общественные договоры с религиозными организациями; с частными научными центрами, университетами; юридическими компаниями, с деятелями культуры.

Общественные договоры в мировых демократиях должны быть направлены на космополитическую модернизацию исполнительной, законодательной и судебной власти; силовых структур, вооруженных сил; здравоохранения, образования, образа жизни; на воспитание властей в духе морали и гуманизма; на передачу функции властей народу, на демократизацию религий и церкви; повышение общей и политической культуры населения; сужение функций силовых структур; справедливое отношение к природным ресурсам.

Литература

1. Цит. по: Р. Эрнст Дююи и Н. Тревор Дююи. Всемирная история войн. Кн. 2. — СПб-М., 2000, С. 269.
2. Цит. по: Сунь-цзы, У-цзы. Трактаты о военном искусстве. — М., — СПб., 2003. С. 36, 74—75.
3. Амиров Р. Политические функции армии Российского государства в XVIII — первой четверти XIX веков. — Уфа. 1999. С. 60—65.
4. Цит. по: Русская идея. — М., 1992. С. 52.
5. Киришин Ю. Космополитизм — будущее человечества? Клиницы., 2013. С. 197.
6. Там же, С. 213.
7. Неру Дж. Взгляд на всемирную историю. Т. 3. —М., 1982. С. 107.
8. Неру Дж. Взгляд на всемирную историю. Т. 2. —М., 1981. С. 478.
9. Зеньковский В. Русская идея., 1992. С. 349. Тихомиров Л. Критика демократий. М., 1997. С. 348.
10. Цит. по: Сидоров И. Война и религия. М., 1961. С. 134.
11. Киришин Ю. «Космополитизм — будущее человечества». Клиницы., 2013. С. 214.

ЭТНИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНФЛИКТОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ. УРОКИ ОШСКИХ ТРАГЕДИЙ

Дважды на протяжении последней четверти века Ферганская долина Центральной Азии становилась местом кровавых разборок между кыргызской и узбекской общинами Ошской и Джелал-абадской областей Кыргызстана. Оба раза (в 1990 и в 2010 гг.) трагедии унесли сотни жизней ни в чем не повинных людей, наносили огромный материальный ущерб экономике региона и личному имуществу граждан. Каковы причины этих трагедий?

Легенда о «спящей красавице»

В конфликтологической науке, да и в общественном сознании на бытовом уровне, сложилось мнение об этих столкновениях как о своеобразных «регулярных цунами» этнического океана международного сообщества. Одной из самых распространенных теорий конфликтогенеза является разрабатываемая в рамках примордиалистской концепции теория т. н. «спящей красавицы». Согласно этой теории причиной этнических конфликтов является «унаследованная первичная ненависть»[1]. Из этого следует, что этнические конфликты невозможно предотвратить или разрешить, так как данные противоречия укоренены-де в человеческом сознании. Примордиалистский подход толкует такие понятия, как ксенофобия, национализм и др., как производные «естественных» процессов, лежащие в основе самоидентификации, дистанцирования человека от чужой для него этнической группы и отождествления себя со своей группой по шкале «Мы» — «Они». Другой этнос в данном контексте воспринимается однозначно как «чужой», как «враг» как нарушитель спокойствия и целостности «своей» социальной группы.

Как представляется, примордиалистская теория этнического конфликтогенеза во многом основывается на неверном приближенном толковании известного положения И. Канта о войне как естественном состоянии наций. Рассмотрим в связи с этим данное положение

по тексту подлинника. В своем знаменитом трактате «К вечному миру» И. Кант писал: «Состояние мира между людьми, живущими по соседству, не есть естественное состояние (*status naturalis*); последнее, наоборот, есть состояние войны, т. е. если не непрерывные враждебные действия, то постоянная их угроза. Следовательно, состояние мира должно быть установлено» [2]. При внимательном чтении этого текста следует, на наш взгляд, обратить внимание на два момента. Во-первых, не совсем точный перевод на русский язык. Кант пишет не просто о людях живущих «по соседству», но о людях живущих «бок о бок» (*nebeneinander* [3]), т. е. непосредственно рядом друг с другом. «Живущие по соседству» может подразумевать и живущие по соседству, но разделенные государственной границей. В этом втором случае риски обострения межнациональных отношений меньше, так как связи между людьми более поддаются регулированию, например, введением визового режима и т. п.

Для нас в данном случае принципиально важно, что И. Кант не распространяет свое понимание вражды на людей, «не живущих бок о бок». Т. е. состояние вражды возникает в ходе жизни «бок о бок», в ходе взаимодействия в социально-экономической, культурной, религиозной, этнической, психологической и др. сферах. Таким образом, истоки этнического конфликтогенеза следует искать не в основе самоидентификации человека по национальному признаку, а в реалиях конкретной политики и социальной стратификации в каждом конкретном случае.

Ошские политические реалии

В случае с событиями на Юге Кыргызстана в 1990 и 2010 гг. примордиалистскую версию конфликтогенеза охотно подхватывали представители политических сил, заинтересованные в конфликте как средстве укрепления своих позиций. «Этническое» толкование конфликтогенеза, как всегда, активно использовали и представители влиятельного криминального сообщества, для которого любой конфликт — «мутная вода» (*troubled waters*), удобная для «ловли рыбы», т. е. для грабежей и передела доходов от наркотрафика. Последнее обстоятельство в кыргызско-узбекской трагедии играло особенно значимую роль, так как Ош — общепризнанная «столица» контрабанды наркотиками, транспортный узел на пути курьеров с этим зельем из Афганистана в Россию и далее в Европу.

В залитом кровью городе распространялась, например, листовка (оригинал см. ниже) со следующими словами: «Одной из причин событий является многовековое противостояние кочевников (киргизов) т. е. воинов по роду своей деятельности к всевозможным не всегда чисто-плотным действиям сартов (ныне так называемых узбеков), которые являлись по роду своей деятельности торговцами и ремесленниками...».

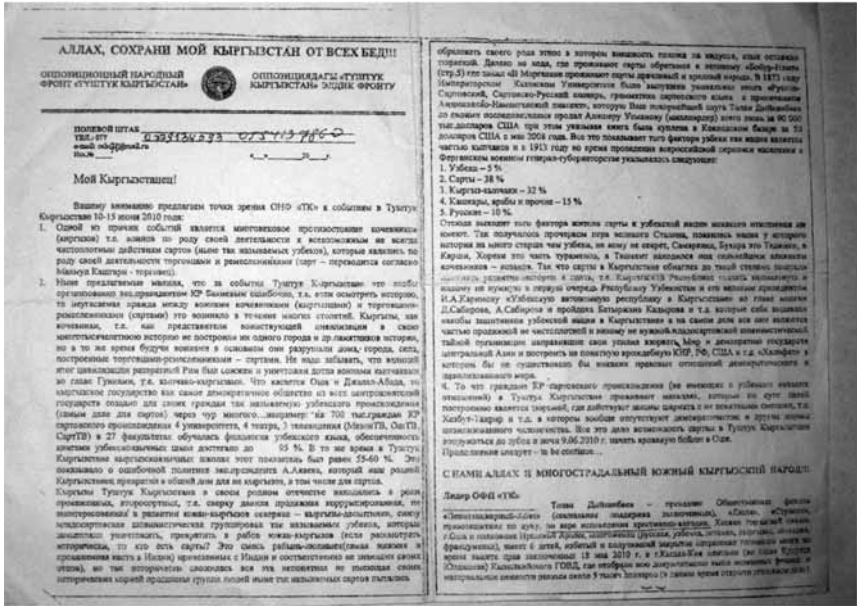
К сожалению, акцент на этнической стороне ошского конфликтогенеза делается и в серьезных исследованиях. В частности в отчете международной комиссии, возглавлявшейся финским дипломатом, специальным представителем Парламентской ассамблеи ОБСЕ по Центральной Азии Киммо Кильюненом, говорится, что ошские события «должны рассматриваться в контексте исторического и политического происхождения региона, в частности, взаимоотношений между сообществами этнических кыргызов и этнических узбеков»[4].

В действительности, обострение реальных проблем межэтнических отношений на Юге Кыргызстана явилось прямым следствием общего обострения социально-экономического и политического кризиса в стране весной 2010 г., в ходе которого была свергнута власть президента К. Бакиева. Тема данного доклада не предполагает политической или тем более этических оценок данного режима, хотя стоит заметить, что, по мнению некоторых исследователей и политических деятелей, события 7 апреля 2010 г. в Бишкеке следует квалифицировать как «государственный переворот»[5].

Для анализа ошского конфликтогенеза более важно то, что свергнутый президент был уроженцем Юга Кыргызстана, выразителем интересов этого региона страны, пользовавшимся определенной поддержкой политической элиты трех южных областей. Достаточно велико было и число его симпатизантов как в кыргызском электорате, так и у части избирателей узбекской национальности.

Следует отметить, что наличие большой (около полумиллиона человек) узбекской диаспоры, близость исламизированного Афганистана, отдаленность от столицы и ряд социальных, культурных и географических особенностей Ошской, Желалабадской и Баткенской областей позволяют некоторым исследователям говорить о «синдроме Север — Юг», угрожающем территориальной целостности нынешнего Кыргызстана в его советских границах, «нарисованных» И. В. Сталиным с очевидной целью — крепче удерживать различные нации СССР в подчинении общесоюзному центру.

Листовка, распространявшаяся у здания администрации г. Ош в июне 2010 г.

1. Одной из причин событий является многовековое противостояние кочевников (киргизов) т.е. воинов по роду своей деятельности к всевозможным не всегда чистошлотным действиям сартов (ныне так называемых узбеков), которые являлись по роду своей деятельности торговцами и ремесленниками (сарт – переводится согласно Махмуд Кашгари - торговец).

Источник: Личный архив автора.

Понятно поэтому, что К. Бакиев, а в еще большей степени «бакиевцы», в апреле–мае 2010 г. приложили немало усилий для противопоставления Юга Северу, для подогревания сепаратистских настроений в целях политического реванша. Естественно, что новое руководство страны было обеспокоено этими настроениями и этой активностью. Но в специфических условиях весны 2010 г. оно не могло опереться в борьбе с бакиевцами на силовиков. Как отмечалось в упомянутом докладе комиссии К. Кильюнена и многими другими наблюдателями, служба безопасности, органы МВД и другие правоохранительные структуры были дезорганизованы и деморализованы. Немало единиц

огнестрельного оружия, принадлежавшего им, попало в руки участников апрельских беспорядков, в том числе криминальных. Противостоять реваншистам было некому.

В этих сложных условиях некоторые недалёковидные руководители узбекской общины позволили спровоцировать себя на выдвижение автономистских лозунгов, вызвавших резкое недовольство кыргызов как на Юге, так и на Севере. Как обычно в таких ситуациях огромную роль сыграли и прямые провокации. Так, например, поводом для погромов в Оше послужили усиленно распространявшиеся слухи о массовых изнасилованиях студенток в общежитиях Ошского государственного университета в ночь с 10 на 11 июня. Этот слух подтверждался неоднократно, в том числе и «документально». На проверку оказалось, однако, что их источником явились наемные провокаторы, получившие за свою «работу» по 5 тыс. киргизских сомов (около 100 долл. США).

Согласно докладу международной миссии, подготовленному при участии российского правозащитного центра «Мемориал», «позднее официальные и неофициальные источники, включая представителей прокуратуры и охранника общежития, подтвердили участникам миссии, что толпа не входила в здание и изнасилований и убийств в общежитиях ОшГУ не было»[6].

Настоящая история

Разумеется, знание исторической подоплеки событий — непременное условие всякого исследования. Но взятая объективно настоящая история кыргызско-узбекских отношений служит скорее доказательством примата политических, а отнюдь не этнических причин Ошской трагедии 2010 г.

Да, конечно, в этих отношениях бывали сложности. Как впрочем не так много можно привести примеров стерильно безупречных отношений между двумя этносами, проживающими в одном политико-географическом ареале. Но между не такими уж частыми вспышками вражды пролегли десятилетия, сотни лет добрососедства и дружбы.

Исторически кыргызы и узбеки являются этническими общностями по генетической линии. Родственны и их тюркские по складу языки, их объединяет общая религия, образ жизни, обычаи. Немало общего в их истории, в том числе и в контексте совместного противостояния завоевателям, издревле зарившимся на благодатные Ферганскую и Чуйскую долины, плодородные земли Приириссыккуля.

Упоминания о полиэтническом характере кыргызского общества содержатся в сокровищнице мирового эпоса легенде о богатыре Манасе. Еще в детстве он набирал соратников, которые впоследствии стали кырк-чоро, его сорока верными дружинниками, среди которых были представители всех этносов, с которыми кыргызы вступали в соприкосновение[7].

В преданиях сохранились также упоминания о кыргызских героях Жакыпе и Жаныше, сражавшихся против нашествия Чингисхана под знаменем легендарного узбекского полководца XIII в. Жалолиддина Мангуберди. В середине XVII в. кыргызы и узбеки вместе с казахами совместно успешно противостояли нашествию калмаков, в XVIII в. — Цинской империи, в XIX в. — царской колониальной администрации.

Общность политических интересов обоих братских народов выразилась в создании совместного государственного образования Кокандского ханства, сформировавшегося на территории Ферганской долины в начале XVIII в. и просуществовавшего без малого семьдесят лет в качестве суверенного независимого государства, имевшего также статус автономии в составе Российского государства. Причем, как отмечалось в русскоязычной газете «Туркестанские ведомости» в 1876 г., жители Ферганской долины живут настолько вместе, ведут совместную хозяйственную жизнь, что их очень трудно будет делить, придется тратить много силы, чтобы их различать.

Советский период истории обоих народов в составе общесоюзного государства содержит примеры дружбы и искреннего взаимодействия их представителей, как на бытовом, так и на политическом уровне. Практически нет упоминаний о каких-либо не только крупных столкновениях, но даже бытовых стычках на этнической почве между кыргызами и узбеками за период с 1922 по 1987 гг. Это, несомненно, показатель, если не «гуманности», то во всяком случае эффективности советской национальной политики. Попытки разжигания межнациональной розни пресекались быстро и жестко.

Необходимость соблюдения баланса межклановых и межнациональных отношений принималась во внимание на всех уровнях и в кадровой политике. Один из наиболее известных и долговременных руководителей Советской Киргизии И. Р. Раззаков длительное время работал на руководящих должностях в Ташкенте, был зампредом правительства Советского Узбекистана, в совершенстве владел как родным киргизским, так и узбекским, таджикским языками.

Настоящим живым символом общности исторических судеб двух братских народов стал Герой России и Кыргызстана, кавалер узбекского ордена «Амир Тимур», полковник ВВС России космонавт Салижан Шарипов. Узбек по национальности, уроженец г. Узгена в Ошской области Кыргызстана С. Шарипов принял самое активное участие в тушении огня конфликта. Вместе со своим другом, кыргызским генералом А. Медетовым он совершил поездку по конфликтоопасным точкам зоны нестабильности и повсюду призывал к миру и восстановлению добросердечия в отношениях между двумя братскими народами. Эти призывы в большой степени способствовали постконфликтному восстановлению.

В данном историческом контексте нелепыми и подчас смешными выглядят попытки наделить кыргызов и узбеков признаками «генетической несовместимости». Непосредственно после июньской 2010 г. трагедии в Оше продвигалась даже идея разделения городских рынков на кыргызские и узбекские с тем, чтобы-де минимизировать риски этнического конфликтогенеза на бытовой почве. От этой идеи пришлось быстро отказаться, так как, по словам местных жителей, ее реализация привела бы к созданию отдельных рынков для покупателей и для продавцов.

«...состояние мира должно быть установлено»

Как и на всем постсоветском пространстве, главным фактором, обусловившим обострение этнических противоречий на Юге Кыргызстана, явился кризис советской национальной политики и демонтаж СССР. Ошские события 2010 г. служат тому ярким подтверждением. «Естественной» реакцией жертв межэтнической резни было бегство в Москву и поиск защиты у российских миротворцев. Еще памятны были события 1990 г., когда бойцы советских воздушно-десантных дивизий стали стеной на пути распоясавшихся погромщиков. Того же многие ждали и в 2010 г. Отчаяние несчастных было столь велико, что раздавались голоса в пользу решения проблемы путем присоединения Кыргызстана к России в статусе девятого федерального округа. С такой инициативой выступил, в частности, правозащитник Нуркамил Саскеев, заявивший на пресс-конференции в октябре 2010 г.: «Да, кыргызский народ выгнал двух президентов — тиранов и узурпаторов, но жить от этого лучше не стал... Поэтому единственный возможный выход для Кыргызстана — войти в состав России 9-м федеральным округом»[8].

Это предложение вызвало бурю негодующих откликов в элитах некоторых постсоветских государств, в особенности в Грузии. Вместе

с тем, «людьми с улицы» в самом Кыргызстане идея Н. Саскеева отнюдь не воспринималась в штыки. Это особенно ощущалось на уровне рядового электората, наиболее пострадавшего от бесчинств погромщиков на Юге и обеспокоенного опасностью территориального раскола страны на Севере.

Временный президент республики Р.И. Отунбаева обратилась с официальной просьбой к руководству Российской Федерации об оказании помощи в урегулировании межэтнического конфликта и ликвидации его последствий. И такая помощь — политическая, экономическая и гуманитарная — была оказана. Но одновременно выявилось, что эффективного регионального механизма контроля над конфликтными ситуациями такого рода, их профилактики и урегулирования на постсоветском пространстве и, в частности, в Средней Азии, нет. Определенные надежды в данном контексте возлагались на Организацию договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и созданные в ее структуре коллективные силы оперативного реагирования (КСОР). Но эти надежды оказались тщетными опять же по политическим и юридическим причинам. Мандат ОДКБ по взаимному согласию государств-членов ориентирован на упреждение угроз безопасности извне, а не на поддержание политической стабильности внутри государств-участников.

С учетом уроков ошских трагедий неформальный саммит ОДКБ в Ереване принял в августе 2010 г. решение о внесении дополнений в уставные документы Организации с тем, чтобы создать необходимое правовое поле для реагирования на межэтнические конфликты, подобные ошскому, вплоть до прямого ввода миротворческого контингента. Такие дополнения были подготовлены и одобрены Советом коллективной безопасности ОДКБ в декабре 2010 г.[9]. Процедура их реализации, однако, столь сложна и обусловлена столь многими факторами, что фактически говорить об ОДКБ как об эффективном инструменте поддержания стабильности в межэтнических отношениях в Центральной Азии пока рано. Тем более, что Республика Узбекистан в 2012 г. в очередной уже раз приостановила членство в Организации.

Юридическое поле обеспечения прав человека в ходе этнических конфликтов на постсоветском пространстве может быть существенно расширено посредством облегчения процедур принятия гражданства других государств лицами нетитульной национальности государства, в котором возникает этнический конфликт. Отчасти это мы имеем в настоящее время в связи с обострением политического кризиса на

Украине. В перспективе этот способ предотвращения конфликтов может оказаться весьма полезным.

Но главной же предпосылкой для его внедрения, также как и для обеспечения интеграционных процессов на постсоветском пространстве в целом, является укрепление общего политического потенциала России и других стран-членов ОДКБ, создание соответствующего материально-технического базиса с соответствующей инновационной экономикой, здоровой, освобожденной от коррупционных схем социальной надстройкой.

Литература

1. Халлисте О. В., Конфликт этнический, цит. по: Никонова С. и др., Современный словарь по конфликтологии, М.: Флинта, НОУ ВПО Московский психолого-социальный университет, 2013, с. 168.
2. Иммануил Кант, «К вечному миру» Цит. По Кант И., Соч. в шести томах: АН СССР, Институт философии, Изд-во социально-экономической литературы «Мысль», Москва, 1965 г., т.6, с. 266.
3. См. Zum ewigen Frieden. Ein philosophischer Entwurf von Immanuel Kant. K nigsberg, bey Friedrich Nicolovius, 1795. Цит. По: DB Sonderband: 100 Werke der Philosophie, 20.633 Kant-W Bd. 11, S. 204.
4. Отчет международной комиссии по исследованию событий на Юге Кыргызстана в июне 2010 года.
5. Такую позицию занял, например, президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко. См.: Лашкевич К., Лукашенко признался, что Бакиев в Минске, информационный портал TUT. BY, интернет ресурс <http://news.tut.by/politics/167584.html>
6. Хроника насилия: события июня 2010 г. на юге Кыргызстана (Ошский региона), Norwegian Helsinki Committee, Правозащитный Центр «Мемориал», Freedom House, Осло, 2012 г., с. 44.
7. Энциклопедия «Кругосвет», статья «Манас», интернет ресурс: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/MANAS.html?page=0,2
8. Кыргызстан хочет стать девятым федеральным округом РФ, материал информационного агентства 24.kg, интернет ресурс: <http://meta.kz//699652-kyrgyzstan-hochet-stat-devyatym-federalnym-okrugom-rf.html>
9. Протокол о внесении изменений в Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 г., информационный портал МИД России, интернет ресурс:
10. http://www.mid.ru/spm_md.nsf/twowebedep?openview&RestrictToCategory=%D0%A1%D0%95%D0%9A%D0%A0%D0%95%D0%A2%D0%90%D0%A0%D0%98%D0%90%D0%A2+%D0%9E%D0%94%D0%9A%D0%91

**«ЗАТЯЖНЫЕ» КОНФЛИКТЫ В ПОВЕСТКЕ
ДНЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:
ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА
УРЕГУЛИРОВАНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ПРИДНЕСТРОВЬЯ)**

Неурегулированные или «затяжные» конфликты в Европе сегодня являются одним из наиболее серьезных вызовов европейской безопасности. Термин «затяжные конфликты» (англ. «protracted conflicts») устойчиво закрепился в современной западной конфликтологии[1] и коммуникационных практиках международных организаций (например, в ОБСЕ)[2] для описания особого вида конфликтов, которым присущи следующие специфические черты:

- длительный характер неурегулированности;
- нестабильное состояние, сопровождающееся регулярными рецидивами в виде вспышек насилия разной степени интенсивности;
- процесс урегулирования такого рода конфликтов требует особого комплексного подхода.

В настоящее время на повестке дня европейской безопасности наиболее остро стоит проблема «затяжных» конфликтов на постсоветском пространстве. Нерешенные конфликты в этом регионе обратили на себя особое внимание основных акторов безопасности в Европе после Кавказского кризиса 2008 года. Поиск путей кризисного урегулирования оказался актуальным сразу по нескольким причинам.

Во-первых, как показала практика, поскольку конфликты такого рода чреваты рецидивами и нарастанием напряженности они сохраняются в качестве очагов региональной нестабильности и могут вызывать осложнение отношений не только между сторонами конфликта, но и среди крупных участников европейской безопасности, составляя потенциальную угрозу для стабильности всей системы безопасности в Европе. В результате, затяжные конфликты сегодня стали центральным предметом повестки дня для международных организаций в области европейской безопасности.

Во-вторых, нерешенность затяжных конфликтов, в силу различий позиций основных участников системы европейской безопасности по этой проблеме, часто блокирует согласие по многим важным вопросам европейской безопасности. С другой стороны, незавершенность самой дискуссии о формировании новой устойчивой архитектуры безопасности в Европе и различий в общих подходах к моделям устройства этой системы препятствует прогрессу в урегулировании затяжных конфликтов. В результате формируется своеобразный замкнутый круг, в котором проблемы частного и общего уровня взаимно влияют негативным образом друг на друга, формируя негативную зависимость и напряженность в отношениях.

В-третьих, и это связано с предыдущим тезисом, положение проблемы затяжных конфликтов в Европе весьма противоречиво: она одновременно является как потенциальной возможностью улучшить отношения (в качестве примера можно привести Мезебергскую инициативу 2010 г.), так и зачастую выступает фактором их осложнения (о чем свидетельствует Кавказский кризис 2008 г.). Это хорошо видно на примере исследования динамики отношений России и Европейского Союза по данному вопросу. Проблема затяжных конфликтов неизбежно затрагивает интересы и России, и ЕС как крупнейших игроков на европейском континенте, являясь вызовом как региональной, так и общеевропейской стабильности. В целом, у обеих сторон присутствует понимание того, что неурегулированность затяжных конфликтов является общим вызовом и необходимо искать консолидированный подход к их разрешению. Вместе с тем, различия в интересах Москвы и Брюсселя часто существенно осложняют ход переговоров и опосредованно даже могут приводить к усилению противоречий между конфликтующими сторонами. Наиболее показательный пример в этом смысле — разногласия ЕС и России по Приднестровскому конфликту, процесс урегулирования которого оказался в существенной зависимости от позиций Брюсселя и Москвы.

Высокая степень интернационализации является сегодня одной из основных особенностей затяжных конфликтов на постсоветском пространстве. Приднестровский кризис с самого начала оказался подвержен влиянию внешних акторов, которое с течением времени постепенно усиливается. В начале XXI века рост заинтересованности России и ЕС в реализации своих интересов и развитии политики на постсоветском пространстве привел к повышению роли Москвы и Брюсселя в кризисном регулировании в регионе.

В настоящее время и Россия и ЕС напрямую вовлечены в процесс урегулирования Приднестровского конфликта в рамках «Постоянного совещания по политическим вопросам в рамках переговорного процесса по приднестровскому урегулированию», где Россия участвует в качестве гаранта и посредника, а ЕС — в качестве наблюдателя. В то же время, интересы России и ЕС пересекаются не только по проблеме урегулирования конфликта на территории Молдовы, но и затрагивают широкий спектр вопросов политического, социально-экономического и культурного взаимодействия Москвы и Брюсселя в этом регионе и таким образом выходят за рамки переговорного процесса по приднестровской проблеме.

По мнению автора, во многом в силу процессов интернационализации, взаимоотношения России и ЕС по Приднестровскому конфликту имеют комплексный характер и поэтому их следует рассматривать как минимум в трех измерениях: внутреннем, региональном и общеевропейском, на каждом из которых позиции Россия и ЕС играют важную роль в процессе приднестровского урегулирования.

На *внутреннем уровне*, где находятся коренные причины возникновения конфликта, заключающиеся в неспособности Тирасполя и Кишинева договориться по вопросам распределения властных полномочий, позиция внешних акторов играет значительную роль. Проблема возможности строительства объединенного государства была и остается одной из главных тем политической и общественной жизни в Республике Молдова и самопровозглашенной Приднестровской молдавской республике [3]. Однако невозможность ведения нормального политического диалога непосредственно между конфликтующими сторонами вкупе с тяжелым социально-экономическим положением в конфликтном регионе привели к тому, что Кишинев и Тирасполь привыкли апеллировать к более крупным игрокам региона для решения практически любых политических вопросов. Поэтому практически все серьезные проблемы сегодня транслируются на уровень Брюсселя и Москвы, которые приняли на себя ответственность в решении приднестровской проблемы, и вопросы урегулирования становятся предметом не только внутренних отношений, но и, в этом случае даже в большей степени, взаимоотношений среди ведущих акторов европейского региона.

На *региональном уровне* сегодня Россия и ЕС являются наиболее крупными европейскими игроками в области безопасности, выступая основой для двух основных региональных систем безопасно-

сти — западноевропейской («Европа — ЕС») и постсоветской («Европа — ОДКБ» [4]. Поскольку Европа перенасыщена институтами безопасности, в этой связи, скорее нужно говорить, что сотрудничество между ведущими акторами европейской безопасности в не меньшей, а может быть даже в большей степени определяется соперничеством между ними и конкуренцией за установление собственных правил игры [5]. В данном контексте противоречивое положение Приднестровья в сложной архитектуре европейской безопасности осложняется еще и тем, что этот регион располагается между двумя региональными комплексами безопасности, на стыке которых появляются пограничные «серые зоны» безопасности, поскольку среди них существует множество различий, в том числе и в подходах к урегулированию конфликтов. Как показывает практика, на этом этапе возникает значительное количество противоречий, поскольку каждый из этих комплексов старается проецировать свое влияние и реализовать собственную стратегию безопасности. Это наглядно демонстрирует соперничество интеграционных проектов России и ЕС на постсоветском пространстве, в частности вокруг Молдовы, и негативная реакция Москвы на развитие программы «Восточное партнерство» ЕС [6]. Так, с точки зрения России дальнейшее развитие интеграционных процессов Молдовы с ЕС могут значительно ухудшить и без того тяжелое положение Приднестровья и осложнить отношения между конфликтующими сторонами [7].

Практически противоположное положение в отношениях России и ЕС по вопросу затяжных конфликтов существует на *уровне общеевропейских договоренностей*. Согласно ключевым договоренностям по безопасности, в первую очередь, следует привести в пример Дорожную карту сотрудничества России и ЕС в области безопасности, урегулирование конфликтов является одним из основных направлений общей политики в области безопасности. В этом отношении, между Россией и ЕС заложен не только значительный теоретический потенциал. Так, например, в 2010 г. по инициативе руководителей России и Германии была выдвинута Мезебергская инициатива по европейской безопасности, которая предполагала вывести отношения Россия-ЕС в сфере безопасности на принципиально новый уровень благодаря созданию нового комитета по безопасности между Россией и ЕС. Одним из перспективных направлений работы была выделена совместная работа по урегулированию Приднестровского конфликта [8]. Позитивный

импульс, запущенный благодаря этому проекту позволил сдвинуть с мертвой точки процесс переговоров по Приднестровью, замороженный более чем в течение пяти лет. Тот факт, что дальнейшего серьезного прогресса в решении приднестровской проблемы и в улучшении отношений Россия — ЕС по безопасности не произошло, в целом свидетельствует скорее не о недостаточной эффективности нынешних механизмов взаимодействия, а об отсутствии достаточной мотивации к совместной работе. К сожалению, пока приходится констатировать, что частные региональные интересы оказываются сильнее чем интересы общеевропейской безопасности.

Таким образом, в настоящее время затяжные конфликты на постсоветском пространстве испытывают значительное воздействие процессов интернационализации, в частности Приднестровский конфликт, на который оказывают влияние ключевые акторы европейской безопасности, такие, как Россия и ЕС. Вместе с тем, проблема приднестровского урегулирования выступает весьма важным фактором в отношениях России и ЕС, причем не только в области безопасности, но и воздействует на взаимоотношения в других сферах. Этот конфликт затрагивает множество проблем сразу в нескольких измерениях, начиная от внутренних политических отношений между властями Кишинева и Тирасполя, и внешних — с Россией/ЕС, отношения Москвы и Брюсселя по широкому кругу вопросов и динамику развития интеграционных проектов на постсоветском пространстве, а также вопросы общеевропейской стабильности. Интернационализация Приднестровского конфликта сегодня достигла такой степени, что от внешних акторов, в особенности от ЕС и России, сегодня в значительной степени зависят перспективы приднестровского урегулирования. Как представляется, развитие их отношений непосредственно скажется на процессе разрешения существующих в Европе конфликтов и будущем устройстве всей архитектуры европейской безопасности в целом.

Литература

1. De-conflicting Protracted Conflicts in the South Caucasus: The Role of the EU and NATO. 6th Workshop of the Study Group “Regional Stability in the South Caucasus” / E. M. Felberbauer, F. Labarre (Eds.). Vienna, January 2013. 112 p.
2. OSCE Special Representative for protracted conflicts to visit Moldova // OSCE: official site. URL: <http://www.osce.org/moldova/99198> (дата обращения: 15.06.2014).

3. Lynch D. Peacekeeping in Transnistria: Cooperation or competition? // *The International Spectator: Italian Journal of International Affairs*. Volume 41, Issue 4. 2006. Pp. 57.
4. Buzan and Waever. *Regions and Powers*. Cambridge, 2003. P. 378.
5. *Ibid.* P. 370.
6. Sergey Lavrov — Minister of Foreign Affairs, Russian Federation // *Brussels Forum 2009. A conversation with Russia*. URL: http://www.gmfus.org/brusselsforum/2009/docs/BFDay2_ConversationRussia.doc (дата обращения 15.06.2014); Сергунин А. «Восточное партнерство»: вызов российской дипломатии в Восточной Европе // *Вестник ВГУ*. 2010. № 1. С. 207; «Программа Европейского союза «Восточное партнерство»: проблемы реализации и возможные последствия». Экспертный совет Комитета Совета Федерации по делам Содружества Независимых Государств. 19 ноября 2009 г. С. 33, 34.
7. МИД РФ указал Молдавии на недопустимость блокады Приднестровья // Информационное агентство REGNUM. 11.06.2014. URL: <http://www.regnum.ru/news/1813327.html> (дата обращения 15.06.2014).
8. Popescu N., Litra L. *Transnistria: A Bottom-Up Solution*. European Council on Foreign Relations. London. September 2012. P. 7.

СТАНОВЛЕНИЕ КИТАЯ В КАЧЕСТВЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ЛИДЕРА В РЕГИОНЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Стратегия в Центральной Азии, проводимая как Китаем, так и США, направлена на поддержание стабильности в регионе и помощь в развитии энергетики, однако основное отличие заключается в формате оказания данной помощи. В отличие от США и других стран Евро-атлантического региона, Китая, предоставляя помощь своим центральноазиатским соседям, не выдвигает каких-либо предварительных условий, например, условия обеспечения прав человека и проведения экономических реформ. Это полностью соответствует принципу невмешательства в рамках Пяти принципов мирного сосуществования. В то же время США выдвигают предварительные условия получения экономической помощи и стремятся добиться проведения существенных реформ в государствах Центральной Азии, что значительно осложняет взаимоотношения с большинством этих стран (особенно наглядно это проявилось после событий в Андижане в Узбекистане). Китайская политика невмешательства, напротив, позволила Пекину сохранять лидерство и выстраивать более стабильные отношения со своими соседями в регионе. Фактически, Китай стал первой страной, в которую прибыл с официальным визитом президент Узбекистана Каримов после событий в Андижане. В свою очередь, за эффективное урегулирование андижанского кризиса в мае 2005 г. Китай предоставил узбекскому президенту экономическую помощь в полном объеме. С экономической точки зрения, провинция Синьцзян как экономический и торговый центр, этнически и географически тесно связанный с Центральной Азией, позволил Китаю получить преимущество перед США в развитии экономических связей с республиками. На сегодняшний день, ШОС остается единственной региональной организацией в сфере безопасности, в которой США напрямую не участвуют.

По сравнению со странами Центральной Азии Китай является очень мощной экономической, военной и политической державой. Китай может предоставить своим соседям возможность включиться

в азиатско-тихоокеанскую экономическую систему, а также предложить систему альтернативного экономического развития.

Китай не стремится заключать соглашения и выстраивать геополитические и геоэкономические союзы на двусторонней основе; напротив, Пекин рассматривает Центральную Азию в качестве единого блока и предпочитается взаимодействие по вопросам экономического сотрудничества и проблемам в сфере безопасности в рамках организационных механизмов, например, посредством ШОС. В целом, используя ШОС, в вопросах безопасности Китай смог найти эффективный подход к решению как собственных «внутренних проблем», так и проблем в регионе.

Если оценивать будущее развитие ситуации в Центральной Азии, у Китая есть хорошие шансы стать гегемоном в регионе, при условии сохранения темпов его экономического роста, технического потенциала и задействования инструментов «мягкой силы». В целях расширения сферы влияния Китая в регионе усилия политического руководства страны также играют важную роль, хотя, похоже, что вопрос установления гегемонии в Центральной Азии не стоит на политической повестке дня. Китай стремится получить статус сверхдержавы, обладающей определенным влиянием, но не несущей значительной ответственности. Китай полагает, что его вовлеченность может повлечь за собой проблемы для него же самого. У Китая фактически отсутствуют имперские амбиции — стремление создавать колонии или зависимые государства, а также патримониальное отношение к своим соседям. Тем не менее, Китай видит себя как страну, по своему масштабу выходящую далеко за рамки обычного национального государства, и, естественно, стремится использовать свои экономические преимущества для оказания влияния на другие государства. Фактически, Китай сегодня борется с вызовом определения своей роли в мире, а не с ее реализацией. Пока что Китай намного лучше осознает, что именно ему не нравится, а не чего именно он хотел бы. И это совершенно неудивительно. На протяжении почти двух тысячелетий Китай представлял себе международные отношения как идею того, что внешний мир приходит к нему со своей стратегией, а не как то, что сам он выходит во внешний мир для активного взаимодействия с другими странами. Современная китайская внешняя политика возникла совсем недавно и все еще находится в развитии. Таким образом, опасения России, что Китай стремится к экспансии в Сибири в большей степени обусловлены историческими

и зачастую ксенофобскими страхами, а не рациональным анализом намерений и ресурсов Китая. Хотя Китай и стремится к оказанию большего влияния в системе глобальных институтов (например, Международный валютный фонд, Всемирный банк, Большая двадцатка), он не продемонстрировал какого-либо стремления взять на себя больше ответственности.

А. Малашенко, сопредседатель программы «Религия, общество и безопасность» в Московском центре Карнеги утверждает, что рано или поздно установление влияния Китая в регионе неизбежно, поскольку талибы вряд ли смогут противостоять Пекину. Это характерно для китайской внешней политики, что наглядно показывает пример Африки: пока другие страны занимаются урегулированием противоречий в отношениях, Китай приходит и наращивает свое влияние (за счет значительных экономических инвестиций в регион). Подход Китая можно охарактеризовать следующим образом: «мы не хотим вмешиваться в ваши споры, но вы не сможете ими заниматься без наших денег». Похожая тактика может быть использована Китаем и в Афганистане. Следует согласиться с Малашенко, что, используя постепенный подход и свой экономический потенциал в регионе, Китай продолжит наращивать свое влияние в Центральной Азии, включая также и Афганистан, поскольку стабильность в регионе является одной из ключевых целей Пекина.

Следует отметить весьма интересный факт, что все китайские аналитики очень скромно оценивают позиции Китая в Центральной Азии. Фактически, никто из них не говорит о том, что Китай становится лидером в регионе. Сунь Чжуанчжи считает, что «Китай находится не в той ситуации, чтобы обойти Россию и стать региональным лидером в среднесрочной перспективе». Кроме того, Сунь полагает, что, несмотря на свои огромные инвестиции в регионе, Китай борется за то, чтобы выиграть битву на поле «мягкой силы», и что ему нужны более эффективные методы наращивания своего «мягкого влияния» в Центральной Азии, в том числе и для того, чтобы опровергнуть теорию китайской угрозы и противодействовать анти-китайским настроениям, разжигаемым западными СМИ. Лин Джи считает, что вовлеченность Китая в Центральную Азию до сих пор ограничена довольно небольшим числом областей (нефть, природный газ и сырьевые ресурсы), и что Китаю следует больше расширить сферу своих инвестиций на транспорт, электричество и телекоммуникации. Эти скромные действия можно расце-

нивать как полностью соответствующие официальному курсу Китая, направленному на создание более дружественного имиджа и уменьшения опасений китайской угрозы.

Исходя из принципа невмешательства во внутренние дела других государств, а также способности инвестировать к взаимной выгоде обеих сторон, можно предположить, что Китай использует эту же тактику и в Центральной Азии. Тот факт, что Китай избегает обсуждения внутривнутриполитической ситуации в других государствах, делает его все более привлекательной великой державой. В отличие от России, Китай не связывает страны Центральной Азии ограничивающими торговыми соглашениями и не стремится оказывать скрытое влияние на их политическую ситуацию. Китай позволил осуществить цель рыночной диверсификации, которую ставили перед собой центральноазиатские республики. Пекин профинансировал строительство систем трубопроводов через территорию Туркменистана, Узбекистана и Казахстана, которая будет обеспечивать энергетические потребности Китая. Сегодня Туркменистан экспортирует в Китай больше газа, чем в Газпром. Заявленный объем поставок на ближайшую перспективу должен составить от 20 до 25 млн кубических метров газа, а к 2020 г. достигнуть 65 млн кубических метров. В 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин и президент Казахстана Н. Назарбаев официально договорились о покупке Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (CNPC) 8,33% доле в Кашаганском нефтяном месторождении. Оба лидера также подтвердили, что в 2015 г. газ в Китай будет поставляться по трубопроводу «Бейнеу-Бозой». Во многом благодаря открытию сети газопроводов Китай быстро становится основным торговым партнером для всех стран Центральной Азии. Ассортимент товаров, поставляемых в них Китаем, становится все более широким. Даже Узбекистан, который поначалу относился к развитию бизнеса с Китаем с большой осторожностью, сейчас активно поддерживает китайские инвестиции. Сегодня Китай является вторым по величине торговым партнером в крупнейшем инвестором в транспортный сектор экономики Узбекистана. Последовательность, постепенный подход и способность признавать и исправлять свои ошибки будут способствовать успеху Китая в регионе уже в ближайшем будущем. Китайская политика принимает во внимание долгосрочные перспективы и опирается на четкие и реалистичные экономические и политические планы. Для достижения своих целей Китай также активно использует ШОС. Очевидно, что интенсификация

торговых отношений между Китаем и странами Центральной Азии означает конец геоэкономического доминирования России в этом регионе. Китай успешно достиг своих целей в отношениях с Казахстаном и Туркменистаном и теперь конкурирует с Евросоюзом за использование природных ресурсов в регионе. Вместе с тем, Китай признает и российскую сферу интересов в Центральной Азии. Китай с успехом находит способы взаимодействия с Москвой и использует партнерство для достижения своих собственных целей в регионе. Китай также не является конкурентом России, поскольку страны занимают свою собственную экономическую нишу. Китай демонстрирует уважение к интересам России в стране, а Россия, в свою очередь, воспринимает экспансию китайских товаров на местных рынках как естественный процесс. Хотя Китаю сложнее найти взаимопонимание с США, особенно в связи с размещением американских военных баз в регионе и прошедшими цветными революциями, тем не менее, Китай избегает открытой конфронтации с Соединенными Штатами и взаимодействует с Западом в рамках антитеррористической коалиции. Китай продолжит проводить осторожную, но решительную политику в регионе, которая включает в себя подавление движения за независимость в Уйгурском регионе, также используя для этого поддержку со стороны режимов в Центральной Азии. Кроме того, Китай будет расширять сеть энергетических коридоров, которые уже обеспечивают его нефтью из Казахстана и газом из Туркменистана. Китай также продолжит увеличивать объемы своих инвестиций и расширять свое присутствие на рынке потребительских товаров в странах Центральной Азии.

В краткосрочной и долгосрочной перспективе Китай продолжит усиливать свои позиции в Центральной Азии. Вероятнее всего, что Россия и Китай смогут разрешить свои противоречия и найти способы сотрудничества. Вероятно, в долгосрочной перспективе влияние Китая будет возрастать за счет упадка России, потерь ЕС и снижения влияния США (игра с нулевой суммой). Однако это постепенный и мягкий естественный процесс, который, скорее всего, не вызовет активного противодействия со стороны России. Стратегия Китая основывается на прагматичном подходе и экономических средствах оказывается более эффективной, чем политика, проводимая другими великими державами в Центральной Азии. Китай продолжит играть активную роль в обеспечении безопасности в регионе, включая даже решение проблем безопасности в Афганистане.

Литература

1. Sun Zhuangzhi. An analysis of tension points and security trends in Central Asia. Xinjiang Shifan Daxue Xuebao 2011, vol. 32, no. 2, pp. 20–25
2. Sheng Shiliang, An overview of how to deal with security problem in Central Asia. Eluosi Zhongya Dongou Yanjiu, 2011, vol. 1. no 1 pp. 21–27.
3. A New Bloc Emerges (2005), Available at http://www.americanthinker.com/articles_id=4703 (accessed 8 July 2013).
4. Five Principles of Peaceful Coexistence between China and India, Available at http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/ziliao_665539/3602_665543/3604_665547/t18016.shtml (accessed 9 July 2013).
5. Rumer B. Central Asia: A Gathering Storm. New York, M. E. 2002. 179 p.
6. Founding Declaration of SCO (2001), Available at <http://www.sectSCO.org/> (access 9 July 2013).
7. Central Asia Between Competition and Cooperation (2006), Available at http://www.fpi.org/fpiftxt/3754_2 (accessed 9 July 2013).
8. Zhou Lihua. An analysis of the security of capital flows between China and Central Asia. Eluosi Zhongya Dongou Shichang 2011, vol. 1, no. 1, pp 5–15
9. Lo B and Shevtsova S. A 21st Century Myth Authoritarian Modernization in Russia and China. Moscow, Carnegie Moscow Center. 2012 48p.
10. If the US and Russia can't Figure out Afghanistan, China Will (2013), Available at <http://carnegie.ru/publications/?fa=53924> (accessed 10 July 2014).
11. Sun Zhuangzhi. An analysis of tension points and security trends in Central Asia. Xinjiang Shifan Daxue Xuebao 2011, vol. 32, no. 2, pp. 20–25
12. Ling Ji, Economic and trade cooperation between China and Central Asia. Guoji Guancha 2010, vol. 1, no. 5 2010 pp 10–22.
13. China's Unmatched Influence in Central Asia (2013), Available at <http://carnegieendowment.org/regions/?fa=283&reloadFlag=1> (accessed 20 September 2014).
14. Trenin D. The End of Eurasia: Russia on the border between geopolitics a. globalization. Moscow, Carnegie Moscow Center. 2001 340 p.

SECURITY RESEARCH TRANSFORMATIONS INFLUENCED BY CYBERSPACE

The science as a guide of modern society manages methods and means of creation and destruction, while politics and safety have the function of its results application. Acquiring true, duly, relevant and changeable knowledge on a certain thing, appearance or personality, by application of adequate research methods, individual, and also the services within the system, develop the mechanisms of adequate activities in order to keep the stability and safety of the order. According to gathered and analyzed information the reality is interpreted, the thought forms are created and the order is made into disturbed everyday. Hence the aim of methodology is to determine conditions for verification of scientific knowledge and ways of its achieving.

If the public of lounges and pubs at the beginning of modern era, due to dominant art and social topics and characteristic elitism was called — literary, “then the present public, first of all the one within forums and blogs, because of the possibility of having continuous discussions may be called new internet or virtual public or community” Such a community, as agglomerate of interactively included individuals, via webs, blogs, discussion groups and forums, e-mails and chats at the same time communicate in the real time, without space limits. Because of distribution spreading and decentralization, social networks become the bases of kind of a cyber guerrilla which promotes different forms of extremism, criminal, violence and terrorism. Thus, the world of communication reforms the world of safety, and new techniques are slowly perceived in everyday life. The aim of this paper is to point to the scope and the changes structure in the methodological frame of conflict communication research, because of media analysis there is no stable relation between safety actors nor between actors in the public.

Conflictology, studying the social conflicts, crisis situations, war and violence has the task to offer the appropriate solution. In practice, crisis management very often represents the series of long lasting operations which include numerous organizations and individuals, with private, social, party and public interests which cross and screen. Social conflicts in fact are “ the state of tension, open antagonisms and clashes, which are

constitutive elements of each social system and which are in the essence of each of its polarized and desirable dynamics” There are more and more challenges, from rough forms of physical violence, spreading of different and modified forms of terrorism (including cyber space), to state interventionism and internal conflicts constructing. Among objectives there are still classic targets, from the structures of national economy which is internally destructed, via banks, public institutions and organizations, infrastructure facilities and systems, to hospitals, army, security service and information — communication centers.

The transformation is the correct term which describes transfiguration: Internet does not abolish pervious media, but integrates them. In other words, new technologies adjust to social context, liberal market and interface which significantly changes the manner of information flow.

In the methodology of conflict research the scope of choices and the defining of the whole which are to be the topics of interest, immediately get into the eyes. The elementary starting factor (object), at the same time may be the individual, and also the whole of population whose presence is recorded in networks. The European surrounding and USA clearly force the *cognitive-institutional approach* which focuses on the activity analysis of numerous individuals, groups, networks and institutions, sensory perception and cognition of the people who primarily deal with the crisis, and also group and institutional frame within which the decisions are made. The analysis may leads us to the series of important data: from those which individuals or parts are made into a group or the whole, quality and quantity of internal relations, space or time frame, via the role and function of each individual, up to ability, feature (character) and tendency to integrate with the other group or community members. This is important from the point of dominant ideology, because public discourse takes special role in creating safety paradigm. Corpus linguistics is quantitative and qualitative, thanks to wide sample it satisfies the statistic relevance and broadness, so the objective, deep and reliable generalizations are possible. By analysis of media statements and sources we focus on those which refer to prevention and preparation of the public for the crisis, actors of crisis management identification, crisis perception, crisis management, political — organizational cooperation, crisis communication (collecting and processing information, digital information transfer systems, communication with public and the role of new media in crisis management), crisis internationalization, time effects, expenses and also publicity acquiring and public consonance. Studying of

the statistics data, deduction and comparison in accordance to analytic degrees, topics, variables and indicators, the whole picture is created on conflict nature, risks when solving and also on priority actions.

The way animals leave traces in the nature, a man leaves traces in cyber surrounding: text messages sent by e-mail, SMS-s, chats, in blogs, video recordings, music and similar. It is impossible to destroy them because once they are inserted in the network they remain as permanent record on server, no matter how many times we tried to delete or erase them. Such contents in research are possible indicators because they present us photographically the author's mindset, which by further analysis may be studied. By communication monitoring and analysis, it is easy to determine who friends and acquaintances are, whom God they pray to and how often they go to the churches, synagogues or mosques, if they go to the psychiatrist, whether they have lovers, if they are overdraft in the bank, which cars they drive and what they dream about and so on. Analyzing metadata it may be quickly determined who invites who, what the content of communication is, and also bank account numbers, if the tax is paid regularly, data on insurance, registration plates number of the vehicle in possession, if there is a file, conviction or arrest and the reason for that and if there is the profile on *Facebook* and on other social networks, who the people in the circle of communication are and so on. Based on obtained data constitute "life charts" which give psychological profiles much more complete than the ones got by classical intelligence service that spent months and years of terrain work, let alone the money. In methodology *underlying flat* is transformed: instead of laboratory reconstruction via research of safety actors, simulated behavior in the focus of groups or partial observation, now we can thematically much wider, without actor's knowledge, follow, analyze and envisage their activities and behavior, direct habits and patterns. Instead of miniature clippings of things, the whole of population may be researched so the axis is not social individual but social universe. The time frame has expended, because in difference of *ad hoc* sample which is the reflection of the moment, we now follow the reality itself, that allows separation of trends and deeper insight in relations of connection, causalities, consequences and predictability. The basic sparkle of research becomes digital metadata which is easily identified, ranked, measured, including advanced statistical and similar analyses.

The attention is turned to predictive analytics which allows networking of different data bases, which by special software analyses, filter and pre-

dict activities of individuals, groups, and even the whole nations in delicate situations and crisis. Understanding media analytics as activity unit of safety subject, western countries accessed the modern way of providing true, timely and usable knowledge for practical safety activity. Social and demographic features of social networks users as well as their everyday activities, make two big groups of things, which results in safety estimation may be very reliable. Researches may be quantitative, based on frequency measuring of some correlation cases, and qualitative with the aim to measure dedication of internet pages, topics and activities in them, and also study the attitudes, opinions and beliefs.

Possible sample is made of all present in cyber sphere: from presidents, prime ministers, ministers, via generals and academicians, to porter in nuclear exchanges or coffee makers in military bases. In safety researches high standards of civil society are rarely appreciated, specially on privacy protection, so the gathered information are used without previous knowledge or approval of safety interesting person which is in this way intelligently processed. Gathering recorded mail lists, reactions on the blogs, opinions on chat forums or discussion groups, the use of machines for search, meta-searchers and intelligent agents, the reliable answers are obtained very quickly, important for further safety estimation and activity.

The researches of computer networks and media contents in methodology belong to category of *applied researches*. The knowledge of scientific theory, that is consolidated and systematized cognition of fundamental research is tried to be processed in the way to define their practical application. The results of these researches are projections, models and patterns of certain behaviors in crisis situations. Modern methodology use synergy approach in describing and making of relations and identities. In forming of basic filed (persons) it is searched for social role (active or passive), location (where), actuality (when), social status (leader or object), and further field would be new data: what refers immediately to personality, what the characteristics are, what the plans are, what reaction would be in crisis situation and so on. For example, following how many visitor(s) stay on some terrorist's website, which pages are opened, how long they are read, how many look over the similar content pages or follow the instructions, if the connected websites are opened, and similar, and the further activities may be perceived. When on *Facebook* or *Twitter* members of social network call for certain activity, we immediately follow the development, when they publish own photos or of other participants the faster identification is contributed, while the status, likes,

comments, selfing, remarks and similar reactions help to construct their psychological profile.

The extreme development of present social networks will soon be stopped, but other, more perfect type of networks will come on their places. Hence, methodology communication research in cyber sphere becomes the key of real safety management, but it will be in the hands of privileged elite which use someone else's weaknesses and ignorance.

Literature

1. Aracki, Zoran (2007): *Youth challenged to a networked society*: Balkans Youth Between Violence and Culture of Peace, Proceedings of the Faculty of Philosophy, Center for Sociology Research, Nis.
2. Brankovic, Srbobran (2013): *Social Networks and New Possibilities of Social Research*, Culture Policy, No.20. Novi Sad
3. M nch, Richard (1991): *Dialektik der Kommunikationsgesellschaft*, Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
4. Milasinovic, Srdjan, Jevtovic, Zoran (2013): *Conflict Research Methodology and Crisis Communication in Modern Society*, Criminal Police Academy, Belgrade.
5. Milasinovic, R., Milasinovic, S., Putnik, N. (2012): *Conflict Theory*, Belgrade: Faculty of Security Studies University in Belgrade.
6. Termiz, Dzevad, Milosavljevic, Slavko (2008): *Analytics*, Media plan Institute, Sarajevo

ОБ АВТОРАХ

Алимов Андрей Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент Кафедры мировой политики ФМО СПбГУ, заведующий Кафедрой социально-гуманитарных наук РГГМУ

Арачки Зоран М. — Факультет философии, Университет г. Ниш (Сербия) // **Aracki Zoran M.** — University in Nis, Faculty of Philosophy (Serbia)

Барский Кирилл Михайлович — кандидат исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Королевстве Таиланд

Богуславская Юлия Константиновна — кандидат политических наук, старший преподаватель Кафедры американских исследований Факультета международных отношений СПбГУ

Бранкато Екатерина — кандидат экономических наук, адъюнкт-профессор Университета Джорджа Мейсона (США) // **Brancato Ekaterina** — PhD in Economics, Adjunct Professor at George Mason University

Григорьев Леонид Маркович — профессор, руководитель Департамента мировой экономики ФМЭМП, главный советник руководителя Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации

Довбыш Евгений Геннадьевич — аспирант ИМЭМО РАН

Карлин Лев Николаевич — доктор физико-математических наук, профессор, ректор Российского государственного гидрометеорологического университета

Киртон Джон — содиректор Исследовательской группы стран БРИКС в Университете Торонто // **Kirton John** — Co-Director of BRICS Research Group at University of Toronto

Кишкин Юрий Яковлевич — доктор философских наук, профессор, генерал-майор в отставке

Лабецкая Екатерина Олеговна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН

Лебедева Марина Михайловна — доктор политических наук, профессор, заведующая Кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России

Новикова Вероника Михайловна — магистр в области международных отношений МГИМО МИД России

Пряхин Владимир Федорович — доктор политических наук, профессор Кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ

Растольцев Сергей Владимирович — младший научный сотрудник Отдела разоружения и урегулирования конфликтов Центра международной безопасности ИМЭМО РАН

Рустомова Лейли Рустамовна — аспирантка кафедры Мировых политических процессов МГИМО МИД России

Саворская Екатерина Владимировна — кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН; старший преподаватель Кафедры международных организаций и мировых политических процессов ФМП МГУ

Сондерс Пол — исполнительный директор Центра национальных интересов (США) // **Saunders Paul J.** — Executive Director of the Center for the National Interest (USA)

Стецко Елена Владимировна — кандидат философских наук, доцент Кафедры мировой политики факультета Международных отношений СПбГУ

Фатueva Евгения Владимировна — аспирантка Кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России

Харкевич Максим Владимирович — кандидат кандидат политических наук, доцент Кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России

Чеков Александр Дмитриевич — аспирант Кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России

Чунг Маргарет — аспирантка МГИМО МИД России

Шаумян Татьяна Львовна — кандидат исторических наук, Руководитель Центра индийских исследований Института востоковедения РАН

Юрьева Татьяна Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент Кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России

Научное издание

Материалы VIII Конвента РАМИ

ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

25–26 апреля 2014 г.

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
данная продукция маркировке не подлежит

Компьютерная верстка *А. С. Туманова*

Подписано в печать 16.10.2015

Формат 60×84¹/₁₆ Усл. печ. л. 14,25. Уч.-изд. л. 11,4

Тираж . Заказ №

Издательство «МГИМО–Университет»

119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России

119454, Москва, пр. Вернадского, 76

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Российская ассоциация международных исследований (РАМИ) является крупнейшей российской профессиональной ассоциацией в сфере междисциплинарных исследований, затрагивающих историю, теорию, региональные и многосторонние аспекты международных отношений. В РАМИ на протяжении уже 15 лет участвуют представители более чем 200 российских университетов и исследовательских центров, а также экспертного сообщества из стран СНГ, Балтии и ЦВЕ. РАМИ входит в состав Всемирного комитета по международным исследованиям (WISC), регулярно организует свои сессии в рамках североамериканской Ассоциации международных исследований (ISA).

РАМИ ставит перед собой задачи поддержания высокого профессионального уровня исследований и преподавания международных отношений и мировой политики в России, а также развития профессиональных контактов с международными ассоциациями. РАМИ способствует налаживанию неформальных связей между представителями политической и научно-исследовательской элиты и проведению консультаций в сфере мировой политики и международных отношений.

Президентом РАМИ является ректор МГИМО МИД России, академик РАН А. В. Торкунов. Главный исполнительный орган РАМИ — Руководящий совет.

Конвенты РАМИ, проходящие каждые два года, регулярно собирают около 1000 российских и зарубежных участников. 25–26 апреля 2014 г. в МГИМО МИД России состоялся восьмой по счету Конвент РАМИ на тему «Метаморфозы посткризисного мира: новый регионализм и сценарии глобального управления». Его программа включила в себя две пленарных сессии, 29 секций, два круглых стола, несколько партнерских мероприятий — VI Международную научную конференцию испанистов и III конференцию Российской ассоциации украинистов, а также ряд выставок и презентаций организаций-партнеров РАМИ.

Исполнительная дирекция РАМИ

Тел.: +7 (495) 434-91-63

www.risa.ru | risa@inno.mgimo.ru

РУКОВОДЯЩИЙ СОВЕТ РАМИ

Президент РАМИ

Анатолий Васильевич Торкунов

Программа глобальных исследований

Александр Александрович Дынкин

Владислав Леонидович Иноземцев

Программа европейских исследований

Марк Львович Энтин

Алексей Анатольевич Громыко

Николай Юрьевич Кавешников

Программа американских исследований

Татьяна Алексеевна Шаклеина

Виктор Александрович Кременюк

Программа евроазиатских исследований

Андрей Владимирович Загорский

Ирина Доновна Звягельская

Программа мирополитических исследований и изучения деятельности негосударственных акторов

Марина Михайловна Лебедева

Павел Афанасьевич Цыганков

Программа исследований в области теории международных отношений и сравнительной политологии

Татьяна Александровна Алексеева

Андрей Юрьевич Мельвиль

Программа исследований истории международных отношений

Михаил Матвеевич Наринский

Владимир Олегович Печатнов

РУКОВОДЯЩИЙ СОВЕТ РАМИ

Программа взаимодействия с исследовательскими центрами и регионами

Андрей Вадимович Картунов
Виктор Анатольевич Кокшаров

Программа азиатско-тихоокеанских исследований

Алексей Дмитриевич Воскресенский
Александр Николаевич Панов

Программа исследований многосторонних институтов

Виктория Владимировна Панова
Марина Вадимовна Стрежнева

Программа исследований стран БРИКС

Георгий Давидович Толорая
Людмила Семеновна Окунева

Программа ближневосточных исследований

Виталий Вячеславович Наумкин
Олег Алексеевич Колобов

Программа исследований международной безопасности и конфликтологии

Федор Генрихович Войтоловский
Александр Иванович Никитин

Программа энергетических исследований

Нодари Александрович Симония
Валерий Иванович Салыгин
Мария Андреевна Белова

Программа исследований в сфере международной политической экономики

Светлана Павловна Глинкина
Алексей Владимирович Кузнецов

РУКОВОДЯЩИЙ СОВЕТ РАМИ

Программа международно-правовых исследований

Геннадий Петрович Толстопятенко
Александр Николаевич Вылегжанин
Дмитрий Владимирович Иванов

Программа исследований мировой экономики

Михаил Юрьевич Головин
Александр Сергеевич Булатов
Марина Алексеевна Петрова

Программа цивилизационно-культурных исследований

Алексей Викторович Шестопал
Галина Мирославовна Лесная
Геннадий Васильевич Осипов

Исполнительный директор РАМИ

Артем Владимирович Мальгин

Ответственный секретарь РАМИ

Владислав Владиславович Воротников

Секретариат

Марина Сергеевна Василевская
Анджей Артурович Габарта
Нина Сергеевна Дымшиц